

**О посольском приказе
Сергей Алексеевич Белокуров**

Общий характер внешней политики Русского государства до вступления на Московский великокняжеский престол Ивана III (1462 г.)

Русское государство¹ в первые века своего существования (IX, X, XI вв.) входило в сношения почти со всеми окружающими его государствами и народами: на севере – с финскими племенами и скандинавами, на северо-западе и западе – с литовцами, балтийскими славянами, поляками, чехами и венграми, на юге – с болгарами и Византийской империей, на юго-востоке с находившимися здесь степными-кочевыми народами – торками, печенегами и хазарами. Торговые интересы были главной причиной сношений северной России, преимущественно Новгорода, с балтийскими славянами и Скандинавией, а южной России с Византийской империей; с последнею киевские великие князья Олег, Игорь и Святослав в 907, 911, 944 и 971 годах заключили особые договоры, сохранившиеся в русских переводах в наших летописях и имевшие в виду упорядочение различных вопросов торговли Русских с греками. – Брачные союзы также соединяли русских князей с иноземными государями в X–XII вв.: женою великого князя Ярослава была дочь шведского короля Олафа I, старшая дочь его была за норвежским королем Гаральдом, младшая Анастасия за венгерским королем Андреем, вторая Анна за французским королем Генрихом I, а сестра за польским королем Казимиром (XI в.). Дочь английского короля Гаральда выдана была датским королем за внука великого Князя Ярослава-великого князя Владимира Мономаха (XII в.). Великий князь Владимир киевский был женат на сестре византийских императоров (X в.), а дочь кн. Мстислава и Христины была за наследником Византийского престола Алексеем Комниным. Наши летописи говорят еще, что за великим князем Изяславом была дочь польского короля Гертруда, а за великим князем Всеволодом – греческая царевна (XI в.). – При своих спорах русские князья обращаются за помощью к иноземным государям и, в случае неблагоприятных обстоятельств, находят у них убежище. Так князь Новгородский Владимир Святославич, спасаясь от преследований вел. князя Ярополка, уходит за море, к варягам (X в.); вел. кн. Святополк Окаянный от князя новгородского Ярослава бежал к тестю своему Болеславу, королю польскому (XI в.); вел. князь Изяслав (ум. 1077 г.) получает помощь от польского короля Болеслава Смелого и с нею занимает Киев; князь

Волынский Ярослав приглашает к себе на помощь поляков, венгров и чехов (XII в.); великий князь Мстислав (ум. в 1182 г.) отправляет полоцких князей в изгнание в Грецию; вел. князю Изяславу Мстиславичу (ум. в 1154 г.) в его борьбе с князем ростовским Юрием постоянно помогал венгерский король Геза II, женатый на сестре его. Точно также и иностранные государи иногда находили убежище себе в России; как напр. Олаф норвежский у вел. кн. Владимира и Ярослава, или у последнего дети английского и венгерского королей. – Вероятно, еще более частые сношения были у русских князей с кочевыми народами, окружавшими Русское государство и постоянно нападавших на окраинные земли его; по крайней мере, вел. князь Владимир Мономах говорит, что он один заключил около 19 мирных договоров с половцами.

С конца XII века центр политической жизни Русского государства передвигается на север, в бассейн рек Оки и Волги, в область Владимиро-Суздальскую, из княжеств которой на первое место выдвигается, благодаря своему счастливому географическому положению, небольшое удельное княжество Московское, впоследствии ставшее великим княжеством и царством. Русская жизнь замирает на юге и русские княжества входят в состав соседних государств: в XIII в. Литва присоединила к себе Полоцкое княжество, владения коего в Ливонии ранее Литвы захватили утвердившиеся на берегах Балтийского моря немцы; в XIV в. в состав великого княжества Литовского вошли – Витебская и Киевские земли, княжества Чернигово-Северские, Минское, Турово-Пинское и Волынское (отчасти); в 1340 г. король Казимир Великий присоединяет к Польше и Галицкое русское великое княжество (королевство).

С подчинением Русского государства власти татар и с захватом части русских земель Польско-Литовским государством изменяется и характер международных сношений русских князей. Они теперь должны были постоянно совершать путешествия к монгольским ханам, доставлять дань и получать от них особые ярлыки на велико-княжеские престолы, и, при исправном исполнении своих обязанностей по собиранию даний, пользовались спокойствием и безопасностью от нападений с востока и юго-востока. В таких условиях находились северные и северо-восточные русские княжества; но в худших условиях были западные русские области – Новгород и Псков, так как они подвергались нападениям с трех сторон – со стороны шведов, Ливонских рыцарей и Литвы. Последняя, соединившись с Польшей (1385 г.), подчинив себе западные русские области и превратившись таким образом в обширное государство, простиравшееся от Балтийского моря до Черного, стала стеною между

Западной Европой и Русью, отрезав последнюю от первой. Со времен вел. князя Ольгерда (1345–1377 гг.) Литва обратила внимание и на земли восточной России и стала заботиться о подчинении их себе; но в этом деле она встретила сопротивление со стороны московских князей, прилагавших усиленное старание к собранию около себя всех земель северо-восточной Руси. Борьба из-за этих земель между Москвою и Литвой, начатая в XV–XVI вв., продолжалась и в последующие века и служила. Главным предметом дипломатических переговоров между этими государствами в XVI в.

Таков общий характер внешней политики Русского государства до вступления на московский велико-княжеский престол Ивана III (1462 г.), под властью коего объединилось большинство русских земель².

Внешние сношения Московского государства с конца XV в. и до начала XVIII в.

Во всех делах внешней политики русские князья постоянно советовались со своей дружиной, и объявляют ей свои мысли. Князь или соглашался с боярами или же, если ему не нравился совет их, поступал по своему; в случае разногласия в мнениях среди дружины, князь решал вопрос, присоединяясь к той или другой стороне. Бояре были ближайшими посредниками между князьями: через них последние улаживались в размолвке, разбирали свои взаимные счета; крестоцелование князей скреплялось присягой их бояр на том, чтобы «между ними добра хотеть, честь их стеречь и не ссорить их друг с другом». Так обстояло в киевской Руси; такое же большое значение имела Боярская дума и в северо-восточной Руси, в XIII и следующих веках. Боярская дума и в это время (XIII–XV вв.) служила советом великого князя по государственным делам, в том числе и по делам внешней политики, все вопросы которой подвергались обсуждению в ней. Тогда еще не существовало какого-либо особого центрального управления, которое ведало бы исключительно только дела по внешним сношениям; равно как не было такового и по многим другим отраслям государственной жизни. Управление теми или другими делами князь распределял между окружавшими его боярами. Из сохранившихся памятников также не видно, чтобы делами внешней политики в тот или другой промежуток времени за XIII–XV вв. заведывали какие-либо лица, имевшие те или другие определенные обязанности или занятия; наоборот, видно, что исполнение решений князя и Боярской думы (ведение переговоров с иностранным послом или посольство к тому или другому государю) возлагалось на бояр, независимо от исполнения лежавших на них обязанностей, часто не имевших никакого отношения к внешней политике. Письменную часть, ведение переписки по внешним сношениям, исполняли бывшие при князе дьяки, среди коих тогда еще не было специализации, деления по ведомствам, не было особого посольского дьяка; дьяки составляли государственную канцелярию, ведшую переписку по всем ведомствам, за исключением тех, очень немногих, которые в данное время уже обособились в отдельные учреждения.

Со вступлением на московский велико-княжеский престол Ивана III изменилось положение великого князя Московского и характер его политики. Великие князья Иван III и его сын, Василий III, подчинили себе Новгород, Псков и последние княжества, бывшие дотол

самостоятельными, так что под властью Москвы собрались все русские княжества, и границы Московского великого княжества теперь соприкасались уже не с единоверными и единоплеменными удельными и великими княжествами, а с иноземными и иноверными государствами.

С великим княжеством Литовским Москва имела сношения, хотя и не часто, и до вел. князя Ивана III; с его времени они значительно расширяются и становятся почти постоянными. Русь XIII–XV вв., вследствие усобиц своих князей, а Московское княжество в период своего роста, когда оно имело еще незначительные размеры, а от Литвы отделяли ее другие княжества, – не могли противиться захвату Литвой западно-русских областей, значительно увеличивших территорию последней. Совсем другое явление наблюдается, когда Москва превратилась, наконец, в обширное Московское государство, которое в состоянии уже было дать отпор притязаниям Литвы. Объединив около себя все северо-восточные русские земли, Москва не считает свою задачу оконченной и стремится возвратить от Литвы те русские земли, которые подпали под власть ее. Всю Русскую землю Москва объявляет «отчиной» московского государя и не признает права литовских князей на те части Руси, которые находились под литовским владычеством. Полное возвращение всех земель русских, занятых Литвою, считается в это время единственным основным условием прочного мира с ней Москвы. «Коли государь ваш похочет, говорят в 1503 г. наши бояре послам литовского вел. князя Александра, с нашим государем любви и братства, и он бы государю нашему отчины их русские земли всей поступился»³. Мысль о принадлежности всей Руси московскому государю была так ясна для вел. князя Ивана III, что он, не позволяя именовать литовскими Отчинами те владения Литвы, на который он объявляет свои притязания, как московский государь. Вопрос о территориальном единстве всей России делается со времени вел. князя Ивана III на долгое время господствующим началом русской государственной политики.

Дела литовские служат главным предметом внимания московских дипломатов; с Польско-Литовским государством наиболее часты, почти постоянны, сношения Москвы: они прерываются только на то время, когда разрешение спорных вопросов предоставляется оружию и возобновляются тотчас же по окончании военных действий. Не всегда завершается успехом политика Москвы: она с переменным счастьем ведет свои дела: то присоединяет к себе русские земли, то ей приходится возвращать их. При вел. князьях Иване III и Василии III ей удалось присоединить в себе весьма значительные области; с меньшим успехом воевал с Польско-Литовским

государством царь Иван IV. В начале XVII века, в Смутное время Московского государства, Польша принимает меры к присоединению к себе всего Московского государства; хотя ее старания не увенчались успехом, все-таки некоторые из завоеванных у нее в XVI в. земель пришлось отдать ей (договоры 1618 и 1684 гг.). В 1654 г. от Польши к Московскому государству переходить Малороссия, часть коей (по левому берегу р. Днепра) и закрепляется за ним вместе с г. Смоленском и Северной страной Андрусовским перемирием (1667 г.), легшим в основу всех дальнейших сношений России с Польщею во второй половине XVII-го века, составлявших только пояснение и дальнейшее развитие этого договора. По вечному миру, заключенному в Москве в 1686 г., утверждены за Россией навсегда Смоленск, Киев, Малороссия, города Северские и другие. Договор Московский был последним актом сношений России с Польщею в XVII веке, надолго определившим отношения этих двух государств.

С другим государством, находившимся на северо-западной границе – Швецией, Русское государство имело также постоянные сношения, начавшиеся еще до Ивана III и происходившие, главным образом, с Новгородом и Псковом⁴. Предметом сношений были: пограничные дела – размежевание земель, торговые дела, переговоры по заключению дружественных союзов, или союзов против общих врагов, или предложение посредничества в случае военных действий Москвы с Польщею. Сношения Москвы с Швецией прерываемы были военными действиями во второй половине XVI века в начале XVII-го (в XVII веке, главным образом, из-за событий Смутного времени). Причиной раздора был Ливонский вопрос. Царь Иван IV стремился вернуть России русские земли, находившаяся в Ливонии, и усиленно старался приобрести пристанище на Балтийском море (море тогда называли «Божьим путем», «Божьей дорогой»); а так как с 1561 г., когда Ливония присоединена была к Польше, Ревель и вся Эстония приняла подданство шведское, то царь Иван IV, при достижении своих стремлений, должен был столкнуться не только с Польшей, но и со Швецией. Еще до подчинения Ливонии Швеции, с 1558 г., он начал свои походы туда и с переменным счастьем вел военные дела; но, в конце концов, принужден был уступить Польше все свои завоевания в Ливонии (1582 г.), а в то же время Швеция, пользуясь стесненным положением Московского государства, вследствие военных успехов его врага польского короля Стефана Батория, захватила русские города в Эстонии и Новгородской земле. Преемники царя Ивана IV, цари Феодор и Борис, также считали необходимым для Московского

государства Прибалтийский берег; но и им не удалось достичь исполнения этого желания, и, по Тявзинскому договору 1595 г., Москва уступила принадлежавшие ей города Эстонии. Мысль о необходимости для России выхода к Балтийскому морю, собственного на нем пристанища, все-таки не исчезла, и горячим приверженцем ее в XVII в. явился начальник Посольского приказа, при царе Алексее Михайловиче, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, которому удалось, по Валиесарскому перемирию 1658 г., приобрести в пользу России в ливонских городах с их округам п завести в устьях Двины русский флот; хотя через три года, по заключенному в Кардисе в 1661 г. миру, Россия принуждена была возвратить шведам все завоевания и уничтожить свой новый флот. А после того, в XVII в. уже не повторялась попытка приобрести на Балтийском море пристанище.

Этими двумя вопросами – Польско-Литовским и Ливонским и отношениями Москвы к Польше и Швеции и объясняются в значительной степени дипломатические сношения Московского государства с остальными европейскими державами, с которыми она их имела. Польша вмешивалась во внутренние дела Австрии, поддерживала восставших против последней венгерцев и потому приобрела себе в ней врага. Таким образом, Польша была общим врагом и для цесаря римского, и для московского великого князя царя: этому обстоятельству обязано и возникновение (в 1486 г.) и продолжение сношений между сими государями. Москва ищет в Вене союзника себе в борьбе с Литвой, или добивается совместных действий к избранию того или другого лица в польские короли, так как и для Вены и для Москвы не безразлично было – кто займет сей престол, или избирает цесаря посредником для решения спорных вопросов.⁵ Ливонские дела также служили предметом сношений, хотя не особенно часто: цесарь вступался за Ливонию и просил (но безуспешно) царя Ивана IV о прекращении военных действий в ней. Гораздо чаще, чем этот вопрос, между Москвой и Веной служит предметом сношений мысль об общем союзе европейских держав против Турции, впервые высказанная еще в начале XVI в.⁶, но до второй половины XVII в. не осуществившаяся; только в 1687 г. кончились кабинетные разговоры о сем и открылись совместные военные действия против турок со стороны России, Австрии и Венеции.

С Пруссией сношения начались еще в первой четверти XVI в. (1516 г.), когда заключен был в 1517 г. союз против Польши; но сношения эти вскоре же прекратились (1520 г.) и возобновились только с 1650 г. Предметом их были дела польские и шведские. Эти же дела обсуждаются

и при сношениях Московского государства с Данией, начавшихся в конце XV в. при вел. князе Иване III (Новгород имел еще ранее в XIV в. сношения с нею); довольно продолжительное время (с 1580 по 1624 гг.) идет также спор о Лапландских землях и о разграничении их, отмежевании того, что из сих земель принадлежит Дании и что – Московскому государству. С остальными европейским государствами Москва не имела постоянных дипломатических сношений, но завязывала их временно, вследствие того или другого вопроса, и довольно часто прерывала их на продолжительное время. В конце XV в. она сношится с венгерским королем о союзе против Польши (1485–1502 гг., возобновляются сношения в 1629 гг.), в конце XV и в XVI в. – с Венецией и римскими папами об общем союзе христианских государей против турок, и по поводу дел польских; в XVII в. к этим государствам присоединяются Франция, Курляндия, Испания и Саксония.

Но еще чаще, чем дипломатические вопросы, обсуждаются вопросы торговые, а с некоторыми государствами даже исключительно только последние. В торговле с Россией заинтересованы были: Англия, Голландия, Дания, Испания, Голштиния, Саксония, Гамбург, Любек и друг. северо-германские города, Венеция, Флоренция и пр. Из Московского государства чрез Архангельск вывозили, главным образом, рожь, селитру, лес, поташ, смальчуг (смола), меха, воск и пр. Вместо этого иностранцы привозили военные снаряды (мушкеты и мушкетные стволы, порох, свинец, пушки, ядра и другие «пушечные запасы») и различные товары, как для продажи в Московском государств, так и для провоза их в Персию, Индию и Китай; они же присылали и различных мастеровых людей той или другой специальности, по требованию Московского правительства. В XVI и первой половине XVII в. наибольшим покровительством пользовалась английская компания, ведшая торговлю в России; но с 1649 г., по случаю убиения короля Карла, все англичане были изгнаны из пределов Московского государства.

Развитие внешних сношений Московского государства с европейскими державами, со времени вел. князя Ивана III, не повлияло на уменьшение сношений с азиатскими народами, частью дипломатических, частью торговых; наоборот эти сношения в XVI и XVII вв. еще более развились.

Свергнув с себя татарское иго (1480 г.), Московское государство пользовалось возникшими в Татарской орде несогласиями и разделением ее на несколько орд (Золотую, Казанскую и Крымскую), чтобы обезопасить себя от нападений с этой стороны. Великий князь Иван III

входит в тесные сношения с крымским ханом Менгли-Гиреем и старается действовать им не только против остальных татарских орд, но и против Литвы (а последняя прилагает усилия привлечь хана на свою сторону против Москвы). С другой стороны, он же старался приглашать к себе на службу татарских царевичей, давая им в награду земли. Тот же великий князь Иван III завязывает сношения с Турецкими султанами. Царь Иван IV, покорив Казанское (1552 г.) и Астраханское (1558 г.) царства, вступает затем в сношения с целым рядом средне-азиатских и Кавказских владетелей: в 1559 г. с «Шевкалом» (на Кавказе) и Тюменским князем, в 1561 г. с Юргенским (Хивинским) князем и Ташкенским царем, в 1564 г. – с «Шамахейским царем» (на Кавказе), в 1507 г. с «Самарханским царем», в 1569 г. – с Сибирским царем Кучюмом, Персией (1553 г.), Грузией в Черкасскими (Пятигорскими) князьями. В следующем – XVII столетии эти сношения с азиатскими народами еще более усиливаются и разнообразятся; с самого начала второй половины XVII в. начинаются посольства между Москвой и Китаем.

Так, в общих чертах, могут быть представлены внешние сношения Московского государства с конца XV в. и до начала XVIII столетия.

Деятельность и значение Боярской думы в вопросах внешней политики Московского государства

Дошедшие, до нас в значительном количестве дипломатические документы Московского государства, начиная со времени великого князя Ивана III, дают возможность проследить деятельность и значение Боярской думы в вопросах внешней политики Московского государства. Боярская дума принимала участие в решении самых разнообразных вопросов, возникавших вследствие приезда в Москву посла того или другого государства. Если приезд этот вселял какое-либо сомнение, вопрос предлагается великим князем Боярской думе на рассмотрение и решается великим князем при участии ее. В сентябре 1536 г. в Москве получено было известие о приезде посла Крымского царевича Ислама, тестя последнего. «И князь великий говорил с бояры: пригоже ли ему Исламова посла почтити, как царевых послов чтят: на Дорогомилово (окраина Москвы) ево встретити послати, и о здоровье спросити, и на подворье к нему сына боярского послати о Исламове здоровьи спросити, и шуба к нему и с ествами послати, – или ево так почтити, как калгиных (калги – наследник хана) чтят?». Ответ получился в пользу посла: «и приговорил князь великий с бояры, что его пригоже почтити, как царевых послов чтят»⁷. В 1514 г. великий князь прислал «с поля» боярина и казначея в Москву, «а велел бояром всем быти на дворе, да о том говорити: пригоже ли послати кого встречу против турецкого посла Камала князя, занеже он истомен, кони поустали и сами голодни?» Бояре приговорили, что «пригоже против турецкого посла послати людей, а и корму ему подослати». Они постановили не только, чтобы на встречу ему ехал наместник Рязанский «со всеми резанцы», но и чтобы «великая княгиня (рязанская) послала своих людей»⁸.

Боярская дума обсуждает вопрос – где принять посла. 18 мая 1522 г. великий князь в бытность свою в Коломне приговорил с боярами, что у него «турецкому послу Скиндерю быть в Коломне непригоже, а пригоже к нему послать сказать, что великий князь на своем деле, ино ему у него быть нельзя, и он бы был на Москве». А через несколько дней в июне месяце думе предложено было на решение – как смотреть на этого посла, в виду того, что он называет себя послом, а русскому посланнику, бывшему в Константинополе, «говорили от салтана, что Скиндеря салтан посылает к

великому князю не посольством». Великий князь приговорил с боярами: «ино тому верити, что паши говорили, а тому не верити что Скиндерь говорил». – С Боярской же думой великий князь решает вопрос об отпуске посла и отправлении ответного посольства. В июне 1524 г. великий князь Василий, выслушав грамоты, присланные султаном с упомянутым выше послом его Скиндером, «говорил с бояры, что ему Скиндеря к султану отпустить, а с ним своего добраго человека послати не пригоже того деля, что салтан большаго посла не прислал и с Скиндером приказу нет – каким межи их крепостям (договору) быти»⁹. В мае 1533 г. великий князь Василий приговорил с боярами, что ему «пригоже турецкаго салтана человека (Ахмата) к султану отпустить, а с ним послати к салтану своя грамота»¹⁰. 4 декабря 1533 г. князь с боярами приговорил отпустить в Нагаи присланного гонца и к мирзам послать своих казаков, а в Крым бывших в то время гонцов¹¹. В августе 1508 г. великий князь приговорил с боярами, что «пригоже ему к Максимилиану цесарю послать грамоту»¹². 15 декабря 1512 г. великий князь Василий III приговорил «с своею братьею» послать в Константинополь поздравить нового султана со вступлением на престол»¹³. В апреле 1517 г. великий князь Василий III поговорил с боярами, что «у него от турского салтана весть никакова не бывала, как и посол его Василий Коробов прише к нему; инобы к нему послати об его здоровье спросить сына боярского». В 1522 г. великий князь Василий III, выслушав посольство от короля польского, «приговорил с братьею и с бояры, что ему пригожа к королю послати своего человека»¹⁴.

Ведение переговоров с приезжавшими в Москву иноземными послами возлагалось великим князем также на Боярскую думу, из состава коей каждый раз назначалась особая комиссия, состоявшая из бояр и дьяков, в сообщении послам называвшихся «советниками» и большими людьми, «которые у великого князя в избе живут»¹⁵. По подаче послом на аудиенции грамоты, он обыкновенно удалялся в одну из палат великокняжеского дворца (обыкновенно – в Набережную или Ответную), куда являлась и назначенная для переговоров с ним комиссия. Выслушав речи посла, комиссия передавала их государю и Боярской думе, от которых получала наставление о дальнейших переговорах. 22 апреля 1517 г. вел. князь Василий III, выслушав речи цесарского посла Сигизмунда Герберштейна, «приговорил с бояры, что против его речей ответ ему велети учинити»; а 19 июля – чтобы посол был «на дворе и тем делом, что говорил на подворье Шигоне (боярину), ответ учинити». 10 ноября того же года князь, «поговоря с братьею и с бояры», послал к тому же

Герберштейну с ответом относительно г. Смоленска боярина и 2-х дьяков¹⁶.

Итак, Боярская дума принимала участие в решении почти всех вопросов, касавшихся внешних сношений Московского государства; она же обсуждала и все дела, возникавшие вследствие их. Такое большое значение во внешних сношениях она имела не только во весь XVI век, но и в первую половину XVII века до тех пор, пока во главе специального учреждения, ведавшего иностранные дела, – Посольского приказа, не стали быть назначаемы (1667 г.) члены той же самой Боярской думы – государственные сановники¹⁷.

Ближняя дума

Как известно, Боярская дума составляла в древней Руси Государственный совет, постоянно действовавший; но, кроме нее, существовала Ближняя дума, частный совет государя, состоявший на наиболее близких и доверенных лиц царя, как из той же Боярской думы, так и не членов ее, созывавшийся тогда, когда царь считал нужным предварительно, до внесения известного вопроса в думу, выслушать мнение по поводу его от заслуживших его доверие лиц. Вопросы внешней политики, наиболее щекотливые, обсуждались в этой Ближней царской думе, и в дипломатических документах встречаем указание на участие членов этой последней думы во внешних сношениях. Так 2 января 1575 г. в боярской комиссии, назначенной для ведения переговоров с цесарскими гонцами, принимает участие «дворянин Ближние думы» Аф. Фед. Нагово; о другой подобной же комиссии 1575 г. царь пишет, что он посылал «бояр, Ближнюю свою думу». В августе 1577 г. доставлена от литовских послов грамота «к бояром, к Ближней думе, которые при государе». Царь, выслушав эту грамоту, велел ответную грамоту написать «боярину Никите Романовичу да дворянину Ближние думы Аф. Фед. Нагово». Думные дворяне Зюзин и Черемисинов, состоявшие в числе посольства, заключившего в 1578 г. перемирие с Баторием, названы «Ближние думы дворянами». Известные дьяки Посольского приказа братья Щелкаловы, назначенные в боярские комиссии 1590 и 1593 гг. для переговоров с литовским послами, называются «ближними дьяками» (1590 г.) и «дьяками Ближние думы» (1593 г.).

Эти два учреждения древней Руси, Боярская дума и Ближняя дума, и имели самое ближайшее отношение к вопросам, касающимся внешних сношений Московского государства.

О лицах, выславшихся к послам «с ответом» и «на говорю»

В сохранившихся дипломатических документах Московского государства находим сведения и о лицах, назначавшихся к послам для ведения переговоров, или, как выражаются акты, выславшихся к послам «с ответом» и «на говорю». Просматривая все эти списки думских комиссий, нелегко уловить мотивы, которыми великий князь или царь руководится при назначении в комиссию того или другого лица для ведения переговоров с полами. Комиссии обыкновенно состояли из 1–2, а в более важных случаях и 3 членов Боярской Думы; в помощь им придавались дьяки 2–3 и в редких случаях один. Бывали случаи, когда один дьяк и посыпался с ответом – без бояр; так поступали или в виду низкого ранга иностранного дипломата (гонец), или в виду малого значения того вопроса или того дела, который должен был обсуждаться или которое должно быть сообщено. При назначении членов комиссии и дьяков не заметно того, чтобы для переговоров с известными послами, напр. польскими, назначались одни лица и дьяки, специалисты по польским делам, а с шведскими – другие лица и дьяки, знакомые с теми последними делами. Одни и те же лица и дьяки вели переговоры с польскими, шведскими и какими-либо другими послами; равно как с одними и теми же послами, напр. польскими, в одном и том же году или через год ведут переговоры разные лица, хотя живы и находились в Москве и ведшие первоначальные с ними переговоры думные люди и дьяки. Можно заметить только, что были лица, которые чаще других в известное время назначались для переговоров с послами.

Так, относительно дьяков (на которых первоначально делала одна письменная часть, канцелярская работа) можно заметить, что в 1487–1500 гг. во всех переговорах с послами принимает участие дьяк Федор Курицын; но, вместе с ним в то же время действуют еще 4 дьяка: А. Одинец (1487–1490 гг.), А. Майко (1494–1500 гг.), В. Долматов (1492 г.) и Д. Мамырев (1498–1500 гг.). В 1501–1508 гг. чаще других участвует дьяк Б. Паюсов, но, вместе с ним или без него, при переговорах упоминается еще 8 дьяка: Майко, Кулешин и Долматов, а однажды послан был «с ответом» подьячий А. Щекин. В 1509–1512 гг. назначаются дьяки: Долматов, Моклоков и Семёнов; последний всегда, с 1515 по 1539 г. почти постоянно в боярской комиссии принимает участие дьяк Меньшой Путятин (приглашавшийся и в Ближнюю думу); но в это же время, с ним

вместе, состоят здесь 7 дьяков: Цыплятев, Моклоков, Ильин, Телешев, Сумароков, Путятин, Некрас Харламов, Ф. Мишури́н, из коих чаще других с Путятиным действуют Ильин в 1517–1529 гг. и Мишури́н в 1534–1538 гг. В боярской комиссии 1542 г. участвуют дьяк: Цыплятев, Раков и Захарьин, а в октябре 1548 г. дьяк, Б. Митрофанов. С января 1549 г. в думскую комиссию назначается подъячий, менее чем чрез месяц дьяк, И. М. Висковатый; только в январе и феврале 1549 г., августе 1553 г. и апреле 1559 г. к нему в помощь назначаются другие дьяки, вероятно, в виду важности обсуждавшихся вопросов; во все остальное время, до занятия им другой должности, он один из дьяков входит в состав боярских комиссий. Таким образом, до назначения И. М. Висковатого (1549 г.), не видно особого дьяка, который специально ведал бы посольские дела¹⁸.

Участие великокняжеских казначеев в делах, касающихся внешней политики

Из числа бояр постоянными членами комиссии были великокняжеские казначеи, как известно, вместе с утварью хранившие сперва (до половины XVI века) и все дипломатические документы Московского государства. Так, в 1489–1509 гг. во всех комиссиях принимает участие казначей Дм. Влад. Овца, причем нередко действует без участия других бояр; в 1515–1520 годах казначей Юрий Дм. Малой Траханиот¹⁹; в 1522–1539 гг. казначей Ф. И. Карпов, в 1539–1549 гг. казначей И. И. Третьяков, в 1548–1559 гг. казначей Ф. И. Сукин. Назначение остальных бояр, вероятно, надо объяснять или качествами того или другого лица, его способностями к дипломатическим переговорам, или, что вероятнее, близостью его к великому князю, царю и доверием к нему со стороны последнего. Можно заметить, что главным образом членами боярских комиссий назначались следующие лица: в 1503–1504 гг. боярин Яков Захарьич, в 1509–1511 гг. конюший И. А. Челяднин и окольный М. Еропкин, в 1503–1504, 1511, 1515, 1517, 1518, 1520, 1521 гг. Г. Ф. Давыдов, в 1517–1522, 1532 и 1536 гг. Шигона Поджогин (член Ближней думы), в 1517, 1520, 1522, 1526, 1533, 1538 гг. Мих. Юр. Захарьича, в 1558–1559 гг. окольный А. Ф. Адашев²⁰.

Кроме великокняжеской казны (платье, меха, сосуды, драгоценные камни и пр.), казначей ведал государевы доходы, получали пошлины и оброки и сдавали в оброчное содержание разные доходные статьи, вели известные расходы и ведали дела о холопстве и некоторые судебные дела; первыми уставными грамотами выборным судьям и старостам предписывается обращаться по их делам к казначеям и дьякам²¹; вместе с царской утварью они хранили, как сказано, и московский дипломатический архив XVI в. В переговорах с послами они принимали ближайшее участие, состояли членами особых, назначавшихся для сего, комиссий. Но значение казначеев по отношению к делам внешней политики не ограничивалось только этим, а простиралось еще далее. Приезжавшие в Москву послы турецкие, крымские и ногайские всецело подчинялись их распоряжению и заведыванию даже и тогда, когда учрежден был Посольский приказ. Так напр., по получении в декабре 1526 г. известия о предстоящем приезде в Москву турецкого посла, великий князь приказывает казначею П. Головину дать послу пристава. По приезде в апреле 1549 г. турецкого посла, казначей Ф. Сукин «сказывает» царю о том, что у посла есть от султана грамота. При приеме царем посла

«являет» казначей (в 1549, 1551, 1554, 1555, 1558, 1584 гг.). О приезде в 1529 г. (во время отсутствия из Москвы великого князя) турецкого посла доносят князю боярин Мих. Юрьев и казначей П. Головин, которые согласно приказанию великого князя принимают посла и берут у него султанскую грамоту. Просьбу турецкого купца об отпуске его докладывают царю в 1551 и 1564 гг. казначеи. Турецкий посол о болезни своей доносит казначею П. Головину (в 1530 г.) и казначей распоряжается, согласно приказанию великого князя, описью имущества посла. В 1525 г. извозчиков с рухлядью из Москвы, отправленную с турецкими послом, отпустили из Москвы казначеи. В ноябре 1521 г. они «отпустили» и посла «санчага кафинского». Казначей и по учреждении Посольского приказа подчинялись турецкие купцы. В 1584 г. января 20 к царскому столу приглашен был турецкий купец Магмет Чилибей. Стола он дожидался на Казенном дворе; здесь же был и самый стол. В 1590 г. января 15 отпущен был из Москвы другой турецкий купец; приставу, который должен был его проводить, наказ дан был с Казенного двора.

В такой же зависимости от казначеев находятся и крымские гонцы, которых по приезде часто принимают на Казенном дворе и здесь берут у них привезенные ими грамоты. Так было 1 декабря 1532 г. «того дня, что сам князь великий болен». 29 августа 1535 г. крымских гонцов на Казенном дворе допрашивают: «что их приезд?». Приехавшие в декабре 1585 г. послы являются сюда же на Казенный двор и отдают привезенные ими грамоты; тоже делают и другие послы и гонцы в июне 1536 г., апреле 1537 г., феврале 1538 г. и др. Крымские послы после царской аудиенции в 1537 г. идут на казенный двор, где им сказывается от царя корм. В сентябре 1537 г., феврале и мае 1539 г. на Казенном дворе ведутся с крымскими послами переговоры. Крымские послы царской аудиенций ждут на казенном дворе 1563 г. сентября 18, 1566 г. марта 16, 1567 г. января 15, 1577 г. февраля 9 и декабря 20. 26 марта 1546 г. за бесчестье, нанесенное в Крыму подьячему, вел. князь велел бывших в Москве крымских послов разослать по разным городам, товары и имущество (животы) отобрать и положить под Большую палату; «а что у послов и у гостей взято, и то писано у казначеев».

Ногайские послы по приезде в Москву являлись на Казенный двор к казначеям и отдавали им привезенные ими грамоты (октябрь 1548 г., 1551 г. май, 1552 г. июль, сентябрь; 1558 г. май, 1558 г. сентябрь). В декабре 1562 г. принимают их на Казенном дворе бояре Д. Р. Юрьев и В. М. Юрьев. В случае отсутствия царя из Москвы, о приезде послов казначеи доносят ему и царь отдает казначеям приказания касательно приема (26 ноября и

11 декабря 1549 г., 1551 г. май, 1552 г. июнь, июль, сентябрь; 1558 г. сентябрь). Казначей распоряжались, где в Москве «поставить послов» (5, 8 октября 1548 г., 1551 г. май, октябрь; 1552 г. июль, сентябрь, октябрь; 1553 г. май, 1558 г. сентябрь). Они «являли» их при царском приеме (октябрь 1548 г., 1551 г. июнь, июль, сентябрь; 1552 г. январь, март, июнь; 1553 г. январь, июнь; 1554 г. январь, 1555 г. январь, февраль март, май, ноябрь, декабрь; 1556 г. июль, декабрь; 1557 г. июль, ноябрь; 1558 г. июнь, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь; 1559 г. июнь, октябрь; 1560 г. июнь; 1561 г. апрель, июль); вели с ними переговоры (октябрь, ноябрь 1548 г. 1549 г. январь); к ним обращались послы с просьбами об отпуске, и казначей их челобитья передавали царю (1551 г. июнь, октябрь 1552 г. январь, октябрь; 1558 г. январь, май), и иногда отпускали послов и их гостей с Казенного двора по приказанию царя (1551 г. октябрь, 1552 г. май, 1553 г. май, 1555 г. июнь); здесь же, на Казенном дворе, объявлялось послам иногда царское жалованье (1552 г. январь).

Обязанности казначеев простирались не только на послов азиатских, но и на русских, отправлявшихся туда. Так, в декабре 1512 г. великий князь Василий III «приговорил с своею братьею» отправить в Константинополь посла поздравить султана со вступлением на престол. Этим послом был избран Михаил Иванович Алексеев. «А первую запись о поклонех и о поминке давал Михаилу казначей Юрий Дмитриевич».

Сохранилось несколько свидетельств, что значение казначеев простиралось и на приезды послов других государств, не азиатских. Во время отсутствия царя из Москвы, на Казенном дворе казначей с дьяками принимали гонцев прусского магистра. Так в сентябре 1519 г., когда вел. князь был на «Волоце», приехал от прусского магистра человек его Петрок. Василий III приказал казначею Юрию Малому и дьяку м. Путятину, «чтоб велел магистрову человеку быти на Казенном дворе и туто б был» Федор Карпов и диаки Суморок и Меншей Путятини и Тр. Ильин. В 1520 г. вел. князь Василий III прислал в Москву с дьяком М. Путятиным из Можайска приказание казначею Головину, чтоб «магистрову человеку прусского Степанку велел у себя быти на Казенном дворе и отпустить Степанку велел с Москвы Петру Головину да Меншему». 28 апреля 1520 г. того же прусского магистра человек Мелхер просил казначеев, чтобы они велели ему быть на Казенном дворе; при состоявшемся приеме присутствовали боярин Мих. Юрьев, Шигона Поджогин и дьяки М. Путятин и Тр. Ильин. 6 мая он же опять был на казенном дворе, причем кроме тех же лиц находились еще Григорий Федорович и казначей Юрий Малый. В июле (3 и 5) того же 1520 г. на

Казенном дворе у бояр дважды был еще третий посланец магистра Юрий Клингенбек; в первый раз вел. князем велено было «сказать ему грамоту магистрову», во второй раз казначею Юрию Малому дьякам М. Путятину и Тр. Ильину «учинить ему ответ против магистровы грамоты».

Кроме гонцов прусского магистра, имеющиеся посольские записи говорят об отношении казначеев к польско-литовским послам. В 1519 г. казначей Юрий Малой жалуется великому князю, что от литовского посла «много нечти (нечести) ссталось вел. князя людем». Василий III, чрез дьяка М. Путятину, посылает в нему приказание – поставить посла на другое подворье. В августе 1548 г. прибыл в Москву литовский гонец Томас Моисеев; встретивший его подъячий Митька Ковезин, проводивший до назначенного ему подворья, после сего «приехав явился казначеем Ив. Ив. Третьякову с товарьщи». Назначенный в январе 1543 г. для встречи литовского посланника подъячий Н. Берлядников не успел его встретить на указанном ему месте «затем, что (казначей) Иван Третьяков отпустил его поздно». В ноябре 1559 г. находившимся в Можайске царем велено было отправленному на встречу литовского посланника приставу, «приехав на останочной яме от Москвы, отписать к казначеям, чтобы ему указ учинили о кое время быти ему с литовским посланником в Москве». Царь тогда же велел казначеям написать, чтобы они послали на встречу этого посланника сына боярского доброго, которому велел встретить посланника, проводить до подворья и затем явиться к казначеям. Чрез несколько дней казначеи доносили царю о приезде и встрече этого посланника²².

Все эти указания свидетельствуют о той близости, какую имели казначеи к внешней политике и делам, касающимся ее. Они не только почти всегда принимают участие в переговорах с иностранными послами, но и первоначально, до учреждения Посольского приказа, заведывают приездами их, распоряжаются встречей их, дают наказы о сем русским приставам, и к ним являются последние с донесениями о приезде. Если относительно турецких и ногайских послов можно сказать, что эта заботливость вызвана ближайшим отношением сих послов к царской казне, так как они являлись главным образом с торговыми целями, для продажи привезенных вместе с ними товаров, – то этого нельзя сказать о послах литовских и прусского магистра. Все это заставляет думать, что дела внешней политики ближайшим образом касались казначеев, входили в круг их обязанностей, что до появления начальников Посольского приказа, они были их предшественниками, исполнявшими возложенные на последних дела²³.

Государевы дьяки и Казенный двор

В княжения Ивана III и Василия III (1462–1533 гг.) внешние сношения Московского государства не были особенно многочисленны и не требовали особого специального учреждения для ведения переписки, касающееся их. Вся она находилась в заведывании «государевых» дьяков, присутствовавших в заседаниях думы; «а на чем которое дело бояре быти приговорят, приказывает царь и бояре думным дьяком пометить и тот приговор записать». Эти приговоры думы они и приводили в исполнение и писали или, точнее, заведывали изготовлением грамот, указов и памятей, вызывавшихся тем или другим постановлением. Ни откуда не видно, чтобы среди этих «государевых» или «великого князя» дьяков была специализация занятий, чтобы переписку по известным делам вел один дьяк, а по другим другой; не видно в числе их особого Посольского дьяка, который бы одной посольской перепиской и заведывал²⁴. Только в половине XVI в., в 1549 г., появляется особый Посольский дьяк, в которому она и переходит. Судя по некоторым указаниям, можно думать, что канцелярская работа по внешним сношениям происходила на находившемся в Московском Кремле, между Архангельским и Благовещенским соборами, Казенном (государственном) дворе. В 1518 г. сюда был приглашен посланец (человек) прусского магистра Шимборк, и здесь дьяк М. Путятин, как выше отмечено, наиболее часто принимавший участие в боярских комиссиях, читает ему «грамоту, которую посылает князь великий к галлейскому (французскому) королю».

Казенный двор в конце XV и первой половине XVI вв. не был только хранилищем царской казны, мехов, драгоценных материй, раздававшихся в награду служилым людям Московского государства, каким он стал в XVII век. В XV–XVI вв. на Казенном дворе бояре и казначей весьма часто принимали иноземных послов, особенно во время отсутствия великого князя из Москвы; послы подавали здесь привезенные грамоты и вели здесь переговоры с боярами и казначеями о порученных им делах. Есть основание думать, что он был казенным не потому, что хранил казну, а казенным, иначе государственным, двором, на котором ведались дела государственные (казенная служба – государственная служба). В Русско-Литовском государстве существовало учреждение, аналогичное московской Боярской думе, – Господарская рада. При этой раде и господаре существовала особая государственная канцелярия великого княжества Литовского, чиновники которой «облекали в письменную

форму, регистрировали и выдавали по адресу все постановления и распоряжения государя и панов-рады», а также «изготавливали и различные дипломатические документы, грамоты к соседним государям и правительствам», «науки» или инструкции послам и гонцам, отправлявшимся за границу и т. д. Канцелярия эта состояла из особого начальника-канцлера, в ведении коего состояла и государственная печать, секретарей, писарей и дьяков. Этой государственной канцелярии литовской в Москве соответствовал Казенный двор, который был в XV–XVI вв. московской государственной канцелярией впредь до выделения особых ведомств и образования приказов; здесь именно государевы дьяки приводили в исполнение приговоры Боярской думы, писали соответствующие грамоты и памяти. Таким образом казенный двор, до учреждения Посольского приказа (1549 г.), был первоначальной канцелярией и по внешним сношениям Московского государства. Обязанности, лежавшие в Литве на канцлере, в Москве исполняли казначей и печатники, которые были в XV–XVI вв., так сказать, государственными секретарями²⁵.

Реформа в делах по внешним сношениям: учреждение Посольского приказа

К середине XVI века внешние сношения Московского государства настолько увеличились и осложнились, что потребовалась реформа их. Эта реформа не коснулась самых существенных сторон: обсуждение вопросов внешней политики и ведение важных переговоров с иноземными послами и теперь, до второй половины XVII в., царь предоставляет Боярской думе. И теперь – во второй половине XVI и первой половине XVII в., встречаем в актах приговоры царя с Боярской думой касательно внешней политики²⁶. Точно также встречаем и теперь особые комиссии Боярской думы для ведения переговоров с иноземными послами²⁷. Можно заметить только, что теперь первоначальные объяснения с приехавшими послами, выяснение цели их приезда, не входят в круг обязанностей думских комиссий, что они ведут только более важные переговоры.

Реформа, произведенная в середине XVI в., касалась главным образом переписки по внешним сношениям, ведения дел, вызываемых ими. С апреля 1549 г. встречаем в актах одну особенность, которая указывает на это: присутствующему при приемах царем иноземных послов, дьяку И. М. Висковатому царь приказывает брать привезенные послами грамоты. Более ранние записи весьма редко говорят, кто принимал до 1549 г. грамоты у послов и только с этого времени они каждый раз тщательно отмечают это. Первые записи о сем относятся к 7 апреля и 17 июня 1549 г.²⁸ Когда царем приняты были турецкий (7 апреля) и ногайские послы. «Явил» их казначей Ф. Сукин. Послы подали грамоты. «И царь и великий князь велел у них грамоты взять диаку своему Ивану Михайлову» (и 7 апреля, и 17 июня). С этого времени какой бы посол ни являлся, грамоты обязательно принимает дьяк И. М. Висковатый, пока он не получил нового назначения (за исключением азиатских послов, у которых грамоты принимает иногда казначей²⁹). Но не в одном приеме грамот состоит деятельность Висковатого. Пристава, ехавшие с иноземными посланниками в Москву, должны были пред въездом в нее обсылаться теперь с Висковатым, который о приезде их доносит царю (1559 г. января 13, 1562 г. мая 27). Пристава, назначенные для встречи послов, обязаны были теперь, проводив их на подворье, «явиться царя и великого князя дьяку Ивану Михайлову» (1555 г. январь, 1556 г. Октябрь, 1558 г. июнь). Послы о своих желаниях заявляют теперь Висковатому; так, астраханский царь Дервиш 20 января 1552 г. присылает к нему имилдеша своего;

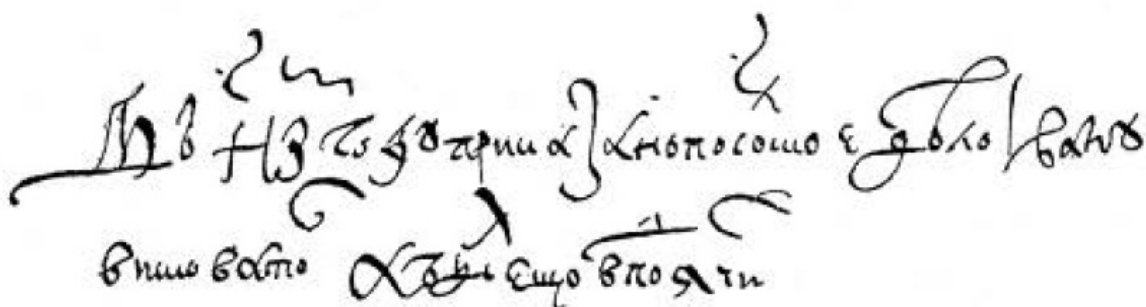
пристава посланников передают ему их просьбы (в августе и декабре 1559 г., в марте 1562 г.). Висковатый принимает посланников, – датского 14 января 1559 г., ногайских 4 сентября 1559 г., литовских в августе 1560 г. и марте 1562 г., а 5 февраля 1555 г. он один был послан «с ответом» к литовскому посланнику. При отпуске в апреле 1562 г. литовского посланника он, по приказанию царя, отдает ответную грамоту. При приемах литовских послов митрополитом Макарием, Висковатый один из дьяков присутствует (1552 г. декабря 11) даже тогда, когда у митрополита никого не было из бояр (1552 г. декабря 21, 1558 г. июня 26); его царь посылает к митрополиту предупредить о предстоящем посещении посла и с распоряжениями об его приеме (30 января 1555 г.). Висковатый один же из дьяков присутствует 22 декабря 1552 г. при приеме боярами кн. И. М. Шуйским и Данилом Романовичем Юрьевым литовского посланника. В феврале 1549 г. он проверяет изготовленный список перемирной грамоты, берет оба списка ее, а при крестоцеловании ее царем Иваном IV читает ее; к нему обращается литовский посол с просьбой дать на письме сведение о «царском постановлении» (основаниях принятия титула царя Иваном IV); ему же приказывается «справить» привезенную послами из Литвы грамоту с тою, что послы писали в Москве; он отдает 10 марта 1552 г. литовскому послу грамоту. Он один из всех дьяков, как уже сказано, постоянно назначается в комиссии Боярской Думы для ведения переговоров с послами.

Ближайшее участие в делах внешней политики Московского государства Висковатый стал принимать несколько ранее апреля 1549 года, когда он впервые берет от турецкого посла привезенную грамоту. Записи говорят, что он с самого начала января сего года стал назначаться в комиссии Боярской думы для ведения переговоров с иноземными послами: так, 2 января 1549 г. он («подъячий Иван Михайлов») был послан царем к ногайским послам вместе с казначеем Ф. И. Сукиным; 17 января к бывшему астраханскому царю Дервишу царь Иван IV выслал казначея Ф. И. Сукина «да подъячаго Ивана Михайлова сына Висковатаго»: 22 января «с ответом» к литовским послам ходили бояре В. М. Юрьев и П. В. Морозов, дьяки И. Е. Цыплатев, Б. М. Карачаров и «подъячий И. М. сын Висковатаго, а велел (царь) его послом сказати дьяком».

У И. М. Висковатаго появляется и своя особая «изба» – канцелярия или приказ. 1 февраля 1549 г., когда он вместе с дьяком Бакакой Карачаровым и литовским писарем писали на казенном дворе перемирную грамоту, во время возникшего спора, Висковатый, желая под благовидным предлогом выйти для донесения царю о возникших пререканиях с

литовским писарем, «молвил Бакаке: аз иду до своей избы». Приехавшие в Москву ногайские послы 21 мая 1558 года были «в дьячей избе у дьяка Ивана Михайлова», которая затем упоминается и в последующих годах (1556, 1559 и 1560)³⁰.

Сопоставляя все эти известия с раннейшими, мы видим, что И. М. Висковатый является пред нами дьяком, в ведении коего одного состояли посольские дела, является дьяком Посольским, на которого перешли обязанности, доселе исполнявшиеся отчасти велико-княжескими казначеями, отчасти разными дьяками; его «изба» заменила «Казенный двор». Произведенная реформа состояла в том, что из числа дьяков на одного возложена была исключительно вся переписка и дела, вызываемая внешними сношениями; от Казенного двора отделилась и образовалась особая канцелярия по иностранным делам, и во главе этой канцелярии поставлено отдельное лицо. Появился особый Посольский дьяк и его Посольская изба, (1549 г.), впоследствии более известная под именем Посольского приказа. Эти соображения, извлекаемые из сопоставления московских дипломатических записей XVI в., вполне подтверждаются одной выпиской, составленной в Посольском же приказе, во второй половине XVI в., около 1565 г. Выписка эта, содержащая некоторые записи о внешних сношениях Московского государства и о некоторых более крупных событиях в Москве с 1462 г. по 1565 г.: о заключенных перемириях, смерти великого князя Василия III, восшествии Ивана IV, взятии Казани, Астрахани, смерти царицы Анастасии, митрополита Макария и пр., прямо говорит между прочим:

В 57-м году (т. е. 7057 от С. М., от Р. Х. 1548–1549) приказано посольское дело Ивану Висковатого, а был еще в подьячих»³¹.

Нигде не сохранилось никакого акта об учреждении Посольского приказа, и нигде не изложены обязанности Посольского дьяка и круг ведения Посольского приказа, равно как ничего подобного не находим в документах и последующего времени. Можно только на основании дипломатических документов думать, что Посольский дьяк, стоя во главе

канцелярской переписки по внешним сношениям, был посредником между иноземными послами и царем с Боярской думой, имел с первыми разговоры по вопросам второстепенной важности и решал вопросы, вызывавшиеся приездом и пребыванием в Москве того или другого иноземного посла и отправлением русского посольства в ту или другую страну. Висковатый и до назначения Посольским дьяком принимал участие в делопроизводстве по внешним сношениям Московского государства и в посольских записях упоминается как подъячий, пишущий грамоту в иностранное государство. Так под 19 марта 1542 г. читаем отметку: «а грамоту великаго князя (перемирную с Польшей) писал подъячий Иван Михайлов сын Висковатаго». В посольских записях, начиная с 22 января 1549 г., он именуется уже дьяком, хотя выписка Посольского приказа, отмеченная выше, относит это повышение его к концу этого года или к следующему, говоря: «а дьячество Ивана Висковатаго в 58-м году» (т. е. 1 сентября 1549 г. – 31 августа 1550 г.)³²

И. М. Висковатый и Андрей Васильев

Висковатый принадлежал к числу наиболее образованных лиц русского общества своего времени и кроме посольской деятельности известен, как противник появившегося в Москве новшества в иконописании. Он принимал участие в созванном в Москве в конце 1553 года церковном соборе против Башкина и его последователей, религиозных вольнодумцев XVI в., учение коих заражено было рационализмом и протестантизмом; но на этом же соборе и сам подвергся осуждению. Он не только не одобрял новых икон и стенной росписи в Московском Благовещенском соборе, произведенной там новгородскими и псковскими живописцами после большого московского пожара в 1547 г., но и публично осуждал, «вопил», как говорит соборный акт, в продолжении трех лет, утверждая, что новые иконы представляют собою нововводное и противное соборным правилам об иконописании измышление, заимствованное с Запада. Созванным собором на Башкина он думал воспользоваться, чтобы сделать свои заявления против новых икон (в конце октября 1553 г.); но дело приняло совсем другой оборот, и Висковатый из обвинителя превратился в обвиняемого: несмотря на то, что Висковатый, собственно говоря, был прав, собор согласился только с некоторыми частными замечаниями его и приказал сообразно им исправить иконы; а за то, что он три года смущал православных христиан своими криками против новых икон, собор (14 января 1554 г.) приговорил его к трехгодичной эпитимии (до этого он две недели находился в соборном отлучении). На соборе, между прочим, митрополит Макарий говорил ему: «стал еси на еретики, а ныне говоришь и мудрствуешь не гораздо святых иконах..; не попадися и сам в еретики, знал бы ты свои дела, которые на тебя положены, не разроняй списков (документов)». Дело это не повлияло на служебное положение Висковатого: он остался посольским дьяком, а 9 февраля 1561 года назначен «печатником». В 1562–1563 гг. Висковатый ездил в составе посольства в Данию и по возвращении многократно назначался в состав боярских комиссий для переговоров с иностранными послами; но теперь уже нет никакого указания на его ближайшее участие в делопроизводстве Посольского приказа. Последние известия о нем относятся к 1570 г.: 7 мая сего года он встречает литовских послов, когда они шли на царскую аудиенцию, 10 мая, 10 и 13 июня состоит в числе членов комиссии боярской, назначенной для переговоров с ними; но в сентябре – ноябре вместе со своим

преемником по Посольскому приказу, дьяком Васильевым, он, заподозренный царем Иваном IV в измене, был казнен. 18 декабря 1570 г. печатником состоит уже Бор. Сукин³³.

С назначением печатником (8 февраля 1561 г.) Висковатый хотя и продолжал исполнять свои обязанности по званию Посольского дьяка, но теперь является у него помощник, другой дьяк Посольский, которого впервые встречаем 11 февраля 1561 г., т. е. тотчас же за новым назначением Висковатого, Андрей Васильев. (Игнатьев?), бывший Разрядным дьяком еще в 1549 г. и в 1561 г. очевидно перешедший в Посольский приказ. Он выходит с ответом (11 февраля 1561 г.), дает приставам наказы (16 февраля 1561 г.), датский гонец является теперь «в избу к дьяку Андрею Васильеву», который «допрашивает что его приезд» (6 июня 1562 г.), и он же отпускает его (12 июня 1562 г.), принимает на царской аудиенции грамоту у гонца (10 июня 1562 г.), дает «писарям» датских послов копию грамоты, на которой они «крест целовали государю». Все это он делает еще до отъезда Висковатого в Данию (после 18 августа 1562 г.), когда последний находился в Москве; но он тогда не был думным дьяком, а обязанности думского Посольского дьяка исполнял Висковатый. С отъездом последнего из Москвы Васильев (с последних чисел ноября 1562 г.) называется уже «царского величества думным дьяком» и остается им и по возвращении из Дании Висковатого вплоть до 1570 г. 22 июня сего года царем велено ему быть «у своего государева слова у грамоты» (перемирной с литовскими послами; для справки велено быть у него дьяку Вас. Степанову), а на другой день ему велено было показать прежние грамоты польских послов в виду возникшего разногласия в «приписи» на них. Но в промежуток времени после сего и до ноября он вместе с Висковатовым был казнен по обвинению в измене³⁴.

Братья А. и В. Щелкаловы

С 1570 г. и до конца столетия заведывание посольскими делами и Посольским приказом переходит к двум братьям Андрею (1570–1594 г.) и Василию (1592–1601 г.) Щелкаловым.

Андрей Щелкалов был лет на 10 старше своего брата Василия. В приказных документах его имя начинает встречаться с 1550 г., когда он упоминается в числе поддатней у рынде (также в 1556 и 1557 годах). В 1563 г. он был уже дьяком и два года «сидел» в Разрядном приказе (в 1570 г. – дьяком, в 1576 г. думным Разрядным дьяком). По отзыву голландца Исаака Массы, он был «человек необыкновенно пронырливый, умный и злой. Не имея покоя ни днем, ни ночью, работая как безгласный мул, он был недоволен тем, что у него мало работы и желал еще больше работать. Царь Борис не мог достаточно надивиться (его трудолюбию) и часто говорил: я никогда не слыхал о таком человеке и полагаю, что весь мир был бы для него мал». В дипломатических документах имя дьяка Андрея Щелкалова, начинает упоминаться при встречах иноземных послов с 1560 г.; начальником же Посольского приказа он назначен был осенью 1570 г., после дьяка Андрея Васильева; в ноябре и декабре сего года он присутствует при приемах послов, как Посольский дьяк, и принимает у них грамоты. Он оставался им до середины 1594 г. (удалился в промежуток времени между 17–30 июня), когда его место занял его родной брат Василий Щелкалов.

Последний, «далеко уступавший брату своими дарованиями», был дьяком в Стрелецком приказе (1573 г.), управлял Разбойной избой, а с 1577 г. по 1594 г. был думным Разрядным дьяком. С 1560 г. он принимал участие во встречах послов, в 1565 г. ездил в числе посольства в Польшу, а с 1571 г. упоминается в Посольском приказе, 4 февраля 1571 г. турецкий посол был «в Посольской палате у дьяков у Андрея да у Василья Щелкаловых». 13 июля 1573 г. царь велел цесарскому гонцу быть «в Посольской избе у дьяков Андрея да Василья Щелкаловых». 8 декабря 1577 г. царь велел быть крымским гонцам «в Посольской избе у дьяков у Андрея да у Василья Щелкаловых». 10 августа и 1 ноября 1578 г. предписывалось воеводам присылать отписки «в Посольский приказ к дьяку к Василью Щелкалову» и т. д. Рассматривая посольские записи о Василье Щелкалове, видим, что 1) один он (без брата Андрея) упоминается при приемах царем послов вне Москвы в 1571, 1574 и 1577 гг. (в последний раз с Шерефединовым); 2) к нему в Посольский приказ

являются ногайские послы и должны присылаться отписки по ногайским делам в 1578, 1579, 1581 гг.; хотя в то же время, в те же самые годы ногайские послы являются в Посольский приказ и к одному Андрею Щелкалову и к последнему присылаются бумаги и по делам ногайским; 3) затем, вместе с Андреем, Василий Щелкалов допрашивает послов: турецкого в 1571 г., цесарских говцов в 1573, 1575, 1576 гг., крымских гонцов в 1577 г., дает ответный список польским послам в 1578 г., входит в состав думских комиссий для переговоров с крымскими послами в 1578 г. и польскими в 1594 г., а вместе с дьяком Курб. Григорьевым с ногайскими послами в 1581 г. Имеющиеся посольские записи не говорят, почему Василий Щелкалов в бытность свою думным, Разрядным дьяком (1577–1594 гг.) в то же время принимает участие и в посольских делах. С уходом из Посольского приказа Андрея Щелкалова, Василий оставляет Разрядный приказ и переходит в Посольский, на место брата. 30 июня 1594 г. он впервые, кажется, как первый Посольский дьяк, берет грамоты у крымских гонцов (затем дале июля 16 и др.). С 1595 г. он печатник, остается им и Посольским дьяком до мая 1601 г., когда его постигла опала, и он должен быть покинуть Посольский приказ³⁵.

Оба эти брата, стоявшие во главе Посольского приказа более 30 лет, известны как враги Англии, которые старались об отмене предоставленного английским купцам права беспошлинной торговли в Московском государстве и на которых англичане приносили жалобу царю.

Думные и недумные дьяки Посольского приказа

Во главе Посольского приказа все время, с самого начала его существования, стоят думные дьяки, из числа коих Посольский дьяк «хотя породю бывает меньше, но по приказу и делам выше всех». Первоначально значение дьяков едва ли было велико: в первой половине XVI в. мы встречаем их с поручениями, которые не особенно высоко ценились: они были посылаемы в послам на подворье потчивать их, встречали их, когда они шли к царю на аудиенцию и т. п.; с течением времени значение дьяков весьма поднялось, и они стали важными государственными деятелями. На заседаниях Боярской Думы они не были только простыми секретарями, записывавшими ее решения: они подсказывали ей решение своими докладными выписками, которые они вносили в думу; кроме того, при изложении приговора дьяки могли дать ему тот или другой оттенок. Прямые обязанности Посольского дьяка касались, конечно, переписки по внешним сношениям. «А случится писати о чем, говорит один подьячий Посольского приказа в XVII в., грамоты в окрестные государства, и те грамоты прикажут готовить Посольскому думному дьяку, а думный дьяк приказывает подьячему, а сам не готовит, только чернит и прибавливает что надобно и не надобно. А как изготовят, и тех грамот слушают наперед бояре, и потом они ж бояре слушают вдругорядь с царем все вместе»... Дьяки должны были утверждать своею подписью правильность известного акта. «А на всяких делах закрепляют и помечают думные дьяки, а царь и бояре ни к каким делам кроме того, что послы прикладывают руки к договорным записям, руки своей не прикладывают, для того устроены они думные дьяки; а к меньшим ко всяким делам прикладывают руки простые дьяки и приписывают подьячие своих имена»³⁶.

Со временем увеличившаяся переписка с одной стороны, а с другой – обязанность для думного Посольского дьяка присутствовать на заседаниях Боярской думы, бывавших ежедневно, и возлагаемые одновременно с сим на думного Посольского дьяка иные поручения были причиной появления в Посольском приказе второго дьяка, не думного, который ближайшим образом должен был следить за канцелярской перепиской, был товарищем начальника Посольского приказа. Первоначально эти вторые Посольские дьяки (не думные), назначавшиеся обыкновенно из «старых» подьячих Посольского приказа, не были постоянными и появлялись

временно, вследствие тех или других причин, и только начиная с царствования Михаила Феодоровича (1613 г.) они уже непрерывно встречаются³⁷.

Таким образом в XVI в. оба начальствующие лица Посольского приказа не были тогдашними государственными сановниками, ни боярами, ни окольными, ни думными дворянами, а дьяками, на обязанности коих, главнейшим образом, лежала письменная часть; это еще раз подтверждает сказанное выше, что управление внешней политикой не принадлежало им, что Посольский приказ был, главным образом, канцелярией по внешним сношениям, исполнявшей решения царя с Боярской думою.

Печатники

До появления Посольской избы (до 1549 г.), как уже отмечено, ее обязанности отправлял Казенный двор, бывший канцелярией и по сношениям с иностранными государствами. Заведывало им особое, стоявшее во главе этого учреждения, лицо – казначей. Есть основание предполагать, что к этому же правительственному месту принадлежал и «печатник»; он был здесь вторым должностным лицом, следующим за казначеем. В духовной своей, составленной около 1504 г., великий князь Иван III о своем наследстве пишет: «а те ларци стоят в моей казне у моего казначея у Дмитрея у Володимерова, да у моего печатника у Юрья у Дмитреева сына у Грека, да у моих дьяков у Данилка у Мамырева да у Тишка у Моклокова». Как велико было число дьяков на Казенном дворе, неизвестно; в боярских комиссиях, назначавшихся для ведения переговоров с иноземными послами, одновременно участвуют; 1, 2, 3 и 4 (раз) дьяка, следовательно не меньше сего числа их было на Казенном Дворе. У дьяков были еще помощники – подьячие; в посольских записях с конца XV до 1549 г. встречаются только 5 упоминаний о них в 1489–1490 г. подьячий Юшка, в 1503 г. А. Щекин, в 1537 г. Н. Иванов, в 1542 г. Ив. Мих. Висковатого и в 1548 г. Н. Щека. Кроме подьячих, на казенном дворе были и лица, знавшие иностранные языки, – толмачи и переводчики. Как велико было их число, равно как какие языки они знали – неизвестно; в посольских записях упоминается только, что грамоты в Крым 6 сентября и 29 октября 1489 г. и в апреле 1490 г. писаны были «татарским письмом» (писал Обляз Бакшей); что были толмачи татарские (1492 г.), немецкие (Селиван в 1566 г. и Истома Малый в 1509 г.) и переводчик неизвестно какого языка Пятый Селифонтов (в январе 1546 г.).

Подьячие Посольского приказа в XVI в.

Состав Посольского приказа в XVI в. известен недостаточно полно, за исключением начальников приказа и их временных товарищей. При царе Феодоре, в бытность в Посольском приказе дьяка Василия Щелкалова (1594–1601 гг.), в приказе было всего 17 подьячих; при преемниках его, дьяках Аф. Власьева, Грамотине и В. Телепневе (1601–1611 гг.) 16 подьячих³⁸; вероятно если не это именно число, то, во всяком случае, близкое к этому было и ранее, при царе Иване IV. Из посольских записей видно, что в Посольском приказе и в XVI в. были так же, как и на казенном дворе, толмачи и переводчики (среди толмачей «немецких» встречается князь Иван Оболенский в октябре 1585 г., август 1586 г. и апреле 1589 г.)³⁹

Бюджет Посольского приказа в XVI в.

Бюджет Посольского приказа XVI в. до нас не сохранился; мы знаем только, что всем 17 подьячим его при царе Феодоре шло жалованья 429 руб. в год (в переводе на наши деньги около 26 000 р.) и, кроме того, им роздано было в поместье 4 050 чети земли; почти то же число расходовалось на них и при царях Борисе и Василии: 419 руб. и 3 800 чети дано было в поместья.

Дела и лица, бывшие в ведении Посольского приказа

Ведению Посольского приказа подлежали не только дипломатические, но и торговые сношения Московского государства с иноземными государствами. Приезжавшие в Россию иностранные купцы согласно данным и в XVI веке жалованным грамотам, кроме освобождения от пошлин, имели еще привилегию: по всем своим торговым делам, по взысканиям им с русских людей долговых денег, равно как и наоборот, с них русскими людьми и пр. т. п., – судиться только в одном Посольском приказе (это подтверждено было несколько раз в XVII в.; в уложении 1649 г. «О тех торговых иноземцах по прежнему ль их ведать в Посольском приказе – ничего не написано», потому право это было подтверждено в ноябре 1651 г. вследствие внесенной в Боярскую думу докладной выписки⁴⁰). Этим не ограничивался круг ведомства Посольского приказа. По разделении учрежденного во второй половине XVI в. особого Четвертного приказа, целью коего было собирание податей, на четверти, одна из них приписана была к Посольскому приказу, от которого и получила, как говорит бывший в Москве в 1588–1589 гг. послом англичанин Флетчер, свое название – Посольской. Судя по тому, что в XVII в. довольно рано в ведении Посольского приказа состоит Новгородская (Нижегородская) четверть, а с другой потому, что об одном из городов. ее, Вологде, имеются документальные известия, что он подчинен был Посольскому приказу («в приказе у Посольского дьяка Вас. Щелкалова» 1599 г.), – можно думать, что эта именно четверть и называлась Посольскою, что ее именно понимает Флетчер, говоря о зависимости одной из четвертей от Посольского приказа⁴¹. К этой Посольской – Новгородской четверти, имевшей весьма обширные территориальные размеры, кроме Новгорода Великого принадлежало еще значительное число городов, находившихся на севере и северо-западе от Москвы, и «поморские и пограничные города с Свескою границею». Тяглое население всех этих городов, главным образом, и ведала четверть, собирая с него подати (от 100 000 – до 60 000 рублей в год), шедшие на жалованье боярам по их окладам. – Посольский приказ в XVI в. ведал далее дела, касающиеся всех вообще приезжих иностранцев (кроме поступавших на военную службу, кои находились в зависимости от другого приказа – Иноземского), Донских казаков и татар, испомещенных в Московском государстве. Сведения, сообщаемые в XVII веке подьячим

Посольского приказа Котопихивым о круге ведомства сего приказа, вполне приложима и к XVI веку. «В Посольском приказе, говорит он, ведомы московские и приезжие иноземцы всех государств торговые и всяких чинов люди; и судят торговых иноземцев и расправу им чинят с русскими людьми в одном том приказе». «Да в том же приказе ведомы Донские казаки, татаровя крещеные и некрещеные, которые в прошлых годах взяты в полон из Казанского, Астраханского, Сибирского и Касимовского царств, и даны им вотчины и поместья в Подмосковных ближних городах; греческие власти и греченя, как приезжают для милостыни и торговли, ведомы в том же приказе».

Несомненно только, что в XVII в. деятельность Посольского приказа сравнительно с XVI веком весьма значительно расширилась, отчасти вследствие присоединения к нему новых дел и новых приказов.

Так, еще в первой половине XVII в. в ведении Посольского приказа состояли: а) в Москве – Юргенчский царевич (в 1630–1643 г.); б) в Касимове – царевич (1630–1652 гг.) с мурзами (8 человек в 1630 г.; в 1843 г. «татар касимовских ведают в Казанском дворце»); в) в Ярославле – царь Алей (до Ростова), царевич (1630–1652 гг.) и мурзы (всего около 18 в 1630 и 1631 г., ок. 14 в 1643 г., 10 в 1650 г.); г) в Ростове – мурза (в 1630–1650 гг.) и в 1643–1650 гг. царь Алей (умер в 1650 г.); д) в Переяславе Залесском мурза (в 1630–1643 гг.); е) в Романове мурзы Юсуфовы и татары (ок. 225 в 1680 г., ок. 60 в 1643 г.). Во второй половине XVII в. Посольский приказ ведает: дворы, отданные для помещения послов, ранее находившиеся в зависимости от приказа Большого Прихода, Тайных дел и др. (двор. Давыда Николаева, на Покровке, и иные с 1659 г. Гранатный каменный двор, за Никитскими воротами – «ставить на оном кизыльбашских купцов, армян, индейцев и бухарян» с 1679 г.); железных дел заводчика Петра Марселиса с детьми (с 1668 г.), новгородских гостей (с 1668 г.), корабельный завод в с. Дединове Коломенского уезда, на р. Оке (с 1669 г.), слободы в Москве; Немецкую (до 1666 г., когда она перешла в ведение Разрядного приказа) и Мещанскую Троицкую со всеми мещанами; иноверческие в России церкви: римские, лютеранские и кальвинские, докторов, аптекарей, мастера бархатного дела Захария Паульса со всем его заводом и делами (с 26 ноября 1684 г.), именитых людей Строгановых со всеми их вотчинами и соляными варницами (с конца XVII века); учрежденную в 60-х годах почту с иноземными государствами чрез Курляндию и Польшу; монастыри московские: Саввин, Симонов и Воскресенский (Новый Иерусалим), Новгородский Иверский и Киевопечерский по их челобитью.

Кроме перечисленных отдельных дел и лиц, в зависимости от Посольского приказа во второй половине XVII в. находились другие приказы: а) Новгородская четверть, продолжавшая состоять в ведении его до самого конца столетия, за исключением 1677–1680 гг., когда она была отделена от Посольского приказа; в XVII веке она заключала в себе земли, входящие ныне в состав Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской, Новгородской и Нижегородской губернии, т. е. почти весь север России⁴². б) Галицкая четверть – обнимавшая те или другие части Костромской, Ярославской, Владимирской, Калужской, Орловской, Тверской и Тульской губерний, с 1667 г., (за исключением тех же 1677–1680 гг.; ежегодный сбор с городов четверти простирался до 4 000 рублей)⁴³. в) Устюжская с 1680 г., в состав коей входили некоторые города Вологодской, Ярославской, Московской, Тверской, Смоленской и Тульской губерний; с них собиралось около 22 000 руб.)⁴⁴ и г) Владимирская четверть с 1667 г. (последняя за исключением тех же 1677–1680 годов; в этой четверти находились города Владимирской, Костромской, Тверской, Московской, Калужской, Рязанской, Тульской, Орловской и Курской губерний; сбор с них равнялся 5000 руб.)⁴⁵ Назначением всех этих четвертей, как уже отмечено выше, был сбор с тяглого населения известных округов податей, расходовавшихся на жалованье боярам и другим служилым людям по их окладам. Далее, Посольскому приказу подчинены были: 1) Малороссийский приказ, ведавший Малую Россию, города ее⁴⁶, войско Запорожское и все сношения с нею (учрежден ок. 1665 г., до 1667 г. его ведает боярин И. М. Салтыков; в июле 1667 г. во главе его и других приказов поставлен был А. И. Ордин-Нащокин; после измены Брюховецкого приказ тот велено было ведать в Разряде, 1667 г. в апреле 1669 г. начальником его назначен был А. С. Матвеев, оставшийся здесь и по назначении в Посольский приказ); 2) приказ княжества Смоленского с городами: Смоленском, Дорогобужем, Белой, Рославлем, Велижем, Себежем и Красным – с 1680 г.⁴⁷; 3) Литовский приказ с городам Вильно и друг. в 1655–1667 г; 4) Великороссийский приказ, ведавший дела Ахтырского, Сумского, Харьковского и Изюмского слободских полков (с 1689 г.)⁴⁸; 5) Печатный приказ и 6) Полоняничный приказ, заведывавший сбором «полоняничных денег (на выкуп пленных) и ранее, до его учреждения, поступавших в Посольский приказ⁴⁹.

Из числа всех дел, бывших подведомственными Посольскому приказу, во второй половине XVII в. отошли в другие приказы весьма немногие дела: а) в декабре 1677 г. ведение дел калмыцких из Посольского приказа

перешло к боярину И. Г. Милославскому в приказ Новой чети; б) торговля шелком («армянское компанейское дело», устроенное при А. Л. Ордине-Нащокине), равно как дела по торговле в Московском государстве персидских, бухарских и хивинских купцов (забота А. Л. Ордина-Нащокина) – взяты в Казанский приказ в бытность начальником Посольского приказа Украинцева; в) тогда же отошли в новоучрежденную Ратушу «отпуски и суды торговых иноземцев и мещанская слобода» в Москве⁵⁰. Все остальное до самого конца XVII в. продолжат ведать Посольский приказ⁵¹.

Многочисленностью подведомственных ему дел и присоединением в нему других приказов, объясняется значительное увеличение личного состава Посольского приказа в XVII в.

Дьяки Посольского приказа в XVII в.: И. Т. Грамотин, А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев, князь В. В. Голицын и др.

Во главе приказа и в XVII веке больше частью были думные дьяки; исключение составляет промежуток времени 1667–1676 и 1680–1689 гг., всего 20 лет, когда начальниками приказа состояли Государственные сановники древней Руси – бояре.

Из начальников Посольского приказа в первой половине XVII в. можно отметить И. Т. Грамотина. Он принимал большое участие в событиях Смутного времени, переходя то на одну сторону, то на другую; во главе приказа стоял четыре раза, начиная с 1605 г. и кончая 1635 г., и выделялся большою самостоятельностью в суждениях и действиях по посольским делам. Последняя опала (в конце декабря 1626 г.) постигла его, как говорит официальный документ, за то, что он, «будучи у государева дела в Посольском приказе, указов царя Михаила. Феодоровича и отца его патриарха Филарета Никитича не слушал, делал их государские дела без их государского указа самовольством, и их, государей, своим самовольством и упрямство прогневал».⁵² Другие известия говорят, что «ослушания» Грамотина касались, главным образом, распоряжения патриарха Филарета по посольским делам, что более вероятно и подтверждением чему служит тот факт, что после смерти патриарха Филарета Грамотин возвращен был в Москву и чрез некоторое время получил снова в заведывание посольские дела.

Во второй половине XVII века наиболее выдающимися начальниками Посольского приказа были бояре А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев и князь В. В. Голицын.

А. Л. Ордин-Нащокин, сыне небогатого псковского дворянина, получил лучшее по тому времени образование, знал латинский и немецкий языки, что в то время было редким явлением. Первое возложенное на него поручение по внешним сношениям Московского государства было отправление в 1642 г. на шведскую границу для исправления пограничной линии по рр. Меузице и Пижве и для принятия в российское владение земель, отданных по Столбовскому договору. В последующее время он был воеводою в городах, пограничных с Ливонией и Курляндией, или во вновь завоеванных там. Он был убежденным сторонником необходимости для Московского государства. Балтийского

побережья. По Валиесарскому перемирию, в заключении коего он принимал участие, ему удалось было приобрести несколько городов в Ливонии и устье Двины, но все эти приобретения вскоре же пришлось опять уступить Швеции. Его большой заслугой было, далее, заключение с Польшей Андрусовского перемирия (1667 г.), по коему Московскому государству уступлены были: Смоленск, левобережная Украина, Северская страна, Киев (сперва на 2 года, но потом оставшиеся навсегда в московских руках). Будучи горячим поборником необходимости преобразований, по образцу западно-европейских государств, он заботился об усилении внешней торговли Московского государства, хотел завести для нее флот на Балтийском и Каспийском морях, учредил почты для заграничной переписки и др. Он был назначен в 1667 г. (15 июля) начальником Посольского приказа с титулом «царственныя большия печати и государственных великих посольских дел оберегатель». На задачи приказа он смотрел очень высоко и так писал о нем царю Алексею: «Посольский приказ есть око всей великой России, как для государственной превысокой чести, вкупе и здоровья, так промысл имея со всех сторон и неотступное с боязнию Божию попечение, рассуждая и всечасно вашему государскому указу предлагая о народех в крепости содержать велестно, а не выжидая только прибылей себе. Надобно, государь, мысленныя очеса на государственныя дела устремляти безпорочным и набранным людям к расширению государств ото всех краев, и то, государь, дело одного Посольскаго приказа. Тем и честь и низость во всех землях, и иных приказов к Посольскому не применяют. И думные дьяки великих государственных дел с кружечными делами не мешали бы и непригожих речей на Москве с иностранцами не плодили бы»... «Надобно, великий государь, писал он же в другой раз, в царствующем граде Москве безпорочным, избранным людям Посольский приказ, яко зеницу ока, хранить». Он все усилия русской внешней политики старался направить к тому, чтобы образовать сильный союз против Швеции; предлагая соблюдать умеренность и осторожность по отношению к Польше, готов быть далее уступить ей Малороссию, лишь бы сохранить себе союзника против Швеции. Человек решительный, с определенными взглядами на задачи России, настойчивый в проведении своих «умоначертаний», он не поступался своими убеждениями и, получив распоряжения, по его мнению, ошибочные, не колеблясь, возражал на них.

Он пользовался большим расположением царя Алексея Михайловича, который высоко ценил его способности. Свои донесения с посольских

съездов Ордин-Нащокин прямо направят царю в приказ Тайных дел, минуя Посольский; даже решался действовать самостоятельно, не сносаясь предварительно с Москвой, как обычно поступали все русские послы: «нельзя во всем дожидаться государева указа», говорил он. Не всегда соглашался он со взглядами царя Алексея Михайловича на задачи внешней политики, и царю приходилось не раз уступать суровому «оберегателю посольских дел». Главным предметом разногласия были дела малороссийские, а в связи с этим и отношения Московского государства к Польско-Литовскому: царь не считал возможным уступить Польше Малороссию, на что готов был Ордин-Нащокин лишь бы жить в мире с Польшей. Испытывая постоянно неприятности по службе, изнемогая в борьбе с явными и тайным врагами, не встречая со стороны царя поддержки и видя неодобрение своим взглядам на задачи внешней политики, Ордин-Нащокин решил удалиться от службы и стал просить «об отпуске его от государственных дел» (впервые он заявили об этом 28 ноября 1670 г.). В феврале 1671 г. он был освобожден от управления Посольским приказом и назначен великим и полномочным послом в Польшу; но получив из Посольского приказа наказ (инструкцию), который вынуждал его действовать вопреки данной им присяге (отдать Киев чрез 2 года после Андрусовского перемирия) и в котором каждая статья была беспощадным и резким осуждением поданного им доклада, – Ордин-Нащокин заявил, что ему «в той посольской службе быть невозможно», и в первых числах июля на его место послом назначен был боярин В. С. Волынский. Оставшись таким образом «не удел», Нащокин пробыл еще несколько месяцев в Москве, а 2 декабря 1671 года, в день торжественного въезда польских послов в Москву, царь Алексей Михайлович «милостиво отпустил его при всем своем сиклите и от всей мирской суеты свободил явно». 16 января 1672 г. бывший оберегатель посольских дел прибыл в отстоящую в 12 верстах от Пскова «пустынь крыпецкую Св. евангелиста и богослова Иоанна и преп. Саввы», а 21 февраля «той св. обители о. игумен Тарасий» постриг его в монахи под именем Антония. В этой обители он и умер в 1680 г., будучи за год пред тем (1679 г.) вызван в Москву для ведения переговоров с польскими послами, прибывшими для продления перемирия по Андрусовскому договору еще на 18 лет. Удачно исполнив возложенное на него дело, он, сняв посольский кафтан, вновь надел монашеский клобук и черную рясу и возвратится в свою обитель⁵³.

Вопрос Малороссийский, из за разногласия во взглядах на который ушел А. Л. Ордин-Нащокин, выдвинул преемником ему начальника Малороссийского приказа А. С. Матвеева, суждения коего одинаковы

были с мнениями царя Алексея. Артамон Сергеевич Матвеев (родился в 1625 г.) в делах малороссийских принимал участие с 1653 г., будучи, кроме того, посылаем в Польшу и Литву для переговоров об избрании царя Алексея польским королем. В 1669 г. Малороссийский приказ получил своего особого начальника: им 9 апреля сего года был назначен А. С. Матвеев, в противоположность Ордину-Нащокину благоволивший к малороссиянам, называвшим его своим добродеем и батькой, «и милости государственной во всей Украине неотступным просителем», – не бывший, как Ордин-Нащокин, принципиальным противником присоединения Малороссии. Начальником Посольского приказа Матвеев назначен был 22 февраля 1671 г., ровно чрез месяц после свадьбы царя Алексея на его воспитаннице Наталии Кирилловне, и оставался им до конца этого царствования. После смерти царя Матвеев, вследствие взведенных на него клевет и интриг некоторых бояр, в 1676 г. сперва послан был воеводою в Сибирь на Верхотурье; но, по пути туда, в Казани, лишен был чинов и всего имения и сослан в заточение в Пустозерский острог, откуда возвращен был только чрез 6 лет, в 1682 г. Прибыв в Москву во время стрелецкого бунта, Матвеев прожил в не только 3 дня: 15 мая 1682 г. подговоренные Милославскими стрельцы, выхватив его из рук царевичей Петра и Ивана, сбросили с Красного крыльца на колья бунтовщиков.

А. С. Матвеев принадлежал к числу московских западников XVII в. и отличается приверженностью к новым европейским обычаям. Сделавшись начальником Посольского приказа, он решил отказаться от политики Ордина-Нащокина по отношению к Польше и Андрусовскому договору и считал необходимым немедленно приступить к существенному его изменению. Ему удалось добиться только того же, чего достиг и Ордин-Нащокин, – срок отдачи Киева полякам вновь был отложен. Из других дел его, как начальника Посольского приказа, должно быть отмечено: 1) заключение договора о том, чтобы римский император титуловал царя не Пресветлейшеством, а Величеством; 2) изменение церемониала приема иностранных послов; именно, чтобы они являлись к царю на аудиенцию и находились во время ее с непокрытой головой, а не в шапках и шляпах, как было доселе; 3) отправление в Китай, в качестве посланника, Ник. Спафария с поручением составить подробное описание пути от Тобольска до Китайской границы, с обозначением рек, гор и селений, лежащих на пути, и с показанием расстояний от одного места до другого. Кроме посольской деятельности, Матвеев принимал участие и в других государственных делах: вновь учредил аптеку и Кружечный двор, и из доходов их ежегодно давал по 60 000 рублей и более на содержание других

приказов; восстановил деятельность Денежного (Монетного) двора и, вообще, оказал не мало услуг финансам Московского государства.

После боярина А. С. Матвеева начальниками Посольского приказа были: думный дьяк Ларион Иванов (1676–1680 гг.), ближние бояре В. С. Вольнский (1681–1682 гг.) и кн. В. В. Голицын (1682–1689 гг.). Последний, принадлежавший к числу образованнейших и просвещеннейших людей своего времени, назначен был «царственные большая печати и государственных великих посольских дел оберэгателем» во время стрелецкого бунта 16 мая 1682 г., сделавшего соправительницей царей Ивана и Петра царевну Софию. Большой заслугой кн. Голицына, как начальника Посольского приказа, – было заключение вечного мира с Польшей (1686 г.), по которому последняя навсегда отказалась от всей Малороссии с городами: Киевом, Черниговом и другими 55-ю под условием присоединения Московского государства к общему союзу Польши и Венеции против турок, который также был заключен вслед за первым. В силу второго договора в 1687 и 1689 гг. русские войска под предводительством того же кн. Голицына ходили в Крым, с тою целью, чтобы крымские хан не мог оказать помощи туркам при их нападении на Польшу. Не так удачны для Московского государства были сношения с Швецией. Князь Голицын не воспользовался затруднительным положением в коем она в данное время была, и не только не добился отмены невыгодного для нас Кардисского договора (1661 г.), но и вновь подтвердил его (1683 г.) во всей прежней силе «без всякой притяженной кондиции и карделы и без паки прошения отобранных провинций». Вскоре по открытии заговора Шакловитого, последовало наказание для кн. Голицына. 9 сентября 1689 г. был объявлен ему приговор, коим, за покровительство честолюбивым замыслам царевны Софии и за неудачные распоряжения во время крымских походов, у него отняты были честь и боярство, и он сослан был сперва в Каргополь, а затем в Пустозерск и Пинежский волок (умер в 1718 г.).

Начальником Посольского приказа в последние годы XVII столетия был думный дьяк Е. И. Украинцев (1689–1699 гг.).

Государственные печати

Как было видно выше, начальники Посольского приказа, А. Л. Ордин-Нащокин и кн. В. В. Голицын, именовались между прочим «оберегателями царственной большой печати», а при А. С. Матвееве и В. С. Волынском Посольский приказ назывался «государственным приказом Посольской печати».

В древней Руси удостоверением подлинности грамоты служило привешение к ней печати, что было последним моментом изготовления грамоты. Печать считалась существенной необходимостью не только для грамот в иноземные государства, но и для грамот, возвращавшихся внутри самого государства, выдававшихся «на поместья и на вотчины всяких чинов людям и на гостинство гостем (купцам)». В виду такого важного значения печати, в древней Руси существовали особые лица, в ведении коих находилась государственная печать, наиболее доверенные великого князя или царя. Судя по некоторым указаниям, можно думать, что они вместе с казначеями находились на Казенном дворе – государственной канцелярии XV–XVI в., входили в состав этого правительственного учреждения и носили звание «печатников»⁵⁴. Звание это считалось очень почетным, судя по тому, что его удостоивались посольские и думные дьяки не сразу, а после продолжительной служебной деятельности. Первый Посольский дьяк пожалован был в это звание в 1561 г., после 12-летней службы в Посольской избе и нескольких лет на Казенном дворе. Один из наиболее влиятельных Дьяков XVI в. Василий Щелкалов получил это звание в 1595 г., хотя с 1571 г. был Посольским дьяком, а с 1577 г. думным Разрядным. Одни из печатников, как напр. Висковатый, на занимали никаких других правительственных должностей, другие соединяли звание печатника с иными обязанностями, как Василий Щелкалов. В XVII в. нередко думные Посольские дьяки были и печатниками; а некоторое время Посольскому приказу подчинен был и особый Печатный приказ, упоминания о коем встречаются с 20-х годов XVII столетия. Заведывание государственною печатью и дало повод к возникновению во второй половине XVII в. титула «царственной большой печати оберегателя».

Государственных печатей в древней Руси было несколько: 1) большая и малая, которые привешивались к грамотам, посылавшимся во все окрестные государства, за исключением Крыма, и 2) «кормленая», которая прикладывалась к грамотам в Крым и к жалованным на «поместья,

вотчины и гостинство»⁵⁵. Кроме этих печатей, была еще одна, которую «печатают грамоты и памяти, посылаемые всего Московскаго государства в города по указу царскому, также и по челобитью всяких чинов людей». Эта последняя печать бывает у думного дьяка беспрестанно повешена на вороту и в доме Отчего она и называлась «воротной», орловскою (с изображением орла. «А вырезано на этой печати орел двоеглаво, в середи царь на коне победил змия, около подпись царская, титла самая короткая; а величиной та печать будет немного больше ефимка любского кругом»). До Андрусовского перемирия к грамотам «в окрестные государства» привешивалась большая печать «с большими новоприбылыми титлами»; после этого договора, в 1667 г. при А. Л. Ордин-Нащокине сделана была новая печать с короткими титлами, как постановлено было в договоре, и она стала привешиваться к грамотам во все государства, В ноябре 1677 г. бояре приговорили к грамотам к польскому королю продолжать привешивать печать 1667 г. с короткими титлами, а в остальные государства новую с титлами тогда употреблявшимися. Кроме этих печатей, была еще особая печать малороссийская, которая привешивалась к грамотам, посылавшимся в Малороссию.

Для сохранности печать помещалась в особую «кустодию» – металлический футляр, имевший различный внешний вид в зависимости от значения того государства, к которому отправлялась грамота; к цесарю римскому «кустодия с фигурами», королю французскому – «кустодия большая», курфирсту бранденбургскому, молдавским владетелям, крымским ханам и грузинским царям – «кустодия гладкая», а калмыцким тайшам и крымскому нурадину – совсем без кустодии⁵⁶.

Личный состав приказа в XVII в.: – дьяки, подьячии, повытья, толмачи, переводчики, золотописцы, сторожа и пристава

Выше уже было сказано, что товарищи начальников Посольского приказа, бывшие иногда в XVI в., в XVII в. (с 1613 г.) встречаются постоянно. В первой половине XVII в. у начальника Посольского приказа был один помощник по Посольскому приказу и Новгородской чети, которую ведал также Посольский приказ; но во второй половине XVII в. число их увеличивается в связи с подчинением ведению Посольского приказа других приказов и четвертей: в 1666 г. их 3, в 1668 г. – 4, в 1685 г. – 5. Заведыванию их, главным образом, подлежала письменная часть, ведение переписки, особенно с другими правительственными учреждениями, по случаю приезда посольства или вообще иностранцев, или отправления русских послов и гонцов за границу и отпуска туда же бывших в Московском государстве иностранцев. С присоединением к Посольскому приказу четвертей Новгородско, Галицкой, Владимирской и Устюжской, чисто финансовых учреждений, ведавших сбор податей с известных областей, на обязанности дьяков, товарищей начальника Посольского приказа, были дела по сбору доходов с сих областей, с кружечных дворов («кабацкие деньги») и др.⁵⁷ Эти именно дела и разумел А. Л. Ордин-Нащокин, говоря, что дьяки Посольского приказа мешают посольские дела с кабацкими, занимаются более последними, как более для них выгодными, так как с судебных дел шли пошлинные деньги в пользу приказа. – Товарищи начальников Посольского приказа назначались по большей части из «Старых» подьячих этого приказа⁵⁸.

Помощниками дьяков, товарищей начальника Посольского приказа, – были подьячие, на коих именно ближайшим образом лежало ведение переписки. Число подьячих в XVII в. было не одинаково в разное время: обыкновенно около 15–18, в том числе 5 «старых» подьячих; но во второй половине XVII в. число их достигает 22, 26, 53⁵⁹. В 1689 г. бывшим тогда начальником Посольского приказа Ем. Украинцевым определены новые штаты: подьячим велено быть «старым» 5, «средним и молодым» – 17 верстаным (с жалованьем). Боярская дума, в которую на рассмотрение внесены были эти штаты, 31 октября 1689 г. несколько увеличила их, довела число подьячих до 25, причем сверх сего числа могло быть принято еще 5 без жалованья «для учения приказнаго и признавания дел». Но от

этих штатов вскоре же сделано было отступление: в сентябре 1693 г. в Посольском приказе встречается уже – 5 «старых» подьячих, 21 «средних и молодых» и 8 неверстанных; в 1701 г. их уже было: старых – 6, средних – 7, молодых – 11 и новых 4, всего 28.

Жалованье подьячие получали различное: одни, кроме денежного жалованья, верстаны были еще поместьями, другие получали одно денежное жалованье, третьи – ни того, ни другого. Размеры даваемого им жалованья значительно колебались: поместный оклад был от 450 до 200 четей, денежный от 50 до 11 рублей и даже 5,3 рублей в год (на наши деньги от 800 до 50 р.)⁶⁰ Но кроме этого годового жалованья они от 7 до 10 раз в год получали «праздничные» деньги в большие праздники и царские дни, что в совокупности почти равнялось их годовому жалованью⁶¹.

Занятия между ними, вероятно, с начала XVII в. распределены были по специальностям; по крайней мере денежную часть еще в первой половине XVII в. вел особый подьячий и кажется тогда уже были «повытья»⁶². Но, во всяком случае, эти «повытья» – департаменты существовали в самом начале второй половины столетия (1654 г.) и существовали в том же самом количестве, что и в последующее время (1665, 1670 гг. и далее) и в начале XVIII-го столетия (1702 и 1710 г.), – именно 5. Во главе повытий были «старые подьячие» – директора департаментов. До нашего времени сохранились две записи распределения дел между старыми подьячими, относящиеся к апрелю 1677 г. и сентябрю 1689 г. В 1689 г. старыми подьячими были: Максим Алексеев (с 1681 г.), Симоновский (с 1677 г.), Нефимонов (с 1682 г.), Тарасов (с 1684 г.) и Никита Алексеев (с 1687 г.). В ведении Максима Алексеева были дела: «папешское, цесарское, гишпанское, французское, аглинское, чины царских венчаний на царство и бракосочетаний и Мещанская слобода в Москве («росправными делами»). В ведении Симоновского; «персицкое, армянское, индейское, калмыцкой Чаган-Батырь, донские казаки, почта – вестовыми письмами, московские торговые иноземцы – росправными делами». В ведении Нефимонова: «польское, свейское, турецкое, крымское, волоское, мултянское, галанцы и амбурцы, вольные города, греки и приезды греческих властей». В ведении Тарасова: «дацкое, бранденбургское, курлянское, переводчики и толмачи». В ведении Никиты Алексеева: грузинское, китайское, юргенское, бухарское, сибирские калмыки, суконные заводы». Распределение дел, близкое к этому, было в 1702 и 1710 гг.⁶³ Таким образом, если не считать дел, не относящихся к дипломатическим сношениям, получим вывод, что три повытья (Максима Алексеева, Нефимонова и Тарасова) ведали сношения с Европой и два

повытья (Симоновского и Никиты Алексева) – с Азией. В 1677 г., вследствие временного отсутствия пятого «старого подьячаго», все дела распределены были между наличными четырьмя подьячими, при чем известные группы дел находятся вместе и здесь⁶⁴. Повытья не носили какого-либо названия в зависимости от рода производившихся в них дел, а именовались или по фамилии своего «директора» (повытье Алексева, повытье Нефимонова и т. д.), или просто назывались первым, вторым и т. д. (первое повытье, второе повытье). У каждого из «старых подьячих» находилось по 4 подьячих «средних и молодых» – делопроизводителей⁶⁵. В старые подьячие обыкновенно назначались подьячие из того же Посольского приказа, средние и молодые. Последние обладали красивым почерком, и потому на них возлагалась иногда переписка целых сочинений, предназначенных для поднесения царю. Так, в бытность Матвеева в Посольском приказе, они писали «состроенныя» тогда государственные книги – Титулярник, Василиологион, Александрию и пр. В 1691 г. ими переписаны были: поднесенная в ноябре сего года царю «книга о мельничном строении, с фигурными о том мельничном строении образцовыми листами»; для Л. К. Нарышкина «в лучшее письменное изображение – искусным и художественным в писании начертанием» Космография и др. В январе 1671 г. один из подьячих пишет о царских аудиенциях «авизы и всякия вестовыя письма».

Кроме подьячих, ведших переписку на русском языке, в Посольском приказе были еще два разряда лиц, специально знавших иностранные языки – толкачи и переводчики. Первые предназначались для устных объяснений с иностранцами, на вторых возлагались письменные работы на иностранных языках – переводы присылаемых из того или другого государства грамот, равно как и всякого рода иноязычных документов, поступавших в Посольский приказ, а также сопровождение русских грамот, посылаемых за границу, соответственными переводами. Из этих двух должностей высшей считалась последняя – переводческая. Переводчиков в Посольском приказе, как и подьячих, в различное время было не одно и тоже число⁶⁶. В 1689 г. Ем. Украинцевым, начальником Посольского приказа, установлен был новый штат им, как и подьячим: 15, который и был утвержден Боярской думой. Но это число, вероятно, оказалось очень малым, потому что в ноябре 1701 г. переводчиков было уже 23. – Мало это число, вероятно, было потому, что 4–5 из них постоянно приходилось жить вне Москвы, в пограничных русских городах «для переводов немецкого письма и толмачества»: в Новгороде (один), Пскове (один), на Двине (Архангельске) – двое, а некоторым иногда ездить

за границу в составе русских посольств. По знанию языков переводчики разделялись на переводчиков латинских, польских, татарских, немецких, швейцарских (с шведского языка), голландских, греческих, фарсовских (персидских), арабских, турецких, волосских, английских, грузинских. Они также, как и подьячие, получали денежное и поместное жалованье⁶⁷. В 1689 году Украинцев, установив штат для них, определил общий оклад на всех: жалованья 950 руб., кормовых 1500 руб., всего 2450 руб. (около 42000 рублей). Переводчики Посольского приказа отличались знанием своего дела, умением правильно переводить и ясно излагать. Петр Великий, поручавший им не мало переводов различных книг, самый слог их ставил в образец тогдашнего литературного языка. – Толмачей в Посольском приказе было гораздо более, чем переводчиков: около 40–50 чел.⁶⁸ С 1672 г. число их стало уменьшаться вследствие того, что у них отнят был поденный корм⁶⁹. Украинцев установил в 1689 г. штат их – 13, но Боярская дума увеличила число их до 15. В 1701 г. их было 18. По штатам Украинцева 1689 г. на всех толмачей ассигновано было 832 руб. (ок. 11000 рублей на наши деньги⁷⁰).

Поступали в переводчики и толмачи лица, приобретшие знание иностранных языков самыми разнообразными путями: в татарские переводчики брали иногда татар, живших в гор. Романове (нынешней Ярославской губ.); в греческие переводчики в 1624 г. взят был Борис Богомольцов, находившийся у турок в плену и выкупленный у них в 1650 г.; изучать татарский язык посылают в Астрахань; в 1653 г. отдают переводчикам Посольского приказа подьячего Новгородской чети Лихвинцова учить «польскому языку и грамоте»; для изучения греческого языка посылают в XVI в. «паробков» в Константинополь, для изучения немецкого языка – в северную Германию; вышедших из шведского плена в 1619 г. и там научившихся нижненемецкому, финскому и шведскому языкам также берут (в 1826 г.) в Посольский приказ; из числа живших в Москве торговых иноземцев некоторые иногда поступают в переводчики и толмачи. Лица, заявившие желание быть толмачем, обыкновенно испытываются в знании языка переводчиком этого языка и, по получении от последнего письменного удостоверения в знании, принимаются в толмачи. В переводчики обыкновенно брали из толмачей⁷¹.

Кроме этих лиц к личному составу Посольского приказа принадлежали золотописцы (упом. с 1622 г.), на обязанности коих было росписывать золотом и красками грамоты, посылавшиеся в иностранные государства; они писали каймы в сих грамотах и начальные слова их. Сперва в Посольском приказе упоминается только один золотописец, но в

1665 г. их уже 2, в 1670–1683 гг. – 3, 1688–1689 гг. – 5. Украинцев сократил их число до 3. Во второй половине XVII в. Посольский приказ, в бытность начальником его А. С. Матвеева, выступил как издатель лицевых (иллюстрированных) исторических и переводных сочинений, напр. «Титулярник или корень откуда произыде» и пр., содержащий сведения по русской истории к внешним сношениям Московского государства, книга об избрании на царство Михаила Феодоровича Романова, Родословная московских государей, составленная Л. Хуреличем и друг. Все эти книги обильно снабжены были различными рисунками, персонами (портретами) и особыми орнаментированными листами, исполненными золотописцами приказа.

В Посольском приказе во второй половине XVII в. упоминаются еще сторожа (4) и пристава (6– 9); последние должны были исполнять некоторые обязанности при судебных делах, производившихся в приказе: розыскивать и приводить в приказ подсудных лиц и т. п.⁷²

Все поступавшие в приказ на службу приводимы были к присяге, как высшие лица, так и низшие⁷³. Переводчик приводился к присяге, «к вере», в том, что «ему всякие государственные дела переводить вправду, и с неприятели их государскими тайно никакими письмами не ссылатся, и мимо себя ни через кого писем не посылать, и в Московском государстве с иноземцами о государственных делах, которые ему даны будут для переводу, ни с кем не разговаривать, и во всем ему, великому государю, его государским чадам служить и радеть во всем вправду». К присяге приводимы были в присутствии подьячего Посольского приказа, заведывавшего его личным составом, все, как православные, так и протестанты и католики: «к шерти», к «вере на куране», приводились и магометане – татарские толмачи и переводчики татарскими же переводчиками. Протестанты приводились жившими в Москве в немецкой слободе пасторами; католик, когда в Москве не бывало ксендза, «верился в Посольском приказе перед образом Распятия Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа сам, и проговоря крестоприводную запись, целовал образ».

Бюджет приказа в XVII в.

Из приведенных выше окладов жалованные личному составу Посольского приказа можно уже ожидать, что бюджет его в XVI в. будет не велик и действительно, эти ожидания оправдываются теми документальными сведениями о нем за весь XVII век, которые в достаточном количестве сохранились до нашего времени.

К тому или другому приказу на необходимые для него расходы в древней Руси приписывалось известное число городов, сборы с жителей которых и покрывали расходы приказа. Для подобной цели, «для приказного строения и на всякие покупки на расход и на жалованье подьячим и сторожам», приписаны, были к Посольскому приказу города: Романов (в 1694 г. велено ведать его в Разряде), Касимов (по 1667 г.)⁷⁴, Елатьма (с 1640 г. по 1676 г.), с. Ерахтур (на юго-запад от Касимова, в 1659–1676 гг.; не упоминается в 172-м году) и Вяземская таможня (с 1643 г. по 1678 г.; в 1665–1667 гг. ее ведала Устюжская четь; в 1667 г. в июле опять поступила в ведение Посольского приказа.). Деньги с кружечных дворов (кабаков) и таможенных доходов этих городов, собираемые самим приказом, и составляли его приходные суммы, которые затем приказ и тратит на свои нужды.

Главный доход Посольскому приказу доставляли кружечные дворы в городах Касимове и Романове, отданные на откуп: за первый в 1633 г. приказ получил 1300 руб., за второй 1050 руб., всего 2350 рублей из общего годового прихода 2747 руб.; остальную сумму составили сборы с дворов и с мест дворовых и различные неокладные доходы. Такое же большое значение в приходе Посольского приказа имели эти сборы и в дальнейшее время⁷⁵. В 60-х годах общий доход приказа увеличивается вследствие прилива медных денег, упавших в цене; но затем опять возвращается к прежнему размеру. В 90-х годах (1692 году) он доходит до 5000 руб., а в 1701 г. до 7000 руб., при чем составляется уже из новых статей⁷⁶.

Расход Посольского приказа был менее прихода, так что в приказе всегда оставались свободные деньги. Расходовались они, главным образом, на жалованье и праздничные (раз 7–10 в год) деньги подьячим и сторонам (толмачи и переводчики получали свое жалованье не из Посольского приказа). В 1633 г. издержано на подьячих и сторожей 781 руб., а остальная сумма 175 руб. ушла на «избные расходы» (хозяйственные расходы приказа⁷⁷). За последующие годы общая сумма обыкновенных

расходов составляла от 1000 до 1700 руб.; в конце XVII века (в 1692 г.) на один личный состав тратилось уже около 5000 руб., а в 1701 г. на тот же предмет около 7000 рублей.

Здания Казенного двора и Посольского приказа

Казенный двор, на котором до половины XVI в. помещалась канцелярия Боярской думы по иностранным сношениям, находился в Московском Кремле, между Архангельским и Благовещенским соборами. Местоположение и внешний вид его довольно ясно обозначены на рисунке Московского Кремля XVI в. (см. стр. 59), взятом из ркп., избрания на царство Михаила Федоровича (здание с флюгером, флагом).

Здесь же, в Московском Кремле, но только на другом месте, была и Посольская изба дьяка Висковатого, помещавшаяся «в городе», «на площади», недалеко от Ивановской колокольни. В 1565 году. «сделана бысть палата Посольская, что против Ивана святого под колоколы, повелением благовернаго царя и великаго князя Ивана Васильевича»⁷⁸. С этого времени и правительственное учреждение, помещавшееся здесь, стало называться Посольской или Посольной палатой, хотя на ряду с этим употреблялось и прежнее имя – изба⁷⁹. В этом месте, вблизи Ивановской колокольни, Посольский приказ находился и в XVII веке. В 1670 годах этого столетия для приказов, в том числе и Посольского, выстроено было новое здание (против алтаря Архангельского собора), в которое 30-го мая 1680 г. тогдашний начальник приказа, думный дьяк Ларион Иванов и перешел, «доложась великаго государя и перенеся с собою государственную печать и государственныя дела»⁸⁰. По случаю этого нового помещения царь Федор пожаловал в Посольский приказ образа Всемиловитоваго Спаса, Пресвятой Богородицы и Иоанна Предтечи, бывшие ранее в комнате (кабинете) царя Алексея Михайловича. Здание это имело виде буквы П; параллельные стороны его расположены были вдоль Москвы-реки и Кремлевской стены так, что концы здания выходили к Архангельскому собору. Посольский приказ занимал здесь помещение в самом конце первой параллельной линии (которая была ближе к площади, а не к реке) в обоих этажах здания, так что окна его с одной стороны должны были выходить прямо к алтарю Архангельского собора (см. рисунки XVII в. на стр. 60–61). Из имеющихся сведений о помещении (размеры: 7 – стена на площадь и 11 – стена на двор сажень на 9 1/2, саж. стена у Архангельского собора) приказа видно, что в нем было несколько палат: а) задняя, «где бывають у дьяков иноземцы для государственных тайных дел»; стены в не были обиты «червчатым аглинским сукном», а потолок расписан; б) приказные 1–2, где сидели подьячие; в 1702 г.

посреди ее сделан был (для крепости) столп, толщиной в 2 аршина, на который в 1705 г. повешены были в рамах «4 персоны, имянуемая одна – Правда, другая – Мудрость, третья – Воздержание, четвертая – Крепость»; в) Особая палата – «казенка», в которой хранился архив приказа, его старые дела; здесь же, быть может, хранилась и библиотека приказа, состоявшая из разнообразных печатных и рукописных книг и географических карт. Некоторое представление о внешнем виде, фасаде здания приказа в XVII в., дает рисунок его, находящийся в дневнике состоявшего при шведском посольстве 1674 г. в Москву капитана Эрика Пальмквиста⁸¹.

24 ноября 1702 г. случился в Московском Кремле пожар («на Розряде горело»), от которого пострадал и Посольский приказ: «от того пожару на государственном Посольском и Малороссийском приказах на трех полатах деревянные кровли и потоки выгорели и от того пожару стены во многих местех попортились и поразвалились». Здания были осмотрены и им «учинен чертеж». По осмотру оказалось нужным: 1) стену, «что от Москвы реки», разобрать до пола и сделать ее вновь (с 8-ю окнами на ней); 2) в "приказной полате», посреди ее, сделать каменный столб толщиной в 2 аршина (вышина в палате 8 аршин); 3) в «Большой» и «Малороссийской приказной полатах» сделать своды. «Да над теми же тремя полатами и кладовую податю своды обути и покрыть лещедью аршинною в закрой и смазать известью с маслом и против столбов сделать жолобы железные». Кроме того решено было «на сенной стене на семи сажнях и на верхнем крыльце поверх гзымсу (карниза) поставить болясы каменные точеные, длиною по аршину, толщиной по 5 вершков; против крыльца сделать шпренгиль по чертежу, вышиною 9 аршин, и в том шпренгиле вырезать орла, а около того орла в резном каменном клейме сделать крест, а под ним поставить глобоз, какой пристойно, посторонь того орла поставить пушки на станках готовые». «Над нижним рундуком сделать с осмериком и круг осмерика резьба фруктовая и розверстка на том осмерике против чертежа». «Все то каменное и резное дело делать самым добрым мастерством и размером против архитектуры». Дошедшая до нас одна гравюра начала XVIII века изображает все помещения приказов со стороны, Москвы-реки, а в том числе и Посольского приказа: двухэтажное здание около Ивановской колокольни с 8 окнами и украшением на крыше, вероятно, и есть этот приказ. (См. рисунок на стр. 63⁸²).

Русские представители в иностранных государствах: русские «консула» XVII в. в Швеции, Голландии и Англии. Резиденты в Польше, Голландии, Турции и Австрии

До последней четверти XVII столетия не было постоянных русских представителей в иностранных государствах: сношения и переговоры происходили чрез особых, назначаемых для каждого случая, послов, посланников и гонцов, но попытки учредить постоянные миссии были. Так, еще в декабре 1684 г. в Швецию отправлен был Д. А. Франсбеков в звании агента и с ним подьячий для письма, но через 1 ½ года он получил указ об отозвании, и 21 августа 1636 г. выехал из Стокгольма; после того в Швеции не было русского представителя до мая 1700 г., когда туда был назначен кн. А. Я. Хилков «на резиденцию». В 1660 г. отправлен был в чине резидента в разные государства, для разных дел, англичанин, Толмач Посольского приказа, Иван Гебдон, который, пробыв за границей 4 года, главным образом в Англии и Голландии, возвратился в Москву в феврале 1664 г. Оба эти лица (и Франсбеков и Гебдон) были посланы более по торговым делам, так, что были скорее первыми русскими консулами за границей, чем дипломатическими представителями. – Первая русская постоянная миссия в XVII веке учреждена была в Польше, том соседнем государстве, с которым у Московского правительства были наиболее частые сношения. Еще в июле 1668 г. туда отправлен был Василий Тяпкин для постоянного пребывания в качестве резидента; но, по случаю междуцарствия, он не был принят и, получив 10-го октября того же года отпуск от примаса, возвратился в Москву (8-го января 1669 г.). Через пять лет поднят был снова вопрос о постоянных представителях-русских в Варшаве и польских в Москве, и в июле 1673 года Московское правительство изъявило желание учредить их. Предложение было принято, и в сентябре того же года прибыл в Москву польский резидент П. Свидерский, а чрез два месяца после сего (в ноябре) в Польшу отправлен быть снова Вас. Тяпкин «на резиденцию» с переводчиком (для переписки дана им «цыфирь» – шифр). На этот раз Тяпкин пробыл резидентом почти 4 года и в мае 1677 г. Отпущен был в Москву. По отъезде его не было прислано нового русского представителя вплоть до начала 1688 г., с какового времени встречаем их в Польше без перерыва до конца столетия, так что тот год (1688) можно считать годом учреждения первой

постоянной русской дипломатической миссии за границей⁸³. В самом конце столетия, в 1699 г., учреждены были еще две постоянные миссии: 1) в Голландии, куда 9-го апреля велено ехать А. А. Матвееву в звании чрезвычайного и полномочного посла; с ним отправлен был дьяк Ив. Волков и 10 «дворян посольства»; и 2) в Константинополе, куда назначен был (в июле) дьяк Украинецев; при нем состояли дьяк и также 10 «человек дворян посольства». В марте того же 1699 г. состоялось повеление об отправлении «на резиденцию» в Вену, в звании посланника, В. И. Еверлакова; но чрез три месяца распоряжение это было отменено, так что постоянная миссия в Вене учреждена была только в 1701 г., куда 4-го января назначен был в должности министра кн. П. А. Голицын.

Изложенным ограничиваются известия об учреждении русских миссий в XVII в., остальные миссии открыты были позднее, начиная с 1700 г.

Русские посольства в XVI– XVII вв.

Не имея постоянных представителей в иностранных государствах, древняя Русь, в случае нужды дипломатических сношений, отправляла в ту или другую страну нарочитое посольство, количественный состав которого колебался в значительной степени. Оно могло состоять из 1, 2, 3, 4 человек, равно как могло возрасти и до нескольких сот, вследствие присоединения к нему многочисленной свиты, как напр. было ве 1578 г., когда с отправленными в Польшу послами М. Д. Карповым, П. И. Головиным и дьяком К. Грамотиным выехало за рубеж дворян и людей всего 282 человека. Послам набирались всегда лучшие люди, пользовавшиеся доверием великого князя и царя, и, быть может, к тому же отличавшиеся умением вести дипломатические переговоры. Московские великие князья и цари часто назначают в состав посольства членов Боярской Думы (Государственного совета), иногда в более важных случаях даже 2, 3; для ведения письменной части к постам прикомандировываются дьяки, а иногда и подьячие на правах дьяков («во дьяцех» послан такой то подьячий, говорит запис). В виду незнания русскими послами иностранных языков, с ними ездили переводчики и толмачи, служившие посредниками при всех разговорах (упом. с начала XVI в.). Содержались послы во время своего пребывания в пределах другой державы на счет этого государства.

По своему значению лица, посылавшиеся с дипломатическими поручениями в иностранные государства, были или 1) «послы великие» или 2) «легкие послы», посланники или 3) «гонцы», «посланцы», «посланные». Различие это зависело, главным образом, от важности и цели посольства, значения государства, в которое посольство ехало, и от большей или меньше торжественности, которую хотели придать посольству. Та или другая степень важности посольства влияла и на состав его, назначение того или другого лица во главе его, с большим или меньшим званием – боярина, окольничего, стольника, и т. п.; а в связи с этим находилась и численность свиты, которой было более у боярина, чем у окольничего и т. д. Послы и посланники не имели полного представительства; они были только доверенными лицами государя, с которыми можно было вести переговоры и выработать проект договора, утверждение которого зависело от государя; часто при переговорах, не предусмотренных дававшейся им инструкцией-наказом, они не принимали ни того, ни другого решения, и обращались в Москву за

разрешением недоразумения. – Обязанность гонцов – доставить отданную им грамоту; в какие-либо дипломатические переговоры вступать им не поручалось. – Иногда посылались тайные агенты с целью узнать что-нибудь или доставить секретную грамоту. Так в феврале 1588 г. царь приговорил с боярами послать к цесарю Рудольфу и его брату Максимилиану «с грамотами тайно чрез Лифляндскую землю на Ригу цесарского немчина Л. И. Магнусова для того: либо гонца Офонася Резанова чрез Литовскую землю не пропустят, ино б та грамота с Лукашом до цесаря дошла» (отпущен 8 февраля); тогда же «отпущен тайно к цесарю с грамотою московский торговый человек Тимоха Выходец, а велено ему ехать из Пскова на Ригу, или на которыя места пригоже, куды проехать можно».

Личность посла считалась вообще неприкосновенною, но во времена не мирные бывали отступления от этого правила, так что русские послы, для большего обеспечения своей личности, заручались «опасными грамотами», без коих иногда им не разрешалось ехать за рубеж⁸⁴. Чаше всего оскорблениям и разного рода унижениям русские послы подвергались в Крыму⁸⁵; для большего обеспечения русских посланников Московское правительство крымских послов и гонцов отпускало из своих пределов обыкновенно только по размене в том или другом месте на русских послов, возвращавшихся из Крыма. Небезопасны были также русские послы у ногайских князей.

В киевской Руси первоначально удостоверением звания посла, возложенного на то или другое лицо дипломатического поручения, были, кажется, золотые печати; но из слов договора великого князя Игоря с византийским императором («ныне уведем князь ваш посылати грамоту», 945 г.) можно думать, что тогда уже выдавались послам верющие грамоты, которые впоследствии встречаются постоянно. Грамоты эти не были полномочными, а только верительными, удостоверяющими, что слова посла суть речи государя: «бо то суть наши речи»⁸⁶. Кроме этой грамоты, послам давались особые указы, инструкции, как им вести себя, что говорить на аудиенции и при переговорах и как отвечать на разные возможные вопросы; кроме обыкновенного, давался еще иногда тайный наказ. и тот, и другой наказ послам предписывалось возможно чаще прочитывать, чтобы запомнить все, там написанное, и не затрудняться ответом на предложенный вопрос. Держать их послы должны были в большой тайне, чтобы никто их не знал; если бы угрожала какая-либо опасность послам, они должны были указы каким бы то ни было образом уничтожить, хотя бы съесть.

Послы не всегда были вестниками мира; иногда через них же совершалось объявление войны. Великий князь Святослав, имевший обыкновение предупреждать о своих действиях, отправляет послов к своим недругам с объявлением войны и предстоящего сражения. В удельный период русской истории это объявление войны производилось посредством вержения грамот договорных, которое совершали послы. «И то рек, поверже крестные (крестоцеловальные, договорные) грамоты» или: «а се твои грамоты, а нам с тобою, яко Бог даст». В последующее время нарушение («отказ») мира объявлялось через отсылку докончальных и перемирных грамот, или через присылку особой «складной» грамоты, декларации о войне.

Московское правительство строжайшим образом относилось к соблюдению установленного этикета и требовало точного соответствия в посольском церемониале, чтобы русские послы были принимаемы точно также, как оно принимало иностранных. В наказах предписывалось послам следить за тем, чтобы иностранные государи, при вопросе о здоровье царском, приподымались и снимали шляпу; и бывали случаи, что когда это не соблюдалось, русские послы тут же, на аудиенции, выговаривали это или сами, уходя, делал и государю малый поклон. При отправлении на аудиенцию, впереди русских послов везли привезенные ими дары; присланную грамоту торжественно нес какой-либо подьячий посольства, но на аудиенции подавал ее государю первый посол. На то, чтобы грамота русская была принята самим государем, равно как и ответная передана была им же самим, – обращалось особенное внимание; и послы отказывались принимать ее из других рук, от того или другого сановника. Послы также внимательно следили за правильностью титула царского в грамоте, в случае неисправности настаивали на уничтожении ошибки и отказывались в противном случае принять грамоту. Бывали случаи, что послы, получив отказ на свои неоднократные требования, уезжали без ответных грамот, не взяв неисправных, хорошо зная, как строго Московское правительство относилось к вопросу о «прописках» в царском титуле. Вообще, к обереганию чести царской послы относились чрезвычайно строго и ставили это на главнейшем месте. «Самое большое дело, говорили они, государскую честь остерегать; за государскую честь должно нам всем умереть; прежде всего нужно оберегать государское именование; начальное и главное дело государев чести остерегать». – Вопрос о царском титуле, титуле государя Московского «царь», служит предметом неоднократных споров в XVI веке. С вел. князя Ивана III внутри России давали Московским великим князьям титул то сударя всея

Руси и царя. Так величают Ивана II псковитяне и новгородцы, и так послы наши именуют своего государя в Германии. На этом основании император Максимилиан I, в акте 1505 г., называет Ивана II и Василия II императорами и величеством; в акте 1514 г. дает Василию III титул брата и императора, Ливонский орден скоро признал этот царский титул в договорах с Новгородом и Псковом и потом в прямых сношениях с Москвою. Одно великое княжество Литовское упорно отказывало нашим Государям в этих титулах; титул всея Руси Литва признает только с 1494 г. Царский титул был признаваем всеми державами Только в XVII в. из-за этого титула не раз дипломатические переговоры прерывались, и послы уезжали, не достигнув той цели, для которой были отправлены.

Все эти пререкания о посольском церемониале и царском свидетельствуют не об узости взглядов русских послов, не о рутинности древнерусской дипломатии, а о старании их ставить честь своего государства выше всего, нежелании умалить ее чем-либо. Значение церемониалу и титулу придавали не одни русские, а и иностранцы, и они также горячо спорят из-за него и отказываются поступиться своими мнениями. «При зародышном состоянии правильных международных сношений определение формальных и обрядных условий дипломатических переговоров всегда стояло на первом плане... Споры и беспокойства из-за правильного употребления титула далеко не всегда имели только формальное значение, и нельзя их объяснить исключительно воинственным задором или наивною заносчивостью. Титул государственный выражает формальное подтверждение конкретных прав. Умышленное изменение этого титула на пропуск составных его частей представляются посягательством на чужую честь или отрицанием приобретенных тем или другим способом прав. Вот почему, между прочим, претензии Московских царей к Польше, по причине неправильного употребления царского титула, весьма часто имели более глубокий смысл, чем кажется с первого взгляда»⁸⁷.

На ведение дипломатических переговоров должно было оказывать известное влияние незнание русскими послами иностранных языков, а иностранцами русского; ввиду этого, приходилось обращаться к посредству толмачей и переводчиков, а это конечно не так удобно было для хода переговоров и могло породить недоразумения. Сбежавший в Швецию подьячий Посольского приказа, озлобленный на своих бывших начальников и товарищей, кажется, преувеличивает возможное иногда явление, говоря, что русские послы «ненаучением своим говорят многия речи к противности или скоростию своею к подвижности, а потом в тех

своих словах временем запрутся и превращают на иныя мысли; а что они каких слов говоря запираются, и тое вину возлагают на переводчиков, будто изменою толмачат».

Из общего, вполне корректного, поведения русских послов бывали исключения и на них иногда приносились жалобы; вероятно, в виду этого, в XVII в. из существовавшего в царствование Алексея Михайловича приказа Тайных дел, состоявшего под непосредственным ведением царя, куда «бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме самого царя», посылались «подьячие с послами в государства и на посольские съезды для того, что послы в своих посольствах много чинят не к чести своему государю, в проезде и в разговорных речах; и те подьячие над послы надсматривают и царю приехав сказывают. И которые послы, ведая в делах неисpravление свое и страшась царского гнева, и они тех подьячих дарят и почитают выше их меры, чтобы они, будучи при царе, их послов выставляли, а худым не поносили» (Котошихин). Но этот приказ Тайных дел прекратил свое существование со смертью царя Алексея и контроль, установленный над деятельностью послов, окончился.

Послы, по окончании возложенных на них поручений, представляли привезенные ими грамоты или заключенные ими проекты мирных договоров и подавали отчеты (донесения) о своих действиях – статейные списки (отчеты по статьям, день за днем), дневники своего посольства.

Договоры в киевской Руси писались на двух хартиях, листах: «и едина хартия есть у царства нашего, на ней же есть крест и имена наша написана, а на другой сли (послы) ваши и гостье ваши». Хартии эти отличались одна от другой, прежде всего, своею внешнею формою: в греческой находился крест, вместо печати, и подпись императора; в русской не было ни того, ни другого. Далее они различались и изложением: греческая грамота содержала в себе более подробное изложение обязанностей Греции относительно Руси, подобно тому, как Русская содержала более подробное изложение обязанностей Руси относительно Греции, упоминая только вообще об обязанностях другой стороны. По форме и содержанию договоры X в. были род росписок, которые выдавали себе взаимно стороны договаривающихся. Договор утверждался присягою, и потом уже его акты разменивались. Мир заключался на веки, «пока сияет солнце и весь мир стоит», или «пока хмель не потонет и камень не поплывет». В двух экземплярах договоры писались и в последующее время; при этом только условия возможно было вержение грамот в случае объявления войны. Грамоты и договоры подписывались лицами, выдававшими их или ведшими переговоры по

заклучению их. Московские цари, до конца XVII в., не подписывали никаких грамот и, цоодраеов и, вместо них огрское имя (царь и великий князь...) писали послы и дьяки. «Цари и бояре ни к каким делам, кроме того, что послы прикладывают руки к договорным записям, руки своей не прикладывают, для того устроены думные дьяки», и на грамотах в иностранные государства «для крепости вместо царские руки подписывают подпись думные дьяки сами или товарищи их, простые дьяки». После того, как договор подписан и к нему привешена печать, он скреплялся крестным целованием. Послам царя Ивана IV предписывалось в 1571 г. наблюдать, чтобы польский король целовал крест на обеих грамотах и не в подножие креста, а в самый крест, «и не мимо креста, да и не носом». Заключенные мирные записи были только проектами трактата, потому что они получали силу только после того, как царь утвердит их и присягнет на их исполнении.

Статейные списки, которые послы подавали по возвращении из посольства, суть подробнейшие их дневники, в коих они день за днем отмечают весь свой путь и все разговоры, веденные ими: как они ехали, как были встречаемы и принимаемы, как они были у того или другого государя на аудиенция, и что говорили при этом и какие далее переговоры вели с посылавшимися к ним лицами или к коим они сами ездили. Статейные списки эти поражают своею точностью, подробностью, строгим отстаиванием со стороны русских послов интересов и чести Московского государства; но тот же подьячий Посольского приказа Котошихин заподозривает их достоверность, соответствие тому, как на самом деле было. «Все речи, которые говорены и которые не говорены, пишут они в статейных своих списках не против того, как говорено, прекрасно и разумно, выславляючи свой разум на обманство, чрез что б достать у царя себе честь и жалованье большое».

Представители иностранных государств в Москве: Англии, Дании, Франции, Голландии, Швеции, Голштинии, Польши, Пруссии

Представители иностранных государств появляются в Москве гораздо ранее, чем русские за границей; но до второй половины XVII в. это были торговые агенты, консулы, но не дипломатические лица.

Английским купцам царем Иваном IV дана была жалованная грамота, предоставляющая право беспошлинной торговли в Московском государстве (1556 г.). Особого «агента» их, консула, встречаем в Москве еще в XVI в., в 1585 г. (Роберт Пикон); в XVII в. русские документы указывают их в следующем порядке: агенты – Христофор Кокс (Кук, 1623–1624 гг.), Фабиан Шмит (1625–1632 гг.), Томас Вейг (1632–1635 гг.), Симон Дигби (1636–1643 гг.), Спенсер Бретон (1644–1649 гг.), вице-агент Томас Брейн (1664–1666 гг.; с 1649 по 1664 английской компаний не было дозволено торговать в России); после 1666 г. агенты не указываются в русских документах вплоть до 1701 г., когда упоминается английский консул Карл Гутфель, – быть может потому, что право беспошлинной торговли, отнятое у английских купцов в 1649 г., после сего им не было возвращено, несмотря на неоднократные просьбы⁸⁸.

После английского старейшим по времени появления в Москве был датский агент Давид Николаев Рутц, который, как «приказчик датских купцов», упоминается в Москве еще в 1627–1628 гг. и который объявлен был датским в России «приказчиком» королевскою грамотою от 28 мая 1634 г. Он пробыл им до 1641 г., когда в Москву явился новый «датского короля приказчик» Петр Марселис. В 1653 г. на место последнего был снова назначен Д. Н. Рутц⁸⁹. В 1658 г. датским «комиссаром» состоит Гавриил Марселис. В 1672 г. приехал в Москву уже не агент и комиссар, а «резидент», которому чрез два месяца велено было именоваться «посланником», а в следующем году опять «резидентом» – Магнус Гейм вместе с секретарем Фр. Шваном (François Lefort). Он отозван был в 1676 г. Приехавший в этом году посланник Фридрих фон-Габель пробыл в Москве до сентября 1678 г., когда он, несмотря на свое нежелание, должен был возвратиться в Данию, оставив вместо себя «приказным (комиссаром)» Андрея Бутмана, Бутенанта-фон-Розенбуш (королевская грамота от 20 января 1678 г.), который пробыл до своей смерти, последовавшей в 1702 г. В 1697–1705 гг, кроме него живет еще особый

посланник Павел Гейнс.

В 1629 г. бывший в Москве французский посол высказывал между прочим желание, чтобы в Москве были французский консуль но это предложение не было принято, а затем во все XVII столетие о нем не заходила уже речь. – Более благосклонно отнеслось в 1681 г. Московское правительство к предложению голландцев, ведших постоянную и обширную торговлю в Московском государстве, конкурировавших с англичанами, – иметь в Москве своего консула; хотя это им и не было запрещено, но русские документы не говорят о голландских факторах и комиссарах и начинают указывать в Москве с 1678 г. голландских резидентов. Первым резидентом был оставленный в январе 1678 г. голландским послом маршал фон-Келлер, пробывший до своей смерти, в 1698 г.; на его место назначен был А. Я. фон-дер-Гульст. – В 1631 г. появляется в Москве шведский агент Яган Меллер, умерший здесь в августе следующего года, вместо которого в августе 1634 г. приехал в Москву «на резиденцию» агент Петр Крусьбиорн с секретарем «Анцою Павлом». Он пробыл здесь до 1647 г. (в 1641 г. упоминается еще приказчик шведской королевы Петр Марселис), когда его заменил Карл Поммеренинг (резидент 1647–1651 гг.). В 1651–1652 гг. упоминается шведский комиссар Яган Деродес, в 1662–1665 гг. комиссар Адольфы Эберс-Шильд, а в 1665–1667 гг. Яган Лилиенталь, которому в сентябре 1666 г. велено именоваться резидентом; в 1667–1669 гг. резидентом быть во второй раз Ад. Эберс-Шильд. По его отъезде с 1669 г. и до 1685 г. в Москве не было шведских резидентов. В 1685–1689 гг. фактором был Фр. фон-Кох, а в 1689–1700 гг. Томас Кциппер. К пребыванию в Москве шведского агента очень несочувственно относился «оберегатель посольских дел» А. Л. Ордин-Нащокин, говоря, что он приносит только вред Московскому государству, ссорит его с другими, разузнает все, происходящее в Москве, и сообщает об этом за границу. Вероятно поэтому шведских резидентов и не было в Москве в 1669–1685 гг.⁹⁰

В 1684 г. послами шлезвиг-голштинского герцога был заключен в Москве договор о торговле с Персией чрез Московское государство с платежом в казну русскую ежегодно по 600 000 ефимков, для отдачи каковой суммы в Москве должен был жить постоянно голштинский агент. В январе 1639 г. голштинские послы, по возвращении из Персии, обменялись ратификациями сего договора и уезжая в Голштинию оставили в Москве агентом Балтазара де-Мушерона; в следующем 1640 году вместо него комиссаром назначен был Петр Марселис. Но так как торговля с Персией оказалась не такой выгодной, как предполагалась, то

она «пресеклась», договор 1634–1639 гг. потерял свою силу и вследствие этого прекратили свое существование в Москве голштинские агенты. – Торговых агентов и комиссаров Польши совсем не было в Москве, а были только посланники. Последний впервые упоминается в сентябре 1678 г. Павел Свидерский, выехавший из Москвы в 1677 г.; следующий постоянный представитель Польши прибыл в Москву «на резиденцию» в декабре 1687 г. и пробыл в ней до февраля 1694 г.; после него в XVII столетии уже не было в Москве постоянного представителя Польши. – В конце 1675 г. уезжая из Москвы, бранденбургский посланник Скультет-Ефимович оставил в Москве для курфирстских дел Г. Д. Гессена, который поданною государю грамотою (от 31 декабря 1675 г.) аккредитован был 25 февраля 1676 г. при российском дворе в Москве агентом; в конце сего 1676 года Гессен отпущен был, так как «по учреждении из России почт в окрестные государства можно помощью оной переписку писем производить скорую, а потому и не для чего оставаться в России оному агенту». В августе 1677 г. Гессен снова прибыл в Москву с просьбой дозволить ему остаться агентом «для удобнейшаго по делам изустно, нежели чрез почту, донесения», и предлагал, чтобы прусский резидент жил у курфирста; ему отвечено было, что «ни ему, агенту, в России, ни российскому резиденту у курфирста быть не для чего!» и в феврале 1678 г. он принужден был выехать из Москвы. 28 декабря того же года в третий раз прибыв в Москву, он между прочим хлопотал и о разрешении пожить в Москве некоторое время, но опять безуспешно, и в январе 1679 г. был отпущен. Через десять лет после сего бывший тогда в Москве бранденбургский посланник просил разрешения «для скорейшаго письменнаго сношения» оставить в Москве кого-либо из своей свиты или назначить кого из живущих в ней иностранцев; но и теперь последовал отказ, «поелику курфирст о сем в своей к государям грамоте не воспоминал». Только в феврале 1699 г. в Москве появляется «на резиденции» маршалок бранденбургского курфирста Т. З. Цезельский (умерший в мае 1700 г.).

Все бывшие в Москве с конца XVI в. иностранные представители были главным образом торговые агенты: постоянные иностранные «резиденты» и «посланники» появляются в Москве только со второй половины XVII в.: с 1666 г. – шведский, с 1672 г. – датский, с 1673 г. – польский и с 1678 г. – голландский, при чем только должность последнего все время была замещена; все остальные пребывали в Москве с перерывами (датский 1672–1678, 1697–1705, шведский 1666–1669 и польский 1673–1677, 1687–1694 гг.).

Посольский церемониал и пребывание иностранных послов в Москве

Не имея у себя до второй половины XVII в. постоянных представителей иностранных держав, Москва часто встречала приезжавших с временными поручениями послов, посланников и гонцов как европейских держав, так особенно азиатских государей: с конца XV в. и особенно в XVI–XVI вв. Она видит в своих стенах послов цесаря римского, польского, датского, венгерского, чешского, французского, английского и шведского королей, султана турецкого, хана крымского, ногайского и др. азиатских стран. Редкий год проходил, чтобы в Москве не был кто-либо из послов, иногда бывало их по несколько в один год, иногда их жило в Москве одновременно насколько. Это особенно часто происходило в XVII в., когда дипломатические сношения Московского государства значительно развились; так например в 1675 г. при дворе царя Алексея Михайловича одновременно было 8 посланников; в июле 1677 г. – 4. Наиболее часты были приезды послов и гонцов польско-литовских, крымских и ногайских.

По мере развития сношений в Москве постепенно выработывался особый посольский церемониал, касавшийся как встречи, так и приемов и проводов послов.

По получении известия о едущем в Москву посольства из Москвы посылались воеводам пограничных городов, ближайших к тому месту, где должен был вступить на русскую почву иностранный посл, приказание послать на встречу посла – кого-либо из служащих в том городе (пристава), который и сопровождал посольство до Москвы, а также обыкновенно и на обратном пути до выезда из пределов Московского государства. Воеводам пограничного города, равно как и всех городов, лежавших на пути следования посла, предписывалось заранее приготовить подводы для послов и «корм» для них, так как содержание посольства с вступления на русскую почву обязательно было для Московского правительства. Это предупреждение было иногда существенно необходимо в виду многочисленности посольства, особенно польско-литовских, простиравшихся до нескольких сот человек; в 1566 г. с литовскими послами Хоткевичем, Тишкевичем и Гарабурдой было 9 королевских дворян, 900 людей и 1289 лошадей. Состоявший при посольстве пристав должен был заботиться об удобствах путешествия посольства, чтобы все приказания, отданные из Москвы, были исполнены

на месте, чтобы было дано известное число подвод и известное количество корма. Из-за последнего не раз происходило неудовольствие и послы отказывались принимать его, жалуясь на недостаточность; в таких случаях пристав должен был или сам или чрез воевод того или другого города донести в Москву и поступать затем согласно полученным оттуда приказаниям.

Не доезжая Москвы верст за 6–7, пристав послов, который постоянно доносил в Москву о своем путешествии с послами и получал отсюда приказания, как ему ехать – скоро или тихо и к какому числу он должен прибыть в столицу, – останавливался на «подхожем стану»⁹¹ и доносил о своем прибытии в посольский приказ. Последний, получив это известие, назначал день и час, когда должен был совершиться торжественный въезд посольства в столицу. Из Москвы посыпался к нему особы пристав (Московский, а иногда и 2–3), который должен был находиться при посольстве все время пребывания его в Москве и сопровождал посольство на обратном пути до известного города; ему давался особый наказ, в коем говорилось не только о том, как он должен встретить послов, но и как он должен держать себя все время пребывания посольства в Москве и даже что отвечать на известные вопросы. В день въезда посылались на встречу посольства царские экипажи и лошади, назначались особые лица, которые должны были приветствовать посла при въезде в самый город, по улицам расставлялись войска (стрельцы) и приказные люди, чтобы везде было «людно и нарядно», как выражаются современные акты. С конца XVI в. забота о торжественности въезда посла перешла к Разрядному приказу, который заботился о назначении стрельцов (упомин. в 7065 г.) и приказных людей для встречи. Торжественность встречи зависела от важности посольства: неодинаково встречаемы были послы, посланники и гонцы; для последних встреча была наименее торжественна и ограничивалась иногда посылкой на встречу пристава. – Встретив послов, Московский пристав и особо назначенный для сего лица провожали их до подворья, где посольство должно было жить все время пребывания своего в Москве, и являлись с донесением о приезде его первоначально к вел. князю, а с учреждением Посольского приказа к дьяку последнего, который уже доносил царю. К послам царем был отправляем кто-либо спросить о здоровье иностранного государя; при этом относительно крымских послов посланным было приказываемо, «беречи того, чтобы крымский посол против государева жалованья на колени садился и колпак снимал» (1537, 1538, 1578 гг.).

Посольские дворы

Первоначально для помещения иностранных послов в Москве не было определенных мест, особо назначенных для сего зданий, и они ставились в частных домах; это бывало впрочем и впоследствии, когда появились уже особые «дворы», вероятно в виду того, что они были заняты⁹². Помещения для послов отводимы были в разных частях города, на улицах Остоженке, Пречистенке, Никитской, Тверской, Воздвиженке, Рождественке, Дмитровке, Петровке, в Китай-городе, Дорогомилове и др.⁹³ Для наиболее часто посещавших Москву послов ногайских, крымских и польско-литовских существовали особые дворы, предназначенные исключительно для тех или других послов и гонцов. Из числа этих дворов древнее всех был, кажется, крымский двор, в записях упоминающийся с 1532 г. На нем стояли крымские послы в 1532 г. («Крымское подворье»), 1534 г. («двор»), 1535–1539, 1548, 1562–1564, 1566, 1567, 1570, 1577, 1578, 1586, 1588, 1591–1596 гг. – О местонахождении этого двора посольские записи XVI в. говорят только: «за рекою» (1539, 1586 г.), «за Москвою рекою» (1539, 1566, 1677, 1578 и 1589 гг.). В конце 1577 г. послы были поставлены «за Москвою рекою на Крымском дворе на новом»; в 1588, 1593 и 1595 гг. «на старом на Крымском дворе». В записи 1589 г. Крымский двор назван «посольским». Как исключение послы крымские ставились иногда и не на Крымском дворе. Так в конце 1568 г. крымские гонцы поставлены были «на Большом посаде на хрестьянских дворех», в начале 1592 г. они стояли «в Рогожской слободе», а в октябре 1576 г. «в Казенной слободе» (см. также на сей странице в примечании о посольских дворах в Черторье). – Для ногайских послов и гонцов существовал особый Ногайский двор, на котором ногайские послы и гонцы стояли в мае и сентябре 1535 г., в 1536, 1537, 1548, 1549, 1551–1553, 1555, 1564 годах. С послами, как известно, приходили и ногайские «гости» (купцы), пригонявшие в Москву для продажи целые табуна лошадей. Гостей этих ставили обыкновенно или «под Павшиным (Паншиным), в октябре 1548 г., мае 1549 г., мае и июле 1551 г., 1552 г., 1555, 1557, 1560 («за посадом под Паншиным», 1561, 1578 гг., или «на лугу против Симанова, под Симоновым» (в ноябре 1548 г.) августе и октябре 1551, 1552 и 1553 гг.); или «у Красного села» (октябрь 1549 г., октябрь 1551 г., 1553 г.), «под Красным селом по сю сторону Яузы» (1581 г.), «за красным селом на Яузе» (1581 г.), «за Яузою» (1578 г.). О местонахождении Ногайского двора однажды посольская запись замечает: «за Москвою рекою» (1564 г. ноябрь). Иногда послы ставились

не на этом дворе. В декабре 1535 г. они поселились «на Городецком дворе за Яузою», потому что не хотели стоять вместе с находившимися на Ногайском дворе другими послами. В ноябре 1564 г. часть послов остановилась на Ногайском дворе, «а иных поставили на крестьянских дворах»; в октябре 1579 г. ногайских послов велено было поставить «в Рогожской Ямской слободе», поставлены были «в Казенной слободе»; здесь же в Казенной слободе «на крестьянских дворах» стояли другие ногайские послы, прибывшие в Москву в апреле 1581 г. За Москвою рекою ставили еще послов «на Мустафинском дворе» (в мае 1560 г.) и «В Кожевниках» (в октябре 1560 г.). Приехавшие в сентябре 1560 г. ногайские мурзы Булат и Бубезон были поставлены «за Москвою рекою», но неизвестно где именно.

Кроме этих дворов в 1552–1557 гг. упоминается еще Астраханский двор. На нем поставлены были ногайские послы в 1552, 1556 и 1557 гг. Бывшему Астраханскому царю Дервишу, прибывшему в Москву с ногайскими послами в октябре 1551 г., отведен был двор кн. Юрья Кашина на Воздвиженской улице. Присланный из Астрахани в декабре 1558 г. Ибак царевич поставлен на Рождественской улице «на крестьянском дворе».

Литовских послов первоначально размещали по домам частных лиц, но с 1532 г. встречаются посольские записи о существовании особого Литовского двора для них. На этом Литовском дворе поставлены были литовские послы в 1532, 1533, 1539, 1550, 1553, 1554, 1556, 1559–1561, 1563 («на посольском дворе»), 1566, 1569 («на Литовском посольском дворе»), 1579, 1581–1583, 1593. Большинство записей ограничивается кратким сообщением: «поставили на Литовском дворе», но некоторые из них указывают и на местонахождение его. Из записей последнего рода видно, что Литовских дворов было несколько и что они помещались на различных улицах города Москвы. Сперва он находился «за Неглинною, на Успенском враге», где был поставлен в 1555 г. литовский посланник Тишкевич. Вероятно, это тот же самый двор, который в ранних посольских записях называется «цесаревых послов двором» и его понимают они, говоря, что литовские послы и гонец в 1529, 1532 и 1536 гг. поставлены были «на Успенском враге, на цесаревых послов дворе» (здесь же стояли послы 1559 г. Тишкевич и др., судя потому, что приставы должны были заботиться, чтобы Успенским врагом никто не ходил). Быть может этот же самый двор запись понимает, говоря, что литовские посланники поставлены были «за Неглинною на Литовском дворе» (1558 г.) и за «Неглинною на Литовском дворе на посольском» (1566 г.); в этот

последний раз послы, переехав реку (у Дорогомилова), ехали «по запосаду к Тверской улице, к Ямской слободе»⁹⁴. Судя по этим упоминаниям можно думать, что первый Литовский посольский двор помещался в нынешнем Газетном переулке (церковь Успения, на Овражках). – По недостаточности ли этого двора или вследствие каких-либо его недостатков, с 1568 г. литовские послы размещались по другим дворам: на Большом посаде на дворе Луки Котельникова (1568 г., купцы на другом дворе подле его; 1569 г. – и на иных крестьянских дворах у Поганова пруда), на Покровке на Вологодского владыки дворе и на иных дворах (1576 и 1577 гг.).

В конце 1568 и 1569 гг. литовские послы и гонец, переехав Москву-реку, на берегу у перевоза, ехали «по запосаду на Переславскую дорогу к Сретенской улице и к Литовскому двору посадом». Можно думать, что второй Литовский посольский двор находился недалеко от Сретенки, у Поганова пруда (=ныне Чистые пруды), на Покровке, где стояли литовские послы Крыский, Сапега и Скумин в январе 1578 г. («а поставили послов на посольском на новом дворе на Покровской улице»). На этот последний двор литовский гонец Держка в 1581 г. так ехал: «с Поклонные горы налево через Москву-реку, переимался на Тверскую дорогу, а от Тверские дороги к Конюшенной слободе, а от Конюшенные слободы вверх через Неглинную к Запрудному, а от Запрудново на Переславскую дорогу к Пушкарской сободе, а Переславскою дорогою в Земляной город в Устретенския ворота да Устретенскою улицею, а с Устретенския улицы на пожар, да на Покровскую улицу на Литовской двор». На этом дворе на Покровской улице, по посольским записям, стояли Литовские послы и гонец в июне 1582 и феврале 1583 гг. – Кроме этих двух посольских Литовских дворов упоминается еще Литовский гостинный двор: в 1592 г. литовские послы помещены были «в Большом городе у Пречистые Гребневские на Панском новом дворе». Литовские посланники Хребтович и Девелтовский в феврале и августе 1593 г. стояли «на Литовских дворах, что у Пречистье у Гребневские», «у Пречистые Гребневские на Литовском на гостином дворе», – На Литовских дворах останавливались иногда послы и других держав. «На «Литовском дворе на Успенском вразе» в апреле 1539 г. стоял крымский посол Сулеш. На Литовских дворах поставлены были также: в мае 1559 г. ногайский посол, в декабре 1563 г. датский посланник, в июне 1585 г. и в сентябре 1586 г. свейские гонцы («на посольском на Литовском дворе»), в марте 1589 г. цесарский посланник⁹⁵.

С начала XVII века в посольских записях начинает упоминаться тот Посольский двор на Ильинке, который существовал весь XVII век, видел в

своих стенах большое число послов и гонцов иностранных держав, и воспоминание о котором доселе живо в Москве, так как существующее на его месте новое здание (торговые помещения) известно под именем «Посольского подворья» (на Ильинке, близ Биржи). Впервые этот Посольский Двор упоминается в записи о встрече цесарева посланника М. Шеля в 1601 г. Приставу, посланному на встречу ему, велено было по встрече за деревянным городом, за Тверскими воротами, ехать «в город в Тверския ворота и Тверскою улицею в Китай город полым местом к каменным лавкам и большим торгом, Ильинскою улицею на Посольский двор». Дальнейшие упоминания о нем находятся при встрече в 1614 г. датского и английского послов и в последующих годах.

Посольский двор этот более счастлив, чем другие: тогда как о размерах помещения последних ничего неизвестно, о первом мы имеем подробные описания у живших на нем во второй половине XVII века иностранных послов, и даже до нашего времени сохранился в альбоме цесарского посла Мейерберга (1661–1662 годов) рисунок сего Посольского двора, помещенный выше на стр. 82-ой.

Дом, находившийся на этом дворе для послов, был 3-х этажный: в верхнем этаже были 3 комнаты и двое сеней, в среднем и нижнем по 9 комнат и по трое сеней. У дома была высокая и изящная башня, с которой открывался вид на город. Комнаты имели своды и настолько низкие, что датские послы в 1678 г. не могли «приладить к стене ни одно из привезенных ими зананесей, не подогнув ее хорошенько». Кругом по стенам приделаны были лавки; средину комнаты занимали длинные столы и переносные скамейки, все обитые красным сукном, которым обиты были внизу и стены, насколько сидящий человек доставал спиною. В одной из комнат, роскошно убранной, приготовлено было возвышение с дорогим балдахинном наверху; под ним кресло, назначенное для посла, когда ему нужно было принимать посетителей. Комнаты, предназначавшиеся для главного посла, украшались шитыми золотом коврами. У окон были железные решетки и железные же ставни. При доме был обширный двор, на котором расположены были различные хозяйственные постройки: кухни, птичники, конюшни, сарай и т. п.

Кроме всех этих дворов в XVII в. быть еще особый Малороссийский двор, давший название теперешней улице Маросейке. Он находился близ Ильинских ворот, на углу нынешних Большого и Малого Златоустинских переулков и предназначен был для остановок на нем малороссов, приезжавших в Москву. Местонахождение его ясно из чертежа XVII в., помещенного на стр. 84-ой.

Стража для охраны послов и посольских людей

Во время пребывания посольства в Москве кроме пристава, долженствовавшего постоянно посещать послов, а иногда и жить вместе с ними на одном дворе, им давалась стража, которая отчасти должна была охранять послов и сопровождать их и их посольских людей во время хождения по городу, а отчасти и наблюдать за действиями послов и сообщать о сем в Посольский приказ. До царской аудиенции послам вообще не разрешались сношения с другими лицами и только после нее они пользовались большей свободой. Иногда принимались и суровые меры в отношении сношений послов. Это делалось или в виду политических осложнений или неприязненных действий того государства, представитель которого явился в Москву, или в виду оскорблений, нанесенных русскому послу в стране посла. Так литовских послов, прибывших в Москву в 1518 г., велено «стеречи, чтобы к ним и от них не ходил в посад, ни из посада никак человек» – «того дея, что Острожской пришел с людьми под псковской пригородок под Опочку»; в 1520 г. литовского гонца также велено «беречи, чтоб к нему не ходил никто и с ним бы не говорили»; послов литовских, в том же году прибывших, также велено «беречи того накрепко, чтоб к послом не ходил никто» (подобные же распоряжения в 1555 г.). В 1535 г. в виду прихода многих крымских людей с войною под Рязань, великий князь велел находившихся тогда в Москве крымских послов «на их двор за сторожи держать и пущати их никуда не велел»; подобный же случай произошел в 1539 г., когда за приход на Коширские места и Ростовскую волость у крымского посла в Москве взяты были кони и к нему приставлены сторожа. В 1559 г. приставам литовских послов велено было «беречи того накрепко, чтоб к послом на двор, опричь приставов, не ходил никто; а на Успенском враге держати сторожа, чтобы Успенским врагом мимо послов дворе не ездил никто; а которые дети боярские или боярские люди поедут мимо послов дворе, и приставам тех велети имати да отсылати к дьяку к Ивану Михайлову» (в Посольский приказ). В октябре 1567 г. царь с князем Владимиром Андреевичем и боярами приговорил литовского посланника «позадержати, потому что король в своей грамоте писал супротивныя слова; и приговорил государь посланника всю рухлядь, и товары, иконы переписать, и то все велел государь взять на себя; а посланника посылать к Москве посадить его на Литовском дворе, избы 2–3 огородить и велети его беречь»⁹⁶.

Но эти стеснения и ограничения бывали главным образом в XVI в., в

XVI в. послы пользовались уже большею свободою. и в XVI в. Им давались различные льготы: разрешалось посещать митрополита Московского, присутствовать при богослужениях в Успенском соборе и других церквах, ездить с соколами и собаками и пр.

Церемониал приема послов царем

Прием послов царем совершался всегда торжественно и постепенно выработался особый церемониал его, которому неизменно следовало Московское правительство.

По назначении дня приема, о сем заранее извещался посол для того, чтобы он мог подготовиться к аудиенции. К послу посыпалась лошадь с царской конюшни или особый экипаж, на которой или в котором посол и отправлялся на аудиенцию. С 1576 года то на всем пути следования послов, начиная с их Посольского двора и кончая Благовещенским собором, то только в Кремле от Благовещенского собора и по площади, стали ставить стрельцов («стрелецкие головы» также являют послов в 1576 г.); в XVII в. в помощь к ним назначали боярских черных и посадских людей. До конца XVI в. послы следовали, кажется, постоянно верхом, потому что посольская запись как об исключительном случае говорит, что в мае 1597 г. цесарев посол «ехал ко государю на двор в возку в немецком в непокрытом, для того, что у него была болезнь в ногах камчюг и он верхом ехать не мог», но в XVII в. въезд нередко уже совершался в экипаже, причем в нем вместе с послом сидели и особо назначенные русские лица. Впереди послов везли подарки и грамоту. «А дары бывают присланы: сосуды серебряные позолоченные разные и что прилучитца заморских диковинок»⁹⁷.

Приехав в Кремль, послы всегда останавливались или против Архангельского собора или между Архангельским и Благовещенским соборами, около здания Казенного двора, или «у лестницы» или «мостков, что на пацерьт к Благовещению» (1554 г.), их заранее точно определенного места должны были слезать с лошадей или выходить из экипажа. В 1566 г. литовский гонец Загоровский не захотел выйти из саней против Казенного двора, а пожелал проехать еще несколько до самой лестницы и «споровался о том с приставом голомя». Царь не разрешил пустить его к лестнице, а велел выйти против Казенного двора. Гонец не пожелал исполнить этого и хотел ехать «сильно» к лестнице, но стоявшие стрельцы не пустили его туда и гонец принужден был выйти против Казенного двора. Вероятно, за это ему не было сделано никакой встречи. На аудиенции царь «к руке его не звал, потому что он приехал на двор невежливо и из саней против Казенного двора долго не вышел, а хотел ехать к лестнице сильно». В XVI в. бывали случаи, что послы дожидались царского выхода в ту или другую палату на Казенном дворе или в

Посольском приказе, и по получении только известия о выходе царя шли далее; в этом случае они останавливались не доезжая немного того здания, в котором должны были дожидаться⁹⁸. – Сойдя с лошади или выйдя из экипажа, послы шли: христианские поднимались по небольшой лестнице в несколько ступеней на паперть Благовещенского собора и шли этою папертью и переходами во Дворец; послы не христианские поднимались во дворец «Среднею лестницею мимо Золотой палаты»⁹⁹.

О выезде с Посольского двора пристава обыкновенно посылали с вестью в Кремль (1566, 1570 и 1582 г.): когда они выедут со двора, как въедут в новый город (Китай) и как начнут въезжать в старый город (Кремль). В 1566 г. произошел случай, что пристава литовских послов, когда от них ждали донесения о выезде послов на аудиенцию, сообщили, что послы «у обедни, слушают обедни в сушиле у своих попов». Посольская запись замечает: «а у тех послов ново учати быти: как им по поре ехати на двор, и они учнут слушати обедни». Государь «с бояры поговорил:... у прежних послов того в обычае не было»;... что они «то делают не по пригожу, что государь послов долго ждет, чего наперед того не бывало. И нечто вперед послы учнуть потому же приезжати, и государь поговорил, что государю слушати обедни у Благовещения, а послом приехати на двор и итти на переходы Среднею лестницею и велети им итти в полату и дожидатися того, как у государя обедню отпоют и как обедню отпоют, и послом тогда итти ко государю в Столовую избу челом ударити да итти в полату». – Извещение о выезде послов необходимо было, чтобы успеть все приготовить ко встрече послов. В XVII в. от Благовещенской паперти или с «Средней лестницы» ставились «дворяне, приказные люди, диаки и гости в золотном платье» и в черных шапках (в «сенях») и дети боярские и дворовые люди и подьячие в «чистом» платье (по крыльцу и у Благовещения в паперти).

Приехавшего посла или гонца до входа в палату, где сидел царь, обыкновенно встречали по особому назначению; количество этих встреч, равно как и назначение для сего более или менее почетных лиц, зависело от ранга представителя иностр. державы, равно как от желания Московского правительства придать большую или меньшую торжественность встрече и от политического значения той страны, от которой являлся посол. Самое большое количество встреч бывало – 3: в том или другом пункте паперти Благовещенского собора или дворцовых помещений (у Средней палаты, 1519 г., – на передней лестнице на Среднем дворце, 1523 г. и т. п.). Для гонцов обыкновенно бывала одна встреча, а в исключительных случаях обходились и без нее; так в 1525 г.

литовскому гонцу «встреча не была – человек молодой».

Приемы послов вел. князьями первоначально производились в различных избах и палатах Кремлевского дворца: Набережной палате (1522 г.), Средней избе (1527 и 1548 гг.), Брусной выходной избе (1589 г.). С 1543 г. и по 1584 гг. они за самыми ничтожными исключениями совершаются в Столовой брусной избе, после сего ее заменяет Средняя Золотая подписная палата, или, как короче она называется, Золотая подписная (с 1586 г.), иногда они совершаются в Большой подписной Грановитой палате (1591 г.). – В палате, где совершался прием, на том или другом расстоянии от царского места, в зависимости от значения посла или гонца, ставилась скамья (упом. с 1514 г.), на которой сидел посол некоторое время во время аудиенции. Кроме царя в палате находились, по особому назначению, бояре и другие думные люди Московского государства, в золотых и др. роскошных одеждах и шапках горлатных.

При входе посла царь сидел на своем месте. Со второй половины XVI в. встречаем замечания об одежде его: «а царь сидел в русском саженом платье, и в царской шапке и в диядиме, а в руках был скифетр» (1576 г.) или в другой раз: «а в руках был посох» (1576 г.); «Государь был в царском платье, в саженой в русской шубе и в диадиме и в царской шапке» (1578 г.); «государь сидел в царском платье, а в руках у государя быть скифетр, а с левую руку у государя стоял индрогов посох в золотом месте» (1579 г.); при приеме литовского гонца в 1582 г. царь «сидел в обычном платье без царские шапки», при приеме литовских послов в 1590 г. «в царском в большом платье с скифетром и с царским яблоком». Во время малолетства царя Ивана IV около царя находились бояре; в 1539 г. «берегли у (девятiletнего) великого князя (руку, когда послы подходили к целованию ее), стоячи у его места боярин кн. В. В. Шуйский (он и отвечал за царя послам: «князь великий говорил боярином своим князем В. В. Шуйским того дея, что леты еще не совершен», 1536 г.) да князь И. В. Оболенской-Овчина. Как князь великий подал (посланнику) Никодиму руку, и Никодима принял за руку князь Иван и подержал за руку». Они же берегли руку вед. князя, а кн. Шуйский и говорил, при отпуске того же посланника. В 1538 т. для береженья стояли те же кн. В. В. Шуйский на правой стороне и кн. И. В. Оболенский на левой, «да у князя у Василья стоял И. И. Челяднин, ходил у великого князя в дяди место». В 1542 г. «стояли у великого князя береженья для на правой стороне кн. М. И. Кубенской, на левой окольник И. С. Воронцов»¹⁰⁰. – При приеме царем Федором Ивановичем послов «у государева места выше рынд» с правой стороны стоит Б. Ф. Годунов (1590, 1592, 1593, 1595 и 1596 гг.); при

приемах в 1596, 1597 гг. он держит «царского чину яблоко» (стоит до левую сторону). Дважды вместе с ним, но на другой левой стороне, стоял боярин и дворецкий Г. В. Годунов» (1593 г.). – В XVII в. при царе Михаиле «подле государева места, здвинув с государевым местом, ставится бархатное место для патриарха Филарета Никитича. «А образ над патриархом был особно с застенком, а в правую сторону патриарха на окне стоял животворящий крест на золотой мисе». По правую сторону патриарха сидели митрополиты, архиепископы и епископы (1620, 1621, 1927 гг.). Патриарх был «в своем святительском платье, в манатье бархатной с сажеными источники, в клобуке большом с золотыми дробницами с камнем и с жемчуги» (1627 г.)¹⁰¹ – С 1582 г. около царского трона появляются рынды: в июне сего года при приеме литовских послов «при государе в те поры стояли с топоры» князя Дм. и Ал-р Ив. Шуйские да Ив. Бельский и Ив. Воейков; в 1590 г. «рынды стояли при государе с топоры в белом платье в золотых цепях», с правой стороны кн. Ив. Ник. Одоевский и кн. А. Бахтеяров-Ростовский, с левой стороны П. Н. Шереметев и кн. Ю. Приимков и т. д.¹⁰²

При приемах около царя находятся иногда и его сыновья. Посольские записи говорят о присутствии в 1490 г. детей вел. кн. Ивана III – кн. Василия и Юрия, царевичев Ивана и Феодора (в «обычном платье») в 1573 и 1577 гг.; одного царевича Ивана (в «саженном платье») в 1566 и 1578 г. Кроме того иногда присутствуют при этом царевичи крымские, сибирские, черкасские, касимовские и. т. д. В 1573 г. при приеме цесарского гонца «царь Семион Бекбулатович и царевич Михайло», в 1577 г. «князь великий Семион Бекбулатович тверской», в 1586 г. «царевич крымской Мурат-Кирей, касимовский царь Мустафа-Алей, сибирский царевич Магмет-Екуль, князи тюменские, черкасские и иные служилые князи»; в 1597 г. «царевич Араспань-Алей Кайбулин, царевич Магмет-Куль сибирский, царевич Ураз-Магмет Казатцкие орды»; в 1614 г. касимовский царь Араслан-Алей Алеевич. В 1014 г. постановлено даже было: «а как вперед при послех и при посланникех укажет государь быти у себя государя царем или царевичем, и им у государя быти и им встречу чинити по сему государеву указу».

Послы в присутствии царя на аудиенции были с покрытою головою, в шапках, и только со второй половины XVII в., со времени Аф. Л. Ордина-Нащокина, послы представлялись без шапок.

По входе посла, его «являли» т. е. представляли царю. Из посольских записей видно, что обязанность та лежала в начале XVI века (1517– 1528 гг.) на дворецком тверском Мих. Юр. Захарьине, а после него во весь XVI

век и начале XVII в. ее исполнял один из окольных. Посол правил поклон¹⁰³ царю от государя пославшего его и подавал грамоту¹⁰⁴, которую со времени учреждения Посольского приказа принимал всегда Посольский дьяк. После этого царь обыкновенно звал «к руке» как послов, так и гонцов (упом. с 1518 г.); но бывали случаи, когда они не удостоивались этого. Так литовских гонцов, бывших в Москве в 1531 и 1543 г. великий князь не звал потому, что, как отмечает каждый раз посольская запись, гонец – «человек молодой»; литовских послов в 1549 г. потому, «что (царь) на них слово положил гневно»; литовского посланника 1550 г. потому, «что с ним грамота затворчатая»¹⁰⁵. После целования руки посол садился на отведенное ему место. При приеме крымских и ногайских послов встречаем одну особенность, которой не бывало при других приемах: после того как послов «явили», царь звал их «карашеваться» («звал к руце да звал крашеваться»); «послы, быв у корошеванья великого князя, да отшед, став на коленях, правили великому князю поклон» от пославшего их государя. Этот обычай корошеванья состоял в том, что государь мусульманским послам не давал целовать руку, а клал ее на их головы. В записях об этом упоминается с 1535 г., а обычай на коленях править поклон с 1536 г. (обычай «карашевания» происходил и при приеме послов боярами и дьяками, 1578 г.). В феврале 1582 г. одновременно были приняты турецкий кузец и один грек. Купец целовал царя в колено, грек был «у руки»; другой турок целовал государя в ногу. С ноября 1593 г. в посольских записях говорится, что царь при приемах турецких и крымских послов кладет на них руку (1593 и 1594 гг. «звал к руце и клал на него руку»¹⁰⁶).

Посидев, послы говорили речи о цели своего посольства и подносили привезенные ими дары. В XVI в. послы часто приглашались после аудиенции к царскому столу (уп. с 1514 г.), которого им приходилось дожидаться или в одной из палат дворца или на Казенном дворе, или в Посольской палате (приказе). Обычай этот настолько был принят, что отмечалась причина небытия посла или гонца у царского стола. Во время малолетства царя Ивана IV причиной этой служили его годы: «ести их князь великий не звал того деля, что он еще молод» (1534 г.); или «того деля, что еще ел у матери, а себе столом не ел» (1535 г.); «того деля, что еще леты не совершен и ест у матери, а себе столом еще не едал» (1536 г.); «затем, не в остольне живет, ест у матери» (1537 г.) «что он ест у матери» (1537 г.); «того деля, что есмя еще леты не совершенный и нам за столом сидети истомно» (1538 г.); «того деля, что у него стола еще не живет» (1538 г. сентябрь. – «Впервые послы ели у вел. князя после отца его, и ели

того дни посол крымской и гонцы великаго князя» – 18 февраля 1539 г.). – За последующее время встречаем такие отметки: «того для, что в те поры был того дни ести ему у вел. князя» (1543 г.), «того для, что в те поры был на Москве пожар великой». Во второй половине XVI и в XVII вв. уже нередкое явление составляет то, что послу вместо царского обеда посылается почетный стол на подворье.

В конце аудиенции царь иногда послов угощал медом; кажется, это бывало только в тех случаях, когда переговоры с послами увенчивались успехом и был заключен договор и перемирие. 16 марта 1559 г. царь литовским послам «не подавал того дни, что дело некоторое не сделалось»; наоборот 31 июля 1562 г. царь датским послам «подавал вина и меды красные и говорил им свое жаловальное слово, что государя их Фредерика короля в приятельстве и во единачестве и в мир честный любительно принял». – Этому ограничению в угощении медом, кажется, не существовало по отношению к ногайским и крымским послам, в описании приемов коих довольно часто встречаются упоминания об угощении их медом в ковшах. По словам Котошихина эти послы, выпив мед, суды брали себе и клали за пазуху, говоря, что царь, пожаловав им мед, подарил след, и тот сосуд, вы котором он был. У послов, по словам того же свидетеля, не отнимали судов: «для таких безстыдных послов деланы нарочно в Аглинской земле сосуды медные посеребряные и позолочены».

Для дипломатич. переговоров послы удалялись иногда тотчас после аудиенций, иногда, в другое время в одну из дворцовых палат (главным образом в Набережную, в которой совещания происходят с 1520 г., Ответную (упом. 1589 г.) и Большую подписную Грановитую палату (1594 г.), – куда и являлась к ним особая комиссия из членов Боярской думы и дьяков. До учреждения Посольского приказа все переговоры послов велись чрез эту комиссию, которая спрашивала о цели прибытия посольства и других делах; с появлением Посольского приказа, послы обыкновенно выясняли думному Посольскому дьяку цель прибытия посольства и только действительные переговоры (в строгом смысле) велись чрез комиссию Боярской Думы¹⁰⁷.

В тех случаях когда царя не было в Москве, ему доносили о приезде посла, который большею частью дожидался возвращения царского; иногда великий князь или царь велел принять посла своему сыну с боярами, как напр. в 1583 г., когда царевич Федор с боярами, по приказу вел. князя, принимали литовского гонца. В 1699 г., приехавший в Москву персидский посол, в «небытность в ней царского величества», принят был боярами и был у них «с шаховою грамотою на приезде». Во время существования

опричины царь Иван IV, получив известие об едущем посольстве в Александровой слободе или в каком либо другом месте своего пребывания (вне Москвы), нередко отдавал приставам приказание вести посла прямо к нему, не заезжая в Москву (такие распоряжения встречаются в 1565, 1571–1594 годах). Дважды в посольских записях упоминается о приемах царевичем Иваном крымских гонцов в июне и июле 1565 г.

Если переговоры увенчивались успехом и послами подписывался договор или перемирная грамота, царь целовал крест, который приносился для сего (в 1556 г. февраля 7 Благовещенским протопопом Андреем). Из палаты удалялись княжата, дворяне и протопоп; крест пред государем на записи держал Посольский дьяк, читалась записка, после чего послами и царем целовался крест (1556 и 1564 гг.).

Посольский приказ просуществовал до 1720 года: 13-го февраля сего года ц. Петром I утверждено было «определение Коллегии иностранных дел»; значение приказа впрочем начало уменьшаться еще с начала XVIII-го столетия, когда появилась «Посольская походная канцелярия (с 1709 г. просто Посольская канцелярия), к коей перешли более важные дела, в промежуток времени между 1710 и 1718 гг. получившая значение главного органа внешних сношений России. Вместо Посольского приказа в Москве возникла «Московская контора Коллегии иностранных дел», просуществовавшая до 4 ноября 1781 года¹⁰⁸.

Приложения

I. Состав комиссий боярской думы

7005 г. На сговор с немцы (ливонскими) К. Г. Заболотский, Мих. Клепик и дьяки Вас. Кулешин и Волк Курицын. (Разрядная книга, стр. 24).

– Июня 13 с литовским послом Ив. Сапегиным дьяки Ф. Ф. Курицын и Андрей Майко.

7006 г. июля – с литовскими послами Кишкой и Сапегиным казначей Дм, Влад. Овца (Головин) и дьяк Фед. Курицын. – В другой раз в июле же они же и дьяк Данило Майко (Польский стат. список № 1, стр. 654–75).

7007 г. августа... с литовскими послами Глебовичем и Сапегиным казначей Дм. Вл. Овца и дьяки Ф. Курицын, Андрей Майко и Данило Мамырев.

7008 г. с литовскими послами С. Петряковичем (Кишкой) и Григорьевым казначей Дм. Вл. Овца и дьяки Ф. Курицын и Андрей Майко.

7009 г. генваря 21 с послом чешского короля Владислава М. Чезелитским – Дьяк Майко.

– Февраля 27 с литовскими послами С. Нарбутовым и Олехной казначей Дм. Вл. Овца и дьяки В. Кулешин, Андрей Майко и Болдырь Паюсов. Они же – 1 марта.

7011 г. января 13 с послом угорским Сантаем бояре Яков Захарьич и Григорий Федорович и казначей Дм. Вл. Овца. Они же – 10, 14, 17, 24 марта. Января 16 – один казначей Д. В. Овца. Апреля 2 – боярин Григорий Федорович и казначей Д. В. Овца.

– Марта 10 с польским послом Д. Мишковским и литовским С. Глебовым – бояре Яков Захарьич и Григорий Федорович, и казначей Д. В. Овца. Они же марта 12, 17, 24. Боярин Григорий Федорович и казначей Д. В. Овца апреля 2.

7011 г. марта 29 с немецким послом Ив. Гилдораом казначей Дм. Вл. Овца, сокольничий Кляпик и дьяви. Апреля 2 – боярин Григорий Федорович и казначей Д. В. Овца.

7012 г. марта 5 с польсколитовскими послами С. Глебовым, Ю. Зиновьевым и Б. Сапегичем бояре Яков Захарьич и Григорий Федорович и казначей Д. В. Овца.

– Июня 3 с польсколитовским послом М. Кунцевичем диак Болдырь Паюсов.

7013 г. декабря 7 с дьяком польсколитовским Золотцким – дьяк Болдырь Паюсов.

7014 г. С польским Б. Довкгирдовым – дьяк Болдырь Паюсов.

– С польскими послами Ю. Глебовым, Ив. Сапежичем и Ив. Федоровым боярин Александр Влад. Ростовский и казначей Дм. Вл. Овца.

– С польским писарем Горемыкою дьяк Болдырь Паюсов.

7015 г. С писарем Жидимонта королевича польского Ф. Светошей – подьячий Ал. Щекин. – Выше было высказано предположение, что на Казенном дворе была специализация столов, существовали столы, ведавшие каждый свое особое дело и состоявшие в заведывании отдельного подьячего. Таким начальником стола или поветья мог быть в 1542 г. И. М. Висковатый. Подьячий А. Щекин не был ли в 1507 г. одним из его предшественников, т. е. подьячим, ведавшим на казенном дворе стол внешних сношений Московского великого княжества?

– С польскими послами Я. Радивилом, Олехновым и Б. Сапежичем кн. Ф. В. Телепня-Оболенский, казначей Д. В. Овца и дьяки Т. Долматов и Б. Паюсов.

– Октября 15 с послом Максимилиана короля римского Ю. Кантенгером – дьяк Б. Паюсов. Он же октября 16, 18.

7016 г. С писарем польским Ф. Святошей дьяк Болдырь Паюсов.

7017 г. С польскими послами С. Глебовичем, И. Сапежичем, В. Нарбутовичем и Ив. Богдановым боярин Иван Андреев (Челяднин), казначей Д. В. Овца и околничий Ив. Кляпик.

– С польскими послами Я. Родивиловичем, В. Яновичем и Б. Боговитиновым боярин князь В. В. Шуйский, казначей Д. В. Овца, сокольничий М. Кляпик и дьяки Т. Далматов, Губа Моклоков и Лука Семенов.

7018 г. С польскими послами В. Нарбутовичем и Г. Громькиным конюший Иван Андреевич (Челяднин), сокольничий М. Кляпик и дьяки Т. Далматов и Д. Семенов.

7019 г. С польскими послами С. Глебовичем, В. Яновичем и Г. Громькой – боярин Григорий Федорович (Давыдов), конюший Иван Андреевич (Челяднин), сокольничий М. Кляпик-Еропкин и дьяки Вас. Тр. Долматов, Губа Моклоков и Лука Семенов.

7020 г. С польским дворянином Б. Догвирдовым дьяк Лука Семенов.

7023 г. февраля 13 с турецким послом Камалом бояре Григорий Федорович, казначей Юрий Дмитриевич Траханиот, Федор Карпов и дьяки Ел. Цыплятев, Губа Моклоков и Меньшей Путятин. Они же февраля 17 и 27.

7025 г. марта 3 – с человеком прусского магистра Шимборком Юрий Малый Траханиот, Шигона Поджогин и дьяк Меньшей Путятин. Они же марта 5, 6. Марта 10 – они же и дьяк Труфан Ильин.

– Июля 12 с цесарским послем Герберштейном – казначей Юрий Малый, Шигона Поджогин, Меньшой Путятин и дьяк Труфан. Они же июля 19. Они же и боярин Григорий Федорович ноября 19. Юрий Шигона и Меньшой – июля 15. Шигона и дьяки М. Путятин и Трифон – июля 17. 7026 г. октября 3, 7, 25; ноября 10, 15, 21, 22. Григорий Федорович, Юрий Малый, Меньшик Путятин – 7026 г. ноября 1. Они же и дьяк Труфан – ноября 8, 12. Григорий Федорович, Мих. Юрьев Захарыча, казначей Юрий Малый, Шигона Поджогин, Ив. Телешов, М. Путятин и Труфан Ильин – ноября 3.

– Августа 20 с магистровым человеком Мелхиором – Юрий Малый и Меньшей Путятин. Они же и Шигона Поджогин (Юрий – казначей) сентября 13. Боярин Дм. Вл. Ростовский, Шигона Поджогин, казначей Юрий Дм. Малой и дьяки – сентября 13.

7026 г. ноября 1 с литовскими послами Щитом и Богушем – Михаил Юрьев Захарыча, Шиг. Поджогин, и Ив. Телешово дьяк. Они же ноября 8, 12.

– Марта 21 с магистровым человеком Шимборком – Юрий Малый, Шигона Поджогин, дьяки М. Путятин и Т. Ильин. Они же марта 27, апреля 11 (Юрий – казначей).

– Августа 1 с послами Максимьяновыми Фрянчюшком, Антонием и Яном – бояре Григорий Федорович, Федор Карпов, Шигона Поджегин и дьяки Ив. Телецов, М. Путятин и Трифон. Они же и Юрий Малый – августа 8. – 7027 г. декабря 30 – они же и Юрий, но без дьяка Телешова. Фед. Карпов и дьяки Сумарок Путятин и Меньшей – 7027 г. сентября 30. Шигона Поджегин и дьяки М. Путятин и Тр. Ильин 7027 г. ноября 1. Они же и Ф. Карпов декабря 12, 18, 23. Они же и Ф. Карпов и дьяк Сумарок 7027 г. ноября 2.

7027 г. сентября 21 – с Максимилиановым посланником Криштопом. Дьяки М. Путятин и Тр. Ильин. Фед. Борисов и Сумарок Путятин. Упом. Юрий – казначей.

7027 г. сентября 24 с человеком магистра прусского Петроком – Федор Карпов, дьяки Сумарок Путятин, М. Путятин и Тр. Ильин.

– Марта 10 с человеком прусского магистра Шимборком – Шигона Поджегин, дьяки М. Путятин и Тр. Ильин. Они же и Юрий Малый – марта 17, 24. Юрий Малый и Шигона – марта 21.

7028 г. января 1 с человеком прусского магистра Мелхером – Шигона Поджегин и дьяки Тр. Ильин и М. Путятин. Шигона и М. Путятин – февраля 26. Бояре Юрий Дм. Малой, Шигона Поджегин и дьяки М. Путятин и Тр. Ильин апреля 24. Они же и Михайло Юрьев апреля 28. Они

же и Григорий Федорович и Мих. Юрьев – мая 6.

– марта 24 Николай Войтехов был у боярина Григория Федоровича. При сем были: Шигона Поджегин и дьяки М. Путятин и Тр. Ильин.

– июня 21 с магистровым человеком Юрием Клингенбеком – бояре Юрий Малый, Шигона Поджегин и дьяки М. Путятин и Тр. Ильин. Они же июня 20 (Юрий Малый называется казначеем). Они же без Шигоны – июля 5.

– июля 23 Ник. Славский был у боярина Григория Федоровича. При сем находились: Шигона Поджегин и дьяки М. Путятин и Тр. Ильин. Они же июля 20.

– Августа 26 с литовскими послами Костевичем и Богушем – Мих. Кр. Захарьича, Шигона Поджегин и дьяки Ив. Телешов, М. Путятин и Тр. Ильин. Они же августа 28, 30. Дьяки – М. Путятин и Тр. Ильин – 7029 г. сент. 1.

7029 г. февраля 10 королевский дворянин Н. Шестаков Ганка был у боярина Григория Федоровича. При сем находились дьяки М. Путятин и Тр. Ильин.

7030 г. с польским человеком Ст. Долгирдовым – дьяки М. Путятин и Тр. Ильин.

7031 г. сентября 2 с литовскими послами Қишкиным, Богушем и Горностаевым Мих. Юр. Захарьича, Шигона Поджегин, дьяки Ив. Телешов, М. Путятин и Тр. Ильин. Они же сентября 6, 7, 9.

– Декабря 14 с турецким послом Скиндерем – Фед. Карпов, Шигона Поджегин и дьяки М. Путятин и Тр. Ильин. Они же января 18, 7032 г. июня (без дьяка Ильина), 7033 г. сент. Фед. Карпов и дьяки М. Путятин и Некрас Харламов – марта 22.

7032 г. мая 26 с человеком короля польского Ст. Долгирдовым – дьяк М. Путятин.

7035 г. октября 21 с папиным по слови бискупом Иваном, цесаревыми послами Л. Комитом и Герберштейном и литовскими послами П. Кишкиным и Богушем кн. Ив. Вас. Шуйский, Мих. Юр. Захарьича, Фед. Ив. Карпов, дьяки Елиз. Ив. Цыплетев, М. Путятин и Тр. Ильин. Они же октября 26, 30 (уп. один Шуйский, но вероятно должно разуместь и остальных).

7036 г. января 1 с литовским послом Ив. Ячмановым дьяки Е. И. Цыплетев, А. Путятин и Тр. Ильин.

7037 г. августа 10 с литовскими послами М. Войтеховым, В. Чижем, А. Матоковым – дьяки Е. Цыплетев, М. Путятин и Т. Ильин. Они же августа 12.

7038 г. декабря 1 с литовским посланником Ив. Боговитиновым – дьяк М. Путятин.

7040 г. декабря 17 с человеком короля польского О. Бокеевым дьяк М. Путятин.

– Марта 21 с литовскими послами Ив. Салегой, М. Войтеховым и П. Шуршевым – Ив. Юрьев Поджегин, Шигона Юр. Поджегин, дьяки Ел. Цыплятев и М. Путятин. Марта 24 – они же.

7042 г. декабря 27 с крымскими гонцами Девлет-Килдеем и Будалы мурзою – Фед. Ив. Карпов и дьяк М. Путятин.

– Декабря 18 литовский посланник Ю. Клинский был у кн. Д. Бельского. При сем находились Михаил Юрьевич, Ив. Юр. Поджегин, дьяки М. Путятин и Фед. Мишури.

– Августа 10 с ногайским послом кн. Кудояром – Фед. Ив. Карпов и дьяки М. Путятин и Фед. Мишури. Они же сентября 19, 24. 7044 г. февраля 21, 23.

7043 г. января 31 с крымским гонцем Тем. Бахию – Фед. Ив. Карпов и дьяки М. Путятин и Фед. Мишури. Они же – 7044 г. апреля 23.

7044 г. января 13 с ногайским гонцом Куртков – Аед. Ив. Карпов и дьяки В. Путятин и Аед. Мишури.

– Февраля 22 Радивилов человек Гайка был у кн. Ив. Фед. Оболенского. При сем находились: Шигона Поджегин, дьяк М. Путятин и Фед. Мишури. (Они же – февраля 27?).

– Мая Радивидов посланец В. Роговский был у кн. Ив. Фед. Оболенского. При сем находились: Шигова Поджегин и дьяки М. Путятин Ф. Мишури. Они же – июня 4.

7045 г. июня 19 с ногайскими гонцами – Фед. Ив. Карпов и дьяк М. Путятин.

– Августа 17 с литовским посланником Никодимом дьяки Е. Цыплятев и М. Путятин. Они же – августа 20.

7046 г. сентября 4 с крымскими гонцами Баимом, Когчем и Оллобердеем – Фед. Ив. Карпов, дьяки М. Путятин и Ф. Мишури.

– Декабря 30 с крымским гонцом Дербыш Алеем – Ф. И. Карпов и дьяки М. Путятин и Ф. Мишури. Они же декабря 12.

7046 г. января 18 с литовскими послами Глебовым, Войтеховым и Венцлавом – боярин Мих. Юр. Захарьича, дворецкий Ив. Юр. Поджегин и дьяки Е. Цыплятев, М. Путятин и Ф. Мишури. Они же января 21, 26, 28, 30; февраля 3, 5, 8, 9, 10, 13, 16, 18.

– С послом кн. Шийдяка – Кудояром. Ф. И. Карпов и дьяк М. Путятин и Ф. Мишури.

7047 г. февраля 15 с крымским послом Дивеем мурзою – казначей Ив. Ив. Третьяков и дьяк М. Путятин.

– Мая 20 с крымским послом Сулешем – окольниковый Ф. И. Карпов и дьяк М. Путятин. Они же 7048 г. октября 17, 18. 20 октября 7048 г. Сулеш был у князя И. В. Шуйского; при сем находились Ф. Карпов и дьяк М. Путятин.

7050 г. марта 9 с литовскими послами Я. Юрьевичем, Н. Теконовским и писарем Николаем – боярин Вас. Гр. Морозов, дворецкий углицкий и калужский Ф. С. Воронцов и дьяки Е. И. Цыплатев, Тр. Мих. Раков и Гр. Захарьин. Они же марта 14, 15, 16, 21.

7057 г. октября 22 с послами кн. Измаила. Тягрибердеем и Урозгилдеем – казначей Фед. Ив. Сукин и дьяк Бакака Митрофанов.

– Ноября 13 с ногайским послом Сары-мирзою – казначей Ф. И. Сукин и дьяк Бакака Митрофанов. Января 2 – казначей Ф. И. Сукин и подьячий Иван Михайлов.

– Января 17 с царем Дервишем и ногайскими послами Сары-мирзою – казначей Ив. Ив. Третьяков и Ф. И. Сукин и подьячий Иван Михайлов.

– Января 22 с литовскими послами Кишкой, Комаевским и Ясмановым – боярин и дворецкий тверской Вас. Мих. Юрьев, дворецкий рязанский П. В. Морозов, дьяки И. Е. Цыплатев, Бакака Митр. Карачаров и подьячий Ив. Мих. Висковатого. Они же января 24, 27, 30; февраля 1, 3, 5, 8, 13.

7059 г. июля 23 с ногайскими послами – боярин Ив. Вас. Шереметев и дьяк Ив. Михайлов.

7061 г. августа 27 с литовским послом боярин и дворецкий Вас. Мих. Юрьев, окольниковый Ив. Мих. Воронцов, казначей Ф. И. Сукин и дьяки Ив. Михайлов и Ишюк Бухарин.

7062 г. сентября 3, 7, 12 с литовскими послами С. Довойным, О. Воловичем и Семашкой боярин Вас. Мих. Юрьев.

7063 г. февраля 5 с литовским посланником Юрьем дьяк Иван Михайлов.

7064 г. января 30 с литовским послом Ст. Збарезским, Я. Шинковичем и писарем Венцлавом боярин Мих. Як. Морозов, боярин Ив. Мих. Воронцов, казначей Ф. И. Сукин и дьяк Иван Михайлов. Они же – февраля 1, 3, 7.

7066 г. июня 24 с литовскими послами Я. Волчковым и Л. Гарабурдой – окольниковый Алексей Фед. Адашев и дьяк Ив. Михайлов.

7067 г. марта 8 с литовскими послами В. Тишкевичем, Н. Шимковым и Я. Гайкой окольниковый А. Ф. Адашев, казначей Ф. И. Сукин и дьяк Иван

Михайлов.

– Апреля 4 с датским послом Клаусом – околничий А. Ф. Адашев и дьяки Ив. Михайлов и Казарин Дубровский.

7069 г. февраля 11 с литовскими послами Шимковым, Гайкой и писарем Володковым слуга князь Мих. Ив. Воротынский, боярин В. М. Юрьев, боярин М. И. Волынский, боярин Ф. И. Сукин, печатник и дьяк И. М. Висковатый и дьяки Ив. Вас. Безсонов и Андрей Васильев.

II. Дьяки посольского приказа

Следующие далее списки дьяков Посольского приказа составлены почти исключительно по документам сего приказа, хранящимся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел; меньшая часть известий заимствована, из других первоисточников. Звездочка обозначает, что в документах имеется точное указание на время назначения или увольнения того или другого лица; если точная дата неизвестна, то ставится раннейшее в первом случае или позднейшее во втором встреченное упоминание о сем

Начальники Посольского приказа (Думные дьяки)

1549 г. января 2 – августа **1562** г. Подьячий, с конца января 1549 г. дьяк, Иван Михайлович **Висковатый**. 9 февраля 1581 г. назначен печатником. В августе 1562 г. выехал в Данию; в ноябре 1563 г. возвратился в Москву. Упоминается 24 июня и 12 июля 1570 г. Казнен в сентябре – ноябре 1570 г. См. выше стр. 23–29.

1562 г. сентябрь – 28 августа **1570** г. Думный дьяк Андрей **Васильев (Игнатъев?)**. Упоминается 24 июня, 12 июля и 28 августа 1570 г. Казнен в 1570 г. См. выше стр. 29–30 и ниже стр. 115.

1570 г. ноябрь – 17 июня **1594** г. Думный дьяк Андрей Яковлевич **Щелкалов**. В грамоте от июня 1587 г. к литовским панам-раде называется «Ближние думы большой дьяк». 30 июня 1594 г. его уже не было в Посольском приказе. См. также выше стр. 30.

1594 г. июня 30 – май **1601** г. Думный дьяк, а с 1595 г. и печатник, Василий Яковлевич **Щелкалов**. Оставил приказ в мае 1601 г.; 20 мая называется только «печатником» (ранее «печатник и посольский дьяк»). Грамоту ему и его сыну Ивану на поместье от 20 сентября 1610 г. см. в Актах Западной России т. IV, стр. 348. С. Выше стр. 30–32 и ниже стр. 115.

1601 г. мая 6 – 8 мая **1605** г. Думный дьяк Афанасий Иванович Власьев. Упом. в мае – июле 1601 г. 6 августа 1601 г. отправлен в Польшу в составе посольства; 30 января 1602 г. возвратился в Москву. В мае 1602 г. отправлен был навстречу датского королевича Ягана (Ганса в Ивангород; возвратился в Москву ок. 18 сентября. В 1603 г. послан был в Данию (верующая грамота от июля 1603 г.; отпущен из Дании 24 января 1604 г.), называется «Ближние наши думы посольской дьяк». Во время его отсутствия приказом заведывал дьяк И. Т. Грамотин (с июля 1603 г. по январь 1604 г.) и думный дьяк (дьяк Новгородского разряда) Григорий Иванович Клобуков (принимает послов 18 февраля, 4, 9 и 25 марта 1604 г.). В документах времени Лжедмитрия называется «новым канцлером» (3 сентября 1604 г.), казначеем и посольским дьяком (8 мая 1605 г.). «подскарбием надворным и секретарем великим» (в июне и 16 августа 1605 г.). В сентябре 1605 года отправлен был Лжедмитрием в Польшу за невестою Мариной Мнишек (называется «казначей нашего двора и дьяк Ближней думы»), при обручении с коей заменял Лжедмитрия. В апреле 1606 г. возвратился в Москву. В 1610 г. король Сигизмунд приказал «диака Аф. Власьева из тюрьмы выпустить и велено ему быть на месте казначеем и думным диаком по прежнему», 1 ноября 1610 г. грамота об отдаче ему

его Московского двора. Казначеем он называется и в начале 1611 г. (январь). Дьяком Казанского дворца он оставался и в 1602 г. (упом. 28 марта, 28 мая, сентябре-ноябре), и в 1903 г. (упом. 9 января и 16 февраля). См. ниже стр. 116.

1605 г. август – 14 февраля **1606 г.** Думный дьяк Иван Тарасьевич (Курбатов) **Грамотин**. Отец его дьяк Курбат Григорьев Грамотин в 1578 г. вместе с Карповым и Головиным послан в Польшу. – Иван Грамотин в 1595 и 1599 гг., будучи подьячим, ездил в составе посольства к цесарю. Заведывал Посольским приказом во время отсутствия Власьева (о деятельности его за это время указания с июля 1603 по январь 1604 г.). 25 июля 1605 г. упом. в Поместном приказе (?). См. выше стр. 35 примечание, 42 ниже. стр. 108–110.

1606 г. июня 8 – март 1611 г. Думный дьяк Василий Григорьевич Телепнев. Подьячий Посольского приказа при царе Борисе в бытность начальником приказа Ив. Грамотина, после назначения дьяком Петра Палицына. 28 августа 1610 г. называется «канцлером», в сентябре вместе с другими ведет переговоры с Гасевским. В конце 1610 г. «сидит в Посольском приказе» (в феврале и марте 1611 г. здесь же думный дьяк). Кроме Посольского был дьяком еще в Поместном приказе (упом. 30 сентября 1609 г. и 4 мая 1610 г.). См. выше стр. 35 примеч.

1610 г. – 29 ноября и **1611 г.** января 20 – сентябрь **1612 г.** Думный Дьяк Иван Тарасьевич **Грамотин**. 27 января 1610 г. приехал в лагерь к королю Сигизмунду. Сперва был в Посольском приказе, а 29 ноября назначен был им в Поместный приказ: «пожаловати есмя печатника нашего и думного Посольского дьяка Ив. Тар. Грамотина, велел ему дати нашего четвертного жалованья, что он имал преж сего, да Ивану указали сидеть в Поместном приказе». Печатником он называется еще в сентябре 1610 г. 20 января 1611 г. кор. Сигизмундом велено быть ему в Посольском приказе, а в Поместном дьяку Ивану Чичерину. В феврале сего года именуется «печатник и думный дьяк». В сентябре 1612 г. послан был в Польшу (называется печатником и думным дьяком) к кор. Сигизмунду, которым и был захвачен в плен. См. Выше стр. 107 и ниже отр. 109–110.

1613 г. июнь – 16 мая **1618 г.** Думный дьяк Петр Алексеевич **Третьяковъ**. Подьячий в Посольском приказе при царе Василие, в бытность начальником приказа думного дьяка Василия Телепнева (уп. 1607 г.; см. выше стр. 35 примеч.) После Ходынской битвы между войсками Шуйского и 2-го самозванца 25 июня 1603 г. Третьяков перебежал в Тушино, где сразу был сделан думным дьяком. В июле в новгородском походе с Тушинскими воеводами против Скопина и

Делагарди. От 12 ноября 1609 г. сохранился лист от имени воевод кн. Г. П. Шаховского (первого тушинского боярина) и Ив. Керновицкого и думного дьяка П. Третьякова. В августе 1610 г. он оставил Тушинского вора и перешел на сторону Московского боярского правительства. 28 августа «литовские люди Ян Сапега с товарищи и русские люди бояре М. Туренин, да кв. М. Долгорукий, да воровские советники кн. Ал. Сицкий, А. Нагой, гр. Сумбулов да дьяк Петр Третьяков и всякие служилые и неслужилые люди вину свою государю королевичу принес». Ему велено было состоять при боярине и воеводе И. М. Салтыкове, посланном от имени патриарха Гермогена и боярского правительства в Новгородскую область в военный поход с целью привести «под государеву высокую руку» Новгород и другие города, которые еще «в воровстве». (7 сентября Салтыков выступил в поход). По распадении 1-го земского ополчения Третьяков оказывается в «воровском» стану кн. Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого, где 20 августа 1611 г. заседает в качестве 2-го думного дьяка вместе с 1-м думным дьяком Ф. Д. Шушериным и дьяком Гер. Мартемьяновым в Поместном приказе. К 1612 г. Тр-ов из стана врагов королевича переходит на сторону его приверженцев в Московскую Думу: на грамотах московских бояр от 25 и 26 января 1612 г. скрепы «думных» дьяков И. И. Чичерина и П. А. Третьякова. По взятии Московского кремля ополчением кн. Пожарского и кн. Трубецкого (22 октября) Тр-ов тотчас же вступил в состав нового правительства, сделавшись дьяком Земского совета: от 15 ноября послана была за скрепой его и другого дьяка Саввы Романчукова грамота временного правительства в Новгород. В июне 1618 г. назначен начальником Посольского приказа или, вероятнее, утвержден в этой должности новым царским правительством. 18 июля 1618 г. «государь пожаловал, велел быти в Думе». Заведывал Устюжской четью (упом. в сентябре – ноябре 1613 г.). В 1616 г. заведует приказом Казанского дворца (уп. 25 июня. В 1615 г. приказ был без думного дьяка; в 1617 г. в заведывании дьяка Ф. Апраксина, в 1618 г. боярина А. К. Сицкого с тем же дьяком). 5 марта 1613 г. вместе с боярином В. И. Шереметевым и другими назначен был на мирный съезд с литовскими послами, но съезд не состоялся. На жалованной несудимой грамоте Вожеверскому монастырю от 18 мая 1618 г. его припись.

1618 г. май – 21 декабря **1626 г.** Думный дьяк Иван Тарасьевич **Грамотин**. 2 мая 1618 г. царь «указал свейское посольское дело ведать и в ответе с бояры быти дьяку Ивану Грамотину и в ответех указал государь писатися ему думным». 28 декабря 1626 г. сослан на Алатарь (Русская история. Библиотека, т. IX, стр. 437–438, 440). В должности Посольского

дьяка упом. в октябре, ноябре и декабре (12, 15 и 17-го) 1626 г. Его скрепа на приходо-расходных книгах Новгородской четверти 125 года (с 5 апреля), 127–129 и 134 годов.

* **1626 г.** декабря 22 – 30 июля **1630 г.** Думный дьяк Ефим Григорьевич **Телепнев**. В октябре 1609 г. Дьяк в Новгороде, послан был в Корелу. В 1613–1614 гг. упоминается на Денежном дворе (21 ноября 1613 г., 1 апреля, 5 июня, 12 августа 1614 г.). В сентябре 1617 г. в царском троицком походе в числе окольных, называется дворянином. «У печатного дела» в 1624 г. 22 декабря 1826 г. «Сказано Ефиму Телепневу в Посольский приказ... в думных дьяцех». 25 декабря «приведен ко кресту по записи». 1 апреля 1630 г. кроме Посольского приказа уп. еще в приказе книжного Печатного дела (Р. И. Б., т. IX, стр. 487–438, 529); в 1630 г. сослан был, а 5 октября 1633 г. вместе с Грамотиным и Луговским велено возвратить его из опалы (был в Пошехонье).

1630 г. сентября 21 – 25 декабря **1631 г.** Думный дьяк Федор Федорович **Лихачев**. Ранее был дьяком Разрядного приказа (упом. 5 июля и 13 августа 1630 г.); в последнем 15 августа 1630 г. думным дьяком состоит Гавренев. Лихачев «сослан за опалу в 140 г.» (Дворцовые Разряды, т. II, стр. 295–296); упом. 30 ноября 1631 г., но в июле 1632 г. его уже нет в боярской комиссии, назначенной к послам «с ответом». См. ниже на сей же странице.

* **1632 г.** октября 1 – 17 апреля **1634 г.** Думный дьяк Иван Кириллович **Грязев**. Ранее был Разрядным подьячим, дьяком в Разряде, а затем в Казанском приказе (уп. здесь в 7135 г. 16 февраля – 7140 гг.). В 1615 г., будучи Разрядных подьячим, ездил гонцем в Англию. В январе 1632 г. выехал с Данию в составе Русского посольства; возвратился 25 августа, а 1 октября назначен думным дьяком в Посольский приказ (Повседневные записки ч. I, 27). Умер в 1634 г. (Дворцовые Разряды, т. II, стр. 293–296) до 18 июня.

* **1634 г.** мая 19 – 19 июля **1635 г.** Думный дьяк Иван Тарасьевич (Курбатов) **Грамотин**. 5 октября 1633 г. велено было взять его из опалы; 3 ноября был у царя у руки. 19 мая 1634 г. назначен в Посольский приказ; 2 июня «царь пожаловал, велел выдать ему печать свою, а писатца ему указал государь: печатник и думный дьяк». В 1635 г. покинул Посольский приказ (27 июля его уже нет), но остался печатником (в сентябре 1635 г. и далее называется только «печатником»); последнее упоминание о нем – 15 декабря 1637 г. Умер в 7147 г. (Р. И. Б., т. IX, стр. 529, 532–533, 558, 559).

1635 г. сентября 21 – 1 сентября **1643 г.** * Думный дьяк Федор Федорович **Лихачев**. Печатник – с 27 Октября 1641 г. 1 сентября 1643 г.

государь «указал быть с своею царскою печатью, а в Посольском приказе быть ему не велено для его болезни» (Дворцовые Разряды, т. II, стр. 483, 505, 510–511). 1 сентября 1644 г. пожалован в «думные дворяне и печатники». Печатником состоит 25 августа 1649 г. См. выше на сей же странице.

* **1643** г. сентября 1 – 27 декабря **1646** г. * Думный дьяк Григорий Васильевич **Львов**. 1 сентября 152 г. Разрядный дьяк «сказывал в Посольский приказ думному дьяку Григорию Львову». 12 ноября 1646 г. – болен, упом. 19 декабря, а «декабря в 27 день 155 г. Посольского думного дьяка Григория Львова не стало» (Р. И. Б., Т. X, стр. 301, 331). В Новгородской чети упом. в марте 1644 г., 13 августа 1645 г., 11 и 26 декабря 1646 г. См. ниже стр. 117.

* **1647** г. января 6–2 июня **1648** г. (убит)*. Думный дьяк Назарий Иванович **Чистого**. Дьяк «на Казенном дворе у Большой Казны» в 139–155 годах (в 155 г. упом. 22 сентября и 20 июля). 6 января 1647 г. пожалован в думные Посольские дьяки.

* **1648** г. июля 4 – апрель **1653** г. (умер). Думный дьяк Михаил Дмитриевич **Волошенинов**. См. ниже стр. 117.

* **1653** г. сентября 28 – 10 марта **1667** г. Думный дьяк Алмаз (Иван) Андреев (?) **Иванов**. Ездил несколько раз в Польшу в составе русского посольства: а) в 1658 г. выехал из Москвы 30 апреля, 7 августа отпущен был королем; б) в 1648 г. выехал 11 мая, отпущен королем 9 октября; в) в 1660 г. выехал 29 января, в июле возвратился; г) в 1662–1663 гг. отправился в феврале, выехал из Смоленска 8 марта 1663 г.; и д) в 1664 г. выехал 29 апреля, возвратился 26 сентября. Во время польских походов царя Алексея Михайловича оставался в Москве. 28 сентября 1674 г. велено ведать Печатный приказ. В 7167 (1658–1659) г. был и «у печати», и «в Печатном приказе». В 7173 (1664–1665) г. был вместе с Ларионом Лопухиным в Казанском приказе, но в том же 173 г. в сем приказе велено быть одному Лопухину, а Иванову в Посольском приказе «по прежнему». В 1666 г. в Печатном приказе. В 1668 г. пожалован в печатники. В Новгородской чети упом. 10 мая 1654 г. Скреплены им приходо-расходные книги Новгородской четверти за 164–166 года. Умер 27 апреля 1669 г. См. ниже стр. 117.

1653–1665 г. Думный дьяк Ларион Дмитриевич **Лопухин** (заведывал посольскими делами во время отсутствия Алмаза Иванова из Москвы; вместе с царем ездил во время Польских походов, назывался думным Посольским дьяком). 20 ноября 1618 г. – жилец. 12 декабря 1633 г. упомин. в числе «дворян, посланных в Стрелецкий приказ к стрельцам в

головы», Ларион Дмитриев Лопухин (21 марта 1634 г. упом. «голова стрелецкий» Л. Д. Л-н). С 155 года (6 июля 1647 г.) упом. дьяком в приказе Казанского дворца по 16 февраля 1671 г. 11 апреля 1651 г. пожалован в думные дьяки и велено «ему сидеть в Казанском дворцы». С апреля 1653 г. встречается в Посольск 0 М приказе. 1 октября 1653 г. отправлен был в Богдану Хмельницкому для принятия его в подданство; возвратился в марте 1654 г. – 18 мая 1654 г. выехал с царем в 1-й Польский поход; возвратился 10 февраля 1655 г. – 11 марта 1655 г. во второй Польский поход (Смоленский). 15 мая 1656 г. в третий Польский поход, из коего возвратился 14 января 1657 г. В январе 1659 г. отправился в Малороссию с кн. А. Н. Трубецким, Думным Посольским дьяком называется с апреля по август 1653 г., в апреле и мае 1655 г., с мая по ноябрь 1658 г., в феврале – июле 1660 г., с февраля 1662 г. по март 1663 г., в июле–сентябре 1664 г. В 1663 г. в Печатном приказе. В 173 г. «в Посольском приказе, в Новгородской чети и в Печатном приказе – думный дьяк Ларион Лопухин; в том же году думный дьяк Алмаз Иванов и Ларион Лопухин в Казанском приказе, и 173 г. в Посольском приказе велено быть думному дьяку Алмазу Иванову по прежнему, а Лариону Лопухину в Казанском приказе». В Новгородской чети упом. в марте и апреле 1660 г., августе 1662 г. и январе 1663 г. Скрепа его в приходо-расходных книгах Новгородской четверти за 162 и 167 годы. В Печатном приказе упом. в 1654 г. (до 28 сентября), 13–17 августа 1662 г.

1667 г. февраля 18 – 21 февраля **1671 г.** * Боярин Афанасий Лаврентьевич **Ордин–Нащокин**. "17 июня 1667 г. царь указал Малороссийского приказа города и всякие дела, Владимирскую и Галицкую чети ведать в Посольском приказе боярину А. Л. Ордину-Нащокину, думным дьякам Герасиму Дохтурову, Лукьяну Голосову, дьяку Ефиму Юрьеву; а дьяку Ивану Михайлову в том приказе не быть» (До 17 июня Малороссийский приказ ведал боярин П. М. Салтыков). 26 мая 1668 г. выехал из Москвы в Курляндию на посольский съезд; возвратился 17 января 1669 г. 22 февраля 1669 г. на Польский посольский съезд; возвратился 17 марта 1670 г. Умер в 1680 г. См. выше стр. 42–44.

* **1671 г.** февраля 22 – 3 июля **1676 г.** * Думный дворянин, впоследствии окольничий (с 30 мая 1672 г.) и боярин (с 8 октября 1674 г.), Артамон Сергеевич **Матвеев**. Голова стрелецкий – 11 апреля 1651 г., 9 октября 1653 г., январь, август и сентябрь 1654 г. и т. д. 22 февраля 1671 г. велено ведать и приказ Полоняничных денег. 1 марта 1671 г. с ним велено быть дьякам Богданову и Поздышеву «и Малороссийского приказа дела ведать же, а сидеть в Посольском приказе». Кроме этих приказов в 1671 г.

он ведал также Новгородскую, Галицкую и Владимирскую чети, а в 1676 г. еще Аптекарский приказ. См. выше стр. 45–46 и ниже стр. 121.

* **1676 г.** июля 4 – 21 декабря **1680 г.** * и * **1681 г.** мая 6 – 15 мая **1682 г.** (убит) *. Думный Дьяк Ларион Иванович **Иванов**. В 1658 и 1660 г. был послан в Польшу гонцем. – С 1663 г. дьяк в Новой чети, в приказах Лифляндских дел (1665–1666 гг.), Большого дворца (1665–1668 гг.), Оружейном (1665–1668 гг.), Стрелецком и Устюжской чети. В Посольском приказе с ним «в товарищах» дьяк Бобинин, Украинцев и Домнин; «и Новгородский и Малороссийский приказы, Владимирскую и Галицкую чети ведать им же». 8 марта 1677 г. царь «указал ведать Новгородский приказ, Владимирскую и Галицкую чети боярину Ив. Мих. Милославскому с товарищами (окольничий И. И. Чириков, думный дьяк Аверкий и дьяк Яков Кирилловы), а Посольский в Малороссийский приказы ведать дьякам думному Лариону Иванову, Вас. Бобинину, Ем. Украинцеву, Петру Долгово по прежнему». С 4 июля 1678 г. в его ведении Владимирская четь, 16 ноября 1679 г. назначен был на Польский посольский съезд; подтверждено было назначение 16 января 1680 г. 15 февраля 1680 г. государь «указал: города, которые ведомы были в приказе Устюжской чети, денежными доходы и всякими росправными делами ведать в Посольском приказе дьякам – думному Лариону Иванову, Василию Бобинину, Емел. Украинцеву, Семену Протопопову». 22 мая 1680 г. царь «указал: приказы Новгородский, Большой Приход, Владимирскую и Галицкую чети судом и всякими росправами и воеводскими отпуски ведать боярину Ив. Мих. Милославскому с товарищи и снести те приказы в одно место, чтобы челобитчикам по тем разных приказам лишние волокиты не было». 7 ноября 1680 г. государь «указал: Владимирскую и Галицкую чети и Новгородский приказ ведать в Посольском приказе». 6 мая 1681 г. Лариону Иванову велено быть в Посольском приказе; упомин. здесь 25 декабря 1681 г., 3 января, 7 и 13 апреля и 1 и 3 мая 1682 г. убит был во время стрелецкого бунта 15 мая 1682 г. В Стрелецком приказе упом. в январе–марте 1670 г., 16 июля 1672 г., 17 февраля 1679 г. В Новгородском приказе упом. в июле 1681 г., феврале–мае 1682 г. В Малороссийском – 17 февраля 1679 г. и в мае 1682 г.

* **1680 г.** декабря 21 – 6 мая **1681 г.** * Ближний боярин Василий Семенович **Волынский**. В 144–166 гг. стольник, в 166–184 г. окольничий, с 184 г. боярин. 3 ноября 1670 г. в Разбойном приказе. Был посылаем: в 1663 и 1666 гг. в Швецию, в 1672 г. в Польшу, в 1675–1676 гг. в Вену. 21 декабря 1680 г. царь «указал: Посольский, Малороссийский, княжества

Смоленского и Новгородский приказы, Устюжскую, Галицкую и Владимирскую чети ведать ближнему боярину и наместнику обдорскому В. С. Волынскому, а с ним думному дьяку Лукьяну Голосову, да прежним дьякам Вас. Бобинину, Ем. Украинцеву, Сем. Протопопову. А думному дьяку Лариону Иванову в Посольском приказе не сидеть». 27 февраля 1681 г. Государь «указал: Посольский, Малороссийский, княжества Смоленского и Новгородский приказы, Устюжскую, Галицкую и Владимирскую чети ведать е боярином В. С. Волынским думному дьяку Ем. Украинцеву». В мая 1681 г. сказано ему на воеводство в вел. Новгород. 10 июля приехал туда и принял город у кн. Хованского. Пробыл здесь по 14 декабря 1681 г. 16 сентября 1682 г. умер.

*** 1682 г.** мая 17 – 6 сентября **1689 г.** * Ближний боярин и наместник новгородский князь Василий Васильевич **Голицын** – «царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегатель» (так титулуется в 1685–1689 гг.). С 10 февраля по 19 июля 1689 г. в крымском походе. Сослан в ссылку 9 сентября 1689 г. Кроме Посольского заведывал приказами: Великие и Малые России, княжества Смоленского, Новгородской, Владимирской, Галицкой и Устюжской четвертями (уп. в 197–198 гг., Малороссийский уп. только 198 г.). См. выше стр. 46–47.

1689 г. сентябрь – 19 апреля **1699 г.** Думный дьяк Емельян Игнатьевич **Украинцев**. Еще 27 февраля 1681 г. велено было ведать Посольский приказ вместе с Волынским Украинцеву, т. е. он сделан как бы вторым начальником приказа; им он оставлен и 17 мая 1682 г. при назначении кн. В. В. Голицына; но с поступлением в приказ кн. А. В. Голицына Украинцев занял третье место здесь. После ссылки кн. Голицыных он является начальником приказа. В 1697–1699 гг. боярину Льву Кириловичу Нарышкину на время пребывания царя Петра за границей и отсутствия из Москвы поручаемы были все иностр. государств дела (заменил царя, начальником приказа оставался Украинцев). 19 апреля 1699 г. назначен посланником в Константинополь, выехал из Москвы 29 июля 1699 г.; называется: «чрезвычайный посланник, думный советник и наместник каргопольский». В Константинополе вместе с проездом пробыл год и 7 месяцев. 5 апреля 1702 г. был уже в Москве; писал: «служил я 42 года в Посольском и иных приказах». В 1707 г. был с кн. В. Л. Долгоруковым при комиссии, а по назначении Долгорукова в Данию Украинцеву велено остаться в Люблине «с характером министра». В июне 1708 г. отправлен из Польши в Венгрию к князю Ракоцию; 12 сентября с. г. в Венгрии умер.

*** 1700 г.** февраля 18 – август **1706 г.** Боярин Федор Алексеевич **Головин**. 18 февраля 1700 г. «Посольский, Малороссийский, княжества

Смоленского, Новгородский, Владимирский, Галицкий и Устюжский приказы велено ведать боярину В. А. Головину, а дьякам в тех приказах быть с ним боярином прежним». Умер в Нежине 2–3 августа 1706 г.

1707 г. января 4 – **1720** г. Граф Гаврило Иванович **Головин**, "верховой комнатной и кавалер», «постельничей и кавалер». 184 г. – стольник царицы Натальи Кирилловны, 194 г. – комнатный стольник царя Петра Алексеевича, 197–200 гг. постельничей царя Петра Алексеевича. 15 сентября 1708 г. царь Петр указал: «по имянному своему великого государя указу государственный Посольский и принадлежащие к нему приказы главным управлением ведать постельничему и кавалеру графу Г. И. Головкину да тайному секретарю П. П. Шафирову, и во всяких указах и памятях из иных приказов писать имя его постельничего и тайного секретаря. Се его великого государя имянной указ состоялся в его царского величества воинском походе при пасе Соболеве». 16 июля 1709 г. велено: «Во всяких своих великого государя и в приказных делех, как в Посольском приказе, так и в принадлежащих к нему и в протчих во всех приказах, постельничего и кавалера графа Г. И. Головкина писать государственным канцлером и кавалером и графом». В Коллегии Иностранных Дел назначен президентом. Умер в январе 1784 г.

Товарищи начальников Посольского приказа (дьяки Сего приказа – не думные)

1559 г. в марте – апреле и в сентябре **1566 г.** принимает участие в посольских делах дьяк (Казенного приказа) Казарин Юрьевич **Дубровский.**

1581 г. февраля 11 – сентябрь **1562 г.** Дьяк Андрей **Васильев (Игнатъев?).** О нем см. выше стр. 29–30 и 106.

1562 г. в июле принимает участие в посольских делах Дьяк **Иван Тимофеевич Клобуков.**

1566 г. в июне – июле принимает участие в посольских делах дьяк Дружина **Володимеров.**

1571 – июнь 1594 гг. Дьяк Василий Яковлевич **Щелкалов.** В 1567 г. 2 февраля выехал в Польшу вместе с Фед. Колычевым и Нагим. 11 июня 1587 г. отправился в Варшаву на сейм вместе с С. В. Годуновым, кн. Ф. М. Троекуровым-Ярославским и думным дьяком Дружиною Петелиным; называется «печатник и дьяк ближний». О нем см. выше стр. 30–32 и 106–107.

1584 г. в январе принимает участие в посольских делах Дьяк Савва (Савелий) **Фролов.** Подьячий Посольского приказа в 1582 г. См. выше стр. 32 и у Лихачева стр. 151–152.

1589 г. февраль – июль **1592 г.** Дьяк Посник Дмитриев **Лодыгин.** См. Н. П. Лихачева «Библиотека и Архив Московских государей в XVI столетии», Спб. 1894 г., стр. 138–139. Скрепа его на приходе-расходных книгах Новгородское четверти 107 года.

1600 г. август (?) – май **1601 г.** Дьяк Афанасий Иванович **Власьев.** При царе Федоре Ивановиче, в бытность начальником Посольского приказа дьяка В. Я. Щелкалова, состоял подьячим сего приказа, и числился первым (старейшим) из них (см. выше стр. 34–35, примечание). Ср. Дополнения к Актам историческим, т. I, стр. 193, 198, 200, 201; упом. 25 ноября 1594, 9 февраля, 6, 16 и 17 марта 1595 г. В феврале 1595 г., будучи послан вместе с М. И. Вельяминовым в Вену, называется уже дьяком. Возвратился в Москву 15 ноября 1595 г. В 1597 г. участвует во встречах австрийского посла и называется также дьяком. Дьяком в Казанском дворце упом. 16 января 1599 г. и 12 октября 1600 г. (12 октября 1600 г. «в Казанском и Мещерском дворце». Был в сем приказе думным дьяком?). 28 июня 1599 г. он вторично отправлен был в Вену, при чем называется «посланником и думным диаком» (думным дьяком называется еще 1

августа 1598 г.); возвратился 29 июля 1600 г., и, вероятно, вскоре после сего назначен вторым посольским дьяком, 23 ноября 1600 г. он входит в состав комиссии, ведущей переговоры с послами, а 17 января 1601 г. называется уже прямо Посольским дьяком. См. выше стр. 107.

1607–1608 гг. Дьяк Андрей **Иванов**. См. т Лихачева стр. 149.

Отъ **1610 г.** марта есть память из Посольского приказа за приписью дьяка марка **Поздеева** (см. Акты Юшкова стр. 807).

1613 г. – 29 июня **1624 г.** Дьяк Савва **Романчуков**. Упоминается в числе подьячих Посольского приказа при царях Федоре, Борисе и Василие (1594–1610 гг.) в бытность начальниками приказа думных дьяков В. Я. Щелкалова (на 8-м месте), А. И. Власьева (на 6-м месте), И. Т. Грамотина и В. Г. Телепнева. В январе-марте 1611 г. упоминается вместе с Ефимом Телепневым «на Денежном дворе» (дьяк). Вторым дьяком Посольского приказа с царствования Михаила при начальнике приказа П. Третьякове (след. после 13 июля 1613 г.?). 22 сентября 1624 г., его уже нет в Посольском приказе. На приходо-расходных книгах Новгородской четверти 129 и 180 гг. его скрепа. Умер в 1624 г.

1624 г. декабрь – 17 марта **1641 г.** Дьяк Максим Григорьевич **Матюшкин**. Подьячим в Посольском приказе с 1618 года, причем занимает первое место (см. выше стр. 35 прим.). Он им состоял по 7182-й год, а «в 133-м году пожалован во дьяки» после смерти Романчукова; подьячим упом. в июле 1624 г., но 24 декабря сего года его нет среди подьячих, след. назначен дьяком в промежуток времени с сентября по декабрь 1624 г. В 145, 147 и 149 гг. дьяк – «в Посольском приказе и Новгородской чети». В 154 и 155 гг. по нем дан крест в Москов. Успенский собор; след. уже умер.

1637 г. декабря 14 – 31 августа **1643 г.*** Дьяк Григорий Васильевич **Львов**. В подьячие Посольского приказа взят в 7124 г. из Казани. При начальнике его приказа Д. А. Третьякове состоит 11-м подьячим, при Грамотине – 6-м. «В 128-м году к прежнему окладу 20 рублям, как он верстан во 124-м году, 5 рублей прибавлено»; в 133-м году марта 3 прибавлено еще 5 рублей. Подьячим упоминается до 28 марта 1635 г., но в апреле сего года его нет среди подьячих. С 11 февраля 1637 г. встречается как дьяк Новгородской чети (19 августа и 30 декабря 1638 г., январь–апрель, сентябрь 1639 г., июль 1642 г.). В Посольском приказе 14–18 декабря 1637 г., 2 мая, 21 сентября и 25 ноября 1638 г., 1639–1940 и след. годах. «В 147 и 149 гг. дьяк в Посольском приказе и Новгородской чети». См. выше стр. 110–111.

* **1643 г.** сентября 20 – май **1644.** Дьяк Михаил Дмитриевич

Волошенинов. «152 года сентября в 20 день указал государь в Посольском приказе быти в товарищах с думным дьяком с Григорьем Львовым дьяку Михаилу Волошенинову, а до тех пор был он в подьячих в Посольском же приказе с думным дьяком с Григорьем Львовым». Взят в Посольский приказ в 143 году и в числе подьячих сего приказа числится уже 1, 17 и 28 марта сего года, и был здесь подьячим до назначения в 1643 году во дьяки. 29 мая 1644 года отправился в Польшу в составе русского посольства; возвратится в ноябре. 27 ноября 1644 г. пожалован в думные дьяки, а с января 1645 г. называется думным Разрядным дьяком. 6 января 1646 г, выехал в Польшу в составе русского посольства; возвратился после 16 апреля. См. выше стр. 111.

1644 г. июня 19 – 23 сентября **1645 г.** Дьяк Степан Борисович **Кудрявцев.** "Во дьяцех» состоял еще в 7137 году. «На Казенном дворе у Большой казны» дьяк в 139–142, 145–147 гг 24 мая 1639 г. послан в Казань; здесь он был по 21 мая 1641 г. 13 августа 1645 г. упом. в Новгородской четверти. В 7154 году умер.

* **1646 г.** января 13 – 28 сентября **1653 г.** * Дьяк Алмаз (Иван) **Иванов.** Дьяк еще в 7148 г. С марта 1640 г. по 1646 г. упом. дьяком – «на Казенном дворе у суда». В декабре 1645 г. его еще не было в Посольском приказе. В марте 1643 г. отправился в Швецию. 24 апреля 1653 г. выехал в составе посольства в Литву; возвратился 25 сентября того же года. 28 сентября 1653 г. назначен думным дьяком в Посольский же приказ. См. выше стр. 111.

* **1649 г.** апреля 1 – декабрь 1653 г. Дьяк Андрей **Немиров.** 10 сентября 1643 г. взят в приказ Большого дворца из Нижнего Новгорода; в сем приказе пробыл только несколько дней и перешел в Посольский приказ, где подьячим был с сентября 1643 г. по март 1649 г. Апреля 1-го «велено быть во дьяцех» (19 июня упом. думный дьяк М. Волошенинов да Андрей Немиров). С июня 1649 г. он встречается дьяком и в Новгородской чети. Дьяком Посольского приказа был еще 28 сентября 1653 г., а 18 декабря сего года послан в Киев с осадными боярами и воеводами; 23 марта – 30 апреля 1654 г. в Киеве, и продолжает числиться дьяком Новгородской чети (март. 1654 г.). С ноября 1659 г. по 1663 г. дьяк в приказе Большого дворца, в 1663 г. упом. в приказе Большой Казны. 31 июля 1665 г. и в следующих годах встречаем его в приказе Казанского дворца (есть указания от 12 сентября 1667 г.). В 159–162 гг. заведывал доходами Новгородской четверти и до 16 мая 1654 г. сбором полоняничных денег.

* **1654 г.** апреля 10 – 31 декабря **1655 г.** Дьяк Иван Петров **Плахидин.**

"Со 142 по 155 г. был на государевых службах на Литовских посольских съездах и в Литве на вечном докончанье с великими послы, а после того в Литве ж с посланники и в гонцах восьмью (145, 150, 151 и 154 гг. в Польшу и Литву с посланники кн. Сем. Шаховским и диаком Гр. Нечаевым и в гонцах 4 раза – в 148 и 149 гг.)». В 148–155 гг. Новгородской чети подьячий. В 155 г. послан в Крым, по возвращении отпущен в Чебоксар с приписью, был здесь полгода. В марте (26-го) 1649 г. «взят в Посольский приказ» и здесь упом. в 1649–1654 гг. В конце 1653 г. «послан был в В. В. Бутурлиным в Запороги к гетману Богдану Хмельницкому и в марте 1654 г. возвратился уже в Москву». «Приехав к Москве, в приказе не сидит, а сидит тое же посылки за книгами за справкою». 10 апреля 1654 г. велено быть «во дьяцех»; упом. дьяком также 10 июля 1654 г. В Посольском приказе заведывал сбором полоняничных денег. Дьяком Новгородской чети называется в мае 1654 г. (2 февраля 1619 г. упом. подьячий Устюжской чети Петр Плакидин. Его отец?).

1654 г. января 28 – 30 апреля 1656 г. (сентябрь 1657 г.?). Дьяк Иван Исаков **Патрекеев**. В 147 году дьяк в Серебряной полате и в Новой четверти (в последней упом. 30 августа – 17 декабря 1689 г. и 1641 г.). 11 октября 1645 г. велено быть в судном Владимирском приказе; здесь он в 155 году и в январе 1648 г. 12 апреля 1642 г. послан был в Данию с М. Проестевым; 27 сентября того же года возвратился. В 159 году дьяк в Казани, откуда переменен вместе с воеводами 2 февраля 1653 г. 26 апреля 1648 г. и в 1651 г. в приказе Большого прихода; в ноябре 1648 г. – сентябре 1649 г. в приказе Сыскных дел, в июне–сентябре 1649 г. послан дьяком в Якутск с Репниным. 23 апреля 1654 г. послан в Брянск с воеводами кн. Трубецким и др. В 1658 г. вместе с другими послан на Польский посольский съезд в Вильну. С 20 сентября 1657 г. по 11 июля 1660 г. упом. в приказе Казанского дворца, с июня 1658 г. по 1662 г. в приказе Большой Казны, с 15 июня 1663 по 18 февраля 1666 г. в Стрелецком приказе. 28 декабря 1653 г. Тимошка Анкидинов показывал: «жил у диака Ивана Патрекеева и сидел в Новой чети в подьячих и был де ему Иван Патрекеев друг большой и оберегатель. И как над Иваном Патрекеевым беда учинилася, и он Тимошка от страху с Москвы сбежал». Ср. ниже стр. 121–122.

1656 г. март – 5 мая 1670 г. * Дьяк Ефим Родионов **Юрьев**. Отец его «лучший» подьячий Родион взят из Новгорода из Разрядного стола в 139 г. в Посольский приказ, где он и числится в последующих годах (последнее упоминание – 25 марта 1635 г. На службе с 125 года). – Ефим Юрьев первоначально был подьячим приказа Большого дворца. В 1637 г. он

вместе с посланником кн. С. Шаховским и дьяком Гр. Нечаевым был в Польше и Литве, в 1644 г. там же с послами кн. А. М. Львовых и др., а в следующем 1645 г. послан был туда гонцем с грамотой (с февраля по апрель). «После тех служб велено быть в Посольском приказе», именно в мае 1645 г., «неволею». Здесь в Посольском приказе он состоял подьячим в 1645–1656 гг. Во второй половине марта 1656 г. он был назначен в состав посольства с кн. Н. И. Одоевским в Вильну, причем ему «велено быть во дьяцех», в конце октября того же года выехал из Вильны. Восемь раз ездил на шведские посольские съезды (1658 г. июня 9 – Январь 1659 г., 1659 г. 23 июня – 23 ноября, 1660 г. января 7 – январь 1661 г., 1661 г. января 13 – 22 июля, 1661 г. октября 1 – 27 июня 1662 г., 1663 г. июня 25 – январь 1664 г., 1665 г. августа 2 – 1 марта 1666 г., 1666 г. 2 июня – 7 ноября). Дьяком Посольского приказа он состоял по март 1670 г: 5 мая сего года ему «отказано от Посольского приказа», «сидеть не указано». С 16 мая с. г. он дьяк Новгородского приказа. Его скрепа на приходо-расходных книгах Посольского приказа 171 и 173 гг., приказа княжества Смоленского 176–178 гг., Новгородской четверти 166 и 179 гг. и полоняничных денег 165–167, 171, 178 и 176 гг. – В 7181 году умер. См. выше стр. 112.

1656 г. ноября 30 – 14 сентября 1666 г. Дьяк Дмитрий **Шубин**. Сперва был подьячим Разрядного приказа (встречены мной упом. с января 1634 г. по май 1649 г.). В 158–160 гг. дьяк во Пскове. 5 октября 1653 г. послан в Новгород собирать с ратными людьми. В январе 1655 г. был в Полоцке, 2 марта 1658 г. послан был с грамотой в Чеусы к полковнику Дорошенку и Нечаю; возвратился в мае. Дьяк в Новгородской четверти уп. с 13 июня 1656 г. по 30 апреля 1667 г. Дьяк в Новгороде с марта 1668 г. по 2 апреля 1669 г. Его скрепа на приходо-расходных книгах полоняничных денег 168–170, 174, 175 гг. и Посольского приказа 169–170 гг. В Печатном приказе упом. в 7189–171, 173, 174 и 176 гг. Был жив еще в 7185 году (дьяк).

1663 г. января 27 – май 1670 г. * Дьяк Лукьян Тимофеевич Голосов. Его отец 22 июля 1634 г. «За крымскую службу и за терпение» пожалован из подьячих в дьяки. 26 августа 1634 г. ему велено быть в Галицкой и Владимирской четях; здесь он и в 145 году. В 149 г. он в Каменном приказе, а 3 декабря послан «в Понизовые города для сыскнова дела». В 1644 (152) г. – 29 января 1646 г. упом. как дьяк Новгородской чети. В мае 1646 г. послан в Астрахань, где умер в 155 году. – Лукьян Голосов дьяком в патриаршем Розряде упом. с 20 июля 1653 г. по март 1658 г. В 1661 г. в Мастерской царицыной палате дьяк. С июня 1667 г. – думный дьяк. В Посольском приказе упом. по 8 мая 1670 г.; 4 июля его уже нет здесь: он дьяк Аптекарского приказа (здесь он 10 сентября 1670 г. и др.). Дьяк в

Новгородской четверти упом. 17 июня 1667 г. Его скрепа на приходо-расходных книгах Посольского приказа 172 г. См. еще ниже, стр. 125 и выше стр. 112.

1667 г. марта 19 – 5 мая **1670 г.** Дьяк Герасим Семенович **Дохтуров.** Его отец – был дьяком в Большом приходе в 140–142 гг. и в Разбойном приказе в 145–149 гг. (дьяк еще в 137 году). – Герасим Дохтуров, будучи дворянином Московским, послан был гонцом: а) в 1645 г. в Англию и б) в 1646 г. в Польшу. В декабре 1649 г. он уже дьяк и в этом звании был посылаем: а) в 1650 г. во Псков по случаю бывшего там бунта, б) в Польшу в 1651 г. гонцем и в 1656 г. на Польский посольский съезд и в) восемь раз на шведские посольские съезды (как и дьяк Ефим Юрьев) в 1658–1666 гг. В 1654 г. он отправился с царем Алексеем Михайловичем в Польский поход. В Посольском приказе встречаем его с марта 1667 г. по май 1670 г. 18–20 августа 1670 г. и в 1671 г. он в Печатном приказе, а с 16 ноября 1670 г. в Поместном приказе (здесь же 25 сентября 1678 г.). Думный дьяк уже в 1716 году.

* **1670 г.** мая 5 – 3 июля **1676 г.** * Дьяк Яков **Поздышев.** В 163 году взят в подьячие Посольского приказа из подьячих Съезжей избы великого Новгорода; 17 марта сего года он был уже в Посольском приказе. 13 июня 1655 г. послан к Курляндскому князю с грамотой. Принимает участие в переговорах с поляками в 1658, 1660, 1661 и 1668 годах. Подьячим Посольского приказа был до самого конца 1667 года (28 декабря); в 176 году он занимает первое место среди старых подьячих. 25 января 1668 г. отправленный в Польшу вместе с Ив. Акинфиевым он называется уже дьяком; 29 мая возвратился. С 17 марта 1669 г. Дьяк Малороссийского приказа, здесь он и после 5 мая 1670 г., когда ему велено быть дьяком в Посольском приказе (11 октября 1671 г.). В Новгородском приказе дьяком упом. с в июня 1671 г. по 23 октября 1671 г. Сперва «рядовой» дьяк, а потом думный(?). Скрепа его на приходо-расходных книгах Галицкой четверти 178 и 180 гг. См. выше стр. 112.

* **1670 г.** июля 20 – 21 февраля **1671 г.** Думный дьяк Дементий Минич **Башмаков.** Дьяк уже в 1654 году, думный в 172 году. 22 февраля 1671 г. велено быть с А. Л. Ординым-Нащокиным в Польше; 2 июля 1671 г. выехал, а 2 сентября 1672 г. отпущен королем. Печатник с сентября 1676 г. Умер 10 сентября 1705 г. О нем см. «Приказ великого государя Тайных дел» И. Я. Гурлянда, Ярославль, 1902 г., стр. 337–339.

* 1670 г. мая 5 – июль. Дьяк Иван Савинович **Горохов.** В 1655 (7?)–1658 гг. дьяк в Астрахани. 2 января 1662 г. дьяк в приказе Калмыцких дел. 10 сентября 1653 г. и 18 июля 1654 г., в 1662 г. с 23 октября, в 1663, 1666 и

1668 по 12 марта дьяк Пушкарского приказа. В 1668–1669 гг. ведет переговоры о торговом трактате с Польшей (28 мая 1668 г. поехал вместе с А. Л. Ординым-Нащокиным; 18 октября выехал из Варшавы) и заключении вечного мира (в Андрусове; выехал в марте 1669 г., возвратился 17 марта 1671 г.). В августе 1670 г. его уже нет в Посольском приказе. В 1677 (1676?) г. с сентября в приказе Новой чети думный дьяк. 14 сентября 1678 г. велено быть в Поместном приказе думным дьяком; здесь был до сентября 1680 г. 8 ноября 1678 г. упом. в большом полку с кн. Черкасским и другими против турок и крымцев.

* **1671 г.** февраля 22 – 29 февраля **1672 г.** Дьяк Иван (Иванов?) **Патрикеев.** 22 февраля 1671 г. «велено быть в Посольском приказе А. С. Матвееву да дьяком Григорью Богданову, Ивану Патрикееву, Якову Поздышеву и приказ Полоняничных дел велено ведать». Упом. В Посольском приказе 1 апреля и 6 июня 1671 г. В 1673–1674 гг. с А. С. Матвеевым – «в Новой Аптеке», дьяк Аптекарского приказа. В сентябре 1677 – июне 1679 г. дьяк в Путивле. В Новгородском приказе с 10 марта 1671 г. до 31 марта 1672 г., а до сего был в Новой чети (уп. уже в 1668 г.). Скрепка его на приходо-расходных книгах Новгородского приказа 179 г. В ноябре 1646 г. и декабре 1664 г. упом. подьячий Иван Патрикеев (в первом случае в приказе Большого дворца). Ср. выше стр. 118–119.

* **1671 г.** февраля 22 – 6 июня **1676 г.** Дьяк Григорий Карпович **Богданов.** Первоначально был подьячим Разрядного приказа (упом. в феврале 1649 г., в 158, 159, 161 гг.). Был послан: а) в 1655 г. гонцем в Австрию, б) в начале 1656 г. гонцем в Курляндию; в) в августе того же 1656 г. в Берлин, причем называется дьяком; г) в 1657 г. в Курляндию, д) в 1659–1660 гг. в Швецию, е) в 1662, 1665–1668 и 1680 гг. в Польшу. Был дьяком в приказе Новой чети (упом. 3 июня 1661 г.), Полоняничных дел с 13 марта по 2 июля 1667 г. и с 2 июля по 16 октября 1668 г., в Малороссийском приказе упом. с 27 апреля 1669 г. по 2 августа 1670 г. 4 декабря 1671 г. уже думный дьяк. В 184 году думный дьяк – «в Посольском, Новгородском и четьях». В Посольском приказе упом. еще 6 июня 1676 г., но 30 августа он в приказе Большого прихода. Дьяк в Киеве (с 30 января 1677 г. по 1679 г.). В 187 г. велено быть в судном Московском приказе; в 189 г. назначен был на Свейский посольский съезд. В мае 1682 г. (в стрелецкий бунт) отправлен в ссылку. Скрепка его на приходо-расходных книгах Галицкой четверти 179 г. См. выше стр. 112.

* **1672 г.** апреля 2 – март **1675 г.** Дьяк Иван **Остафьев (Евстафьев).** В Посольский приказ принят в 159 году, в 160-м году велено быть в «молодых подьячих». Будучи подьячим, ездил на Польские посольские

съезды с князем Н. И. Одоевским в 164 г. в Вильну, в 168 г. в Борисов, в 170 г. в Смоленск и в 172 г. в Красное; в 171 году был послан в Швецию с грамотой. Все время был в Посольском приказе; в 175 году ему велено быть подьячим в Передней палате, т.е. одним из старых подьячих. 2 апреля 1672 г. велено быть в дьяцех в Посольском же приказе. Скрепа его на приходе-расходных книгах Галицкой четверти 181–183 гг. Умер в 185 году.

***1673 г.** августа 27 – Ноябрь **1696 г.** Дьяк Василий Иванович **Бобинин**. В апреле–мае 1655 г. взят в подьячие Посольского приказа из великого Новгорода; 26 августа упом. уже в сем приказе. В 1658–1668 гг. постоянно участвовал в посольствах в Швецию и Свейских посольских съездах (в 166 г. под Ругодивым в Валиэсар, 167–168 гг. Куконаусе и Юрьеве Ливонском, 169 г. меж Юрьева Ливонского и Кольвани в Кардисе, 170 г. в Стокгольме, 171 г. под Ругодивом на Плюсе, 172 г. в Швецию гонцом с грамотой, 173–174 гг. в Новгород с великими послами, в 176 г. с Ординым-Нащокиным в Киеве. В 175 году велено быть в Передней палате, одним из старых подьячих, среди коих в следующем 176 г. занимает третье место. 27 августа 1673 г. пожалован в дьяцы. Дьяком Посольского приказа состоял в последующие годы по ноябрь 1696 г. (не упом.) здесь с июня 1681 г. по март 1682 г.). В марте 1679 г. царь «указал послать его в Швецию с послом, а имя его Васильево писать в Посольском приказе по прежнему»; был послан туда же еще в 1683 году. В Новгородском приказе упом. с 17 августа 1676 г. по 18 февраля 1690 г. Скрепа его на приходе-расходных книгах Владимирской чети 184, 185 г. по 1 марта, 195, 200, 202 гг. Устюжской чети 188–190, 193–196, 198, 202, 203 гг., Новгородского приказа 193, 195, 197, 201, 202 гг., Галицкой чети 182 и 195 гг. (при Малороссийском приказе), Галицкого приказа 200–204 гг.; в 189 г. заведует расходом полоняничных денег. См. выше стр. 112.

*** 1674 г.** декабря 19 – сентябрь **1689 г.** Дьяк Емельян Игнатьевич **Украинцев**. Первоначально был подьячим в приказ Новой четин (5 марта 1667 г. писал, что он в приказе работал 4 года), и в это время был посылаем: а) в 1662–1663 гг. с Ординым-Нащокиным во Львов, б) в 1665 г. с дьяком Богдановым в Варшаву, в) в 1666–1667 гг. с А. П. Ординым-Нащокиным в Андрусово на Польский посольский съезд. По возвращении с последнего велено быть (1 марта 1667 г.) подьячим в Посольском приказе в Середней палате; с 179 года он здесь же старый подьячий. В 1671 г. постал был гонцем в Польшу, в 1672–1673 гг. в Швецию, Данию и Голландию. 19 декабря 1674 г. велено быть во дьяцех. В конце 1676 г. послан в Польшу гонцем. – 27-го ноября 1677 г. вместе с Чаадаевым ездил

в Варшаву; возвратился в мае 1678 г. 27 января 1680 г. вместе с Прончищевым ездил вновь туда; выехал из нее 9 июня. С 27 февраля 1681 г. – думный дьяк. См. выше стр. 113–114.

1676 г. апреля 18 – сентябрь. Дьяк Любим Алферьев **Домнин**. В 1674 г. был постал в Пруссию с стряпчим Алмазовым. Дьяком Новгородского приказа упом. 29 мая, 17 августа и 8 октября 1676 г. 19 ноября 1677 г. уже в Разряде, где и в последующие годы. См. выше стр. 113.

* **1677 г.** февраля 25 – 27 января **1678 г.** Дьяк Петр **Долгово**. В мае 1657 г. из Стрелецкого приказа послан к гетману Гасевскому с Авр. Лопухиным. «Ныне (20 января 1658 г.) взят в Посольский приказ». Посылаем был гонцем и с послам в Польшу в 1661, 1662–1663, 1664–1665 гг. В 173 году состоит третьим старым подьячим в «другой» Передней палате Посольского приказа. С 27 сентября 1669 г. ведает греческие дела. С 179 года – старый подьячий. Умер 16 февраля 1678 года. См. выше стр. 113.

* **1678 г.** апреля 5 – 28 мая **1678 г.** * Дьяк Степан **Полков**. В 1659–1660 гг., будучи подьячим Поместного приказа, ездил для «письма государевых дел» во Флоренцию с Лихачевым и Фоминым. По возвращении из посольства (15 июля 1660 г. поехали из Вологды в Москву) взят был в подьячие Посольского приказа, где встречается уже 8 сентября 1660 г. В 170 году послан был в Черкасские города, в 171–172 гг. «для розменных дел в Смоленск с генералом Дромонтом, где провел 10 месяцев», в 174 г. в Польшу на посольский съезд. В 175 году пожалован в старые подьячие, и занимает второе место в «другой» Передней палате (176 г.). До 27 сентября 1669 г. ведал греческие дела. В 1668 и 1671 гг. послан бы в Польшу гонцем, а в 1674 г. туда же в составе посольства, во главе коего был кн. Одоевский, причем произведен был в дьяки. 18 марта сего года «пожалован дьячьим именем, велено быть на Польском посольском съезде с кн. Одоевским во дьяцех»; возвратился в начале 1675 г. 20 января 1676 г. на Олонце. 8 октября 1677 г. назначен был на Шведский посольский съезд вместе с другим, но съезд этот не состоялся. 28 мая 1678 г. велено «в Посольском приказе ему не быть и имени его с сего числа впредь в Посольском приказе не писать». В 1678 г. в Рейтарском приказе, 16 ноября 1679 г. назначен (был дьяком Земского приказа) на Польский посольский съезд; 16 января 1680 г. назначение это отменено. В мае 1680 г. отправлен был с П. И. Потемкиным в Англию, Испанию и Францию. Умер 12 октября 1681 г. на корабле. Скрепа его на приходо-расходных книгах Галицкой четверти 183 г.

* **1679 г.** мая 19 – 25 мая **1682 г.** Дьяк Семен Михайлович

Протопопов. Сын соборного протопопа. Первоначально был подьячим Новгородского приказа, откуда в апреле – мае 1664 г. взят был в «молодые» подьячие Посольского приказа. В 1667 г. ездил в Польшу с А. Л. Ординым-Нащокиным, в 1672 г. туда же с В. С. Волынским, в 1673 г. туда же гонцем; в 1674 г. гонцом в Саксонию (30 июня – 14 декабря), в ноябре 1675 г. назначен был в Вену, но посылка отменена. С 1675 г. – старый подьячий, а в 1685 году «пожалован дьячьим именем». В 1676 г. гонец в Данию и Швецию (14 февраля – 8 июля). 10 ноября 1678 г. отправился в Польшу и Австрию; возвратился в Москву около 6 октября 1680 г. В январе 1681 г. снова поехал в Польшу; возвратился 11 июля. Дьяком Новгородского приказа упом. 18 декабря 1680 г. и 20 июня 1682 г. Скрепа его на приходе-расходных книгах Володимерской четверти и Новгородского приказа 191 г. См. выше стр. 113.

* **1680 г.** декабря 21 – 27 февраля **1681 г.** * Думный дьяк Лукьян Тимофеевич **Голосов.** Ездил послом в 1674 г. в Польшу, 1676 г. – Швецию, 1678 г. в Польшу, 1679 г. Польшу и Австрию, 1683 г. – Польшу.

1681 г. июля 21 – июль **1708 г.** Дьяк Василий Тимофеевич **Посников.** Сперва был подьячим в Большом приходе. 19 мая 1667 г. посланный в Швецию с И. Г. Леонтьевым называется подьячим уже Посольского приказа. Ему тогда же был «учинен денежный оклад 8 руб. Для того, что послан он к свейскому королю..; а как он будет в Москве, и ему велено быть в подьячих в Посольском приказе». Возвратился в декабре того же года. Гонцем в Польшу ездил 5 раз в 1672–1676 гг., в Австрию раз в 1676 г. С 1683 года – старый подьячий. Дьяк с 1685 года (?). 27 июня 1677 г. дьяка Василия Тимофеева велено писать прозванием Посниковым. (Первоначально дьяком был не в Посольском приказе? Подьячим Посольского приказа называется в сентябре 1676 г.; после сего до 21 июля 1681 г. он не встретился в документах. Посольского приказа. В марте–июле 1680 г. и феврале 1681 г. называется дьяком приказа Казанского дворца. Не был ли он здесь дьяком в 1685–1689 гг.?). 27 ноября 1683 г. отправился с другими на Польский посольский съезд; 13 марта 1684 г. возвратился. 3 марта 1687 г. отправлен в Пруссию, Англию, Голландию и Флоренцию посланником; возвратится 29 июля 1688 г. 18 октября 1689 г. велено «в Посольском приказе с Е. И. Украинцевых быть дьяку В. Посникову, а с прежними дьяками в том приказе сидеть». 3 февраля 1701 г. отправился в Варшаву на сейм; 10 августа возвратился. 17 сентября 1706 г. главный среди дьяков Посольского приказа. Скрепа его на приходе-расходных книгах Устюжской 201 года и Галицкой 205 г. четвертей.

* **1681 г.** мая 6 – 11 января **1690 г.** * Дьяк Прокофий Богданович

Возницын. Первоначально был подьячим в Большом дворце. 4 ноября 1667 г. велено быть в молодых подьячих Посольского приказа. В 1668 г. послан к цесарю и в Венецию гонцем, в марте 1669 г. отправился с Ординым-Нащокиным на Польский посольский съезд, в июле 1671 г. с В. С. Волынским в Польшу, в 1673 г. гонцем туда же, в 1674 г. с кн. Н. И. Одоевским, а в следующем 1675 г. гонцем туда же. С 134 года старый подьячий Посольского приказа. 6 мая 1681 г. пожалован во дьяки и послан в Турцию с Чириковым. По возвращении остался дьяком Посольского приказа. 20 января 1688 г. послан в Варшаву «на резиденцию», причем называется «посланником» (и стольником); возвратился в Москву 20 июня 1689 г. 17 августа сего года велено быть «во дьяцех в Посольском приказе по прежнему». 11 января 1690 г. пожалован в думные дьяки и велено быть в Росправной полате; 23 апреля того же года – в приказе Казанского дворца. 6 декабря 1696 г. назначен в состав «великого посольства», в числе коего находился и царь Петр I. 9 марта 1697 г. посольство выехало из Москвы; 16 марта 1699 г. Возницын выехал из Вены в Москву. 25 сентября 1698 г. велено ведать Аптекарскую палату. 15 июля 1699 г. велено писаться «думным советником» (с этим титулом упом. 22 октября и 1 декабря сего года). Скрепка его на приходе-расходных книгах Володимерской 192 и 198 гг. и Галицкой (при Малороссийском приказе) 192 г. четвертей и Новгородского приказа 192 и 195 гг.

1683 г. ноября 29 – 20 февраля **1711 г.** Дьяк Иван Михайлович **Волков.** "В 174 г. взят он из Пскова из Съезжей избы для письма посольских дел и был с постом А. Л. Ординым-Нащокиным на Польских посольских съездах в Андрусове (1666–1667 гг.); и по совершении посольских съездов за тое ево службу учинен ему оклад 10 рублей и велено быть у записки сбору таможенных пошлин во Пскове в большой таможене. И в 176 г. взят из Пскова в Москве для письма в Посольский приказ (упом. здесь 16 октября 1668 г.), был с А. Л. Ординым Нащокиным в Курляндии и на Польских посольских съездах в Андрусове». 18 октября 167 г. бил челом, чтобы ему велено быть у сбора таможенных пошлин у записки во Пскове в большой таможене по прежнему. Последовало согласие и 30 октября о сем была отправлена память в Новгородский приказ; но из сего приказа грамота в Псков не была послана и Волкову велено было «сидеть в Посольском приказе по прежнему». С 183 года он в Посольском приказе – «старый» подьячий (нет в 184–186 гг.). Дьяком называется уже 29 ноября 1683 г., а 30 августа 1683 г. еще подьячий. В составе русского посольства ездил в 1686–1687 гг. в Варшаву, Венецию и Вену (выехал 24 июня 1686 г., возвратился 6 октября 1687 г.). В 1689–1691 гг. резидент («посланник») в

Варшаве (отправился в марте 1689 г., возвратился в января 1692 г.). По приезде оттуда опять состоит в числе дьяков Посольского приказа. 6 августа 1699 г. отправился в Голландию вместе с назначенным туда, чрезвычайным и полномочным послом А. А. Матвеевым. 24 октября 1701 г. и далее опять в Москве, в числе дьяков Посольского приказа. Скрепа его на приходо-расходных книгах Володимерской 193, 194, 196, 197, 201 и 230 гг., Устюжской 193, 196, 197, 204, 205 гг. и Галицкой (при Малороссийском приказе) 194 г. четвертей и Новгородского приказа 196 и 201 гг.

1687 г. декабрь – октябрь 1702 г. Дьяк Борис Михайлович **Михайлов**. В сентябре 1667 г. взят в Посольский приказ из Малороссийского, в октябре 1668 г. перешел в Новгородскую четь подьячим же, а в конце 1670 г. (упом. 25 декабря) опять в Посольском приказе. С 27 августа 1673 г. – старый подьячий Посольского приказа (упом. по декабрь 1675 г.). В 185 году «пожалован дьячьим именем». С 10 января 1679 г. по 5 сентября 1680 г. дьяк на Устюге Великом. В марте – июле 1681 г. упом. в Новгородском приказе. С 20 июня 1682 г. дьяк на Вятке. В Посольском приказе дьяком встречается только с декабря 1687 года. 23 октября 1688 г. упом. в Новгородском и Посольском приказах. 28 октября 1689 г. велено ему в Посольском приказе «сидеть с прежними дьяками по списку, как он в дьячей чин во 185 году пожалован». 2 августа 1691 г. послан в Варшаву «на резиденцию» – «посланником»; возвратился в Москву 29 мая 1696 г. и опять состоит в числе дьяков Посольского приказа (упом. с января 1697 г. по октябрь 1702 г.), причем в 1701 и 1702 гг. отмечается «в Шлюсенбурхе». Скрепа его на приходо-расходных книгах Устюжской чети 197 г., Владимирской 199, 205 и 207 гг., Галицкой 199, 206 и 207 гг. четвертей и Новгородского приказа 198 и 199 гг.

1687 г. марта 1 – 6 сентября 1689 г. Боярин князь Алексей Васильевич **Голицын**. 9 сентября 1689 г. вместе с отцом сослан в ссылку.

* **1689 г. июня 30 – 13 мая 1695 г.** Дьяк Андрей Андреевич **Виниус**. Отец его Андрей Денисов «выехал из Голландии своею волею в 135 году служить царю». Сын его Андрей Андреевич, «Гостинной сотни торговый человек», взят в Посольский приказ в переводчики голландского языка 20 марта 1664 г., коим он был до конца 1677 г., когда ему «велено было быть во дьяцех» в Аптекарском приказе (30 декабря 1677 г.). В 1672 г. послан был гонцем в Англию, Францию и Испанию; вернулся в 1674 г. В Аптекарском приказе упом. в 1678–1682 (20 марта) г. и 1686–1690 гг. 28 декабря 1681 г. велено «дело бархатного мастера Захария Павлова с мастеровыми ево людьми ведать постельничему А. Т. Лихачеву и дьяку

Андрею Виниусу», 11 ноября 1682 г. – кн. В. Ф. Одоевскому и дьяку Ан. Виниусу, а 26 ноября 1684 г. велено ведать его в Посольском приказе. «У бархатного дела» Виниус и в ноябре 1684 г. Дьяком в Посольском приказе с 30 июня 1689 г. В Новгородском приказе упом. 1 декабря 1691 г. и 29 февраля 1692 г. 18 июня 1693 г. велено, «по ево челобитью, в Посольском приказе сидеть выше дьяков Вас. Посникова и Бориса Михайлова для того, что он Андрей в дьячей чин пожалован из московских дворян, а во дворяне он пожалован в 182 году преж их Васильева и Борисова дьяческого чину за многое время, как они еще были в подьячих, и имя ево Андреево в Посольском приказе в делех ныне и впредь писать выше и Васильева и Борисова имяни под именем дьяка Вас. Бобинина». В Сибирском приказе упом. с июня 1697 г. по 1708 г. В 1698 г. называется «стольник и почтмейстер». Последнее упоминание о нем встречено 14 апреля 1702 г. (думный дьяк). Скрепа его на приходо-расходных книгах Устюжской четверти 199 года.

1691 г. января 20 – январь **1698 г.** Дьяк Алексей Васильевич **Никитин**. 4 марта 1696 г. поехал в Варшаву на резиденцию; возвратился 20 мая 1700 г. Скрепа его на приходора сходных книгах Володимерской чети и Новгородского приказа 200 г.

***1695 г.** марта 24 – май 1699 г. Дьяк Козьма Никитич **Нефимонов**. В 174 году (упом. уже 20 марта 1666 г.) взят «по челобитью» в Посольский приказ в молодые подьячие (называется Куземка Ефимов, Куземка Микитин Ефимов). В марте 1669 г. отправился с А. Л. Ординым-Нащокиным на Польский посольский съезд. В 1675 г. послан гонцем в Польшу; туда же и в Вену в 1686 г., причем называется «Посольской канцелярии секретарем». «Старый» подьячий Посольского приказа с 1682 года. В конце 1695 г. отправлен был к цесарю посланником; возвратился в Москву 11 апреля 1697 года. Скрепа его на приходо-расходных книгах Владимирской четверти 206 года.

***1699 г.** июля 29 – май **1714 г.** Дьяк Михаил Иванович **Родостамов**. 27 июля 1683 г., «велено быть Верхняя типографии подьячему Михаилу Родостамову в Посольском приказе в подьячих». В 1688–1689 гг. был вместе с Возницыным в Польше. 14 сентября 1695 г. состоит уже в числе старых подьячих Посольского приказа. В конце 1698 г. был в Вене, 29 июля 1699 г. пряжаловань в дьяки. В 1700 г. – в воинском походе под шведские города; в 1702 г. в походе с царем у Архангельска. «В 1714 г. постригся в монастыре».

1701 г. в сентябре и октябре упоминается в Посольском приказе дьяк Любим Алферев Домнин. В 1699–1700 гг. в Оружейной Палате. 14 апреля

1702 г. называется думным дьяком. Ср. Выше стр. 123.

1704 г. февраля 16 – **1720 г.**¹⁰⁹ «Секретарь», «тайной секретарь», «подканцлер» Петр Павлович **Шафиров**. 30 августа 1691 г. велено быть в Посольском приказе в переводчиках немецкого языка. В феврале марте 1704 г. впервые встречается с званием «секретаря» и «тайного секретаря» и пишется наряду с дьяками; с октября 1706 г. он выше всех остальных дьяков и пишется на первом месте, 15 июля 1709 г. велено его писать под канцлером. 30 мая 1710 г. пожалован в бароны. 19 мая 1715 г. именуется «государственные подканцлер, тайный советник, барон». При учреждении коллегии Иностранных дел назначен вице-президентом ее и вице-канцлером.

* **1707 г.** апреля 13 – **1720 г.** «Секретарь» и «канцелярии советник» Василий **Степанов**. В Посольском приказе с 201 года. 13 апреля 1707 г. из старых подьячих Посольского приказа назначен секретарем его «и в его великого государя приключаящихся делех и письмах, где надлежит, приписывать тем чином». 20 февраля 1709 г. называется секретарем государственных Посольских дел. 3 января 1717 г. «пожалован в канцелярии советника». При учреждении коллегии оставлен в сей же должности.

* **1708 г.** апрель – **1720 г.** «Секретарь» Петр Васильевич **Курбатов**. В Посольском приказе с 200 года, в апреле 1708 г. назначен секретарем приказа из его старых подьячих. В коллегии Иностранных дел занял должность ассесора приказной экспедиции.

* **1710 г.** июня 10 – **1720 г.** Секретарь Михаил Павлович **Шафиров**. 10 июня 1710 г. пожалован в секретари из переводчиков латинского, немецкого и французского языков в Посольском приказе. В коллегии Иностранных дел занял должность ассесора Приказной экспедиции.

* **1711 г.** июля 12 – **1720 г.** «Секретарь» и «канцелярии советник» Андрей Иванович **Остерман**. В 1708 г. велено быть переводчиком латинского, немецкого, французского и голландского языков в Посольском приказе: 17 февраля назначен ему оклад в 200 руб. 15 февраля 1711 г. просит о чине «секретаря немецких дел». 12 июля с. г. «велено быть Посольской канцелярии в секретарех окроме сиденья в Посольском приказе за судейским столом». В начале 1717 г. называется уже «канцелярии советником». В коллегии Иностранных дел – «тайной канцелярии советник», «тайной советник канцелярии».

Секретарь Григорий **Волков**. В 1704 г. пожалован в переводчики в Посольскую канцелярию. Был секретарем, посольства при дворах Прусском (1707 г. февраль–ноябрь), Датском (1707 г. ноябрь–июнь 1708 г.)

и Польском. По отозвании из Польши пожалован чином секретаря в Посольской канцелярии. 1 июня 1711 г. велено ехать в Париж, где был до 18 октября 1712 г. 1 июня 1713 г. велено быть секретарем Посольского приказа.

Секретарь Михаил **Ларионов**. В Посольском приказе с 188 года. Секретарем называется уже 2 июня 1714 г. В коллегии Иностранных дел занял должность ассесора Приказной экспедиции.

III. Переводчики, подьячие, золотописцы и толмачи Посольского приказа.

Штат Посольского приказа 1689 г.

Выше (стр. 50, 54–55) было сказано о том, что Боярская Дума рассматривала штаты Посольского приказа. Печатаю эти штаты по подлиннику, скрепленному подписями 4-х думных дьяков.

Список государственного Посольского приказу переводчиком, и подьячим, и золотописцом и толмачом с оклады и с поденным кормом

Переводчики

157 рублей, хлеба 50 четьи ржи, овса тоже, поденного корму по 16 алтын по 4 деньги на день – еллинского, греческого, волоского, латинского Николай Спафарий.

По 100 рублей, хлеба по 30-ти четьи ржи, овса тоже, поденного корму по 15 алтын по 2 деньги на день человеку – цесарского латинского, галанского Леонтей Грос; полского, латинского Семен Лаврецкой

93 рубли, поденного по 11 алтын на день – французского, венгерского, полского, и латинского и белорусского Иван Тяшкогорской.

72 рубли, хлеба 25 четьи ржи, овса тоже, поденного по 10 алтын на день – полского и латинского Степан Чижинской.

65 рублей, поденного по алтын на день – цесарского, латинского Юрья Гивнер.

*¹¹⁰ 50 рублей, за поденной корм испомещен – татарского Кутломамет Устокасимов.

50 рублей, поденного по 9 алтын по 4 де – татарского Кучюкай Сакаев.

48 рублей, поденного по 6 алтын по 2 де на день – татарского Сулейман Тонкачов.

48 рублей, поденного по 9 алтын – аглинского Андрей Крефт. У Архангелского города. Великих государей жалованье велено выдать у Архангелского же городу.

По 40 рублей человеку, поденного по 5 алтын на день – греческого Иван Юрьев; поденного по 5 алтын по 4 де(ньги) – калмыцкого Павел Кулвинской; поденного по 3 алтына и по 2 де(ньги) на день человеку –* цесарского Тавияс Меиснер, греческого Федор Костянтинов, немецкого и свеского Илья Гитнер (в Новгороде, а великих государей жалованье даетца в Нове же городе).

39 рублей, поденного по 9 алтын по 4 де(ньги) – турецкого и татарского Петр Татаринов.

По 35 рублей человеку, поденного по десяти алтын на день – Турского, и татарского и арапского Дмитрей Септов; поденного по 5 алтын на день* польского и латинского Стахей Гадзаловской.

*25 рублей, поденного корму по 4 алтына по 2 де(ньги) на день – татарского Тахтаралей Багинин.

23 рубли, поденного по 3 алтына, по 4 де(ньги) на день – татарского же Кадралей Сакаев.

20 рублей, поденного нет – цесарского Тимофей Англер (сбоку: во Пскове).

*15 рублей, поденного по 3 алтына на день – татарского Резеп Баицын.

Всего переводчиком по окладом и за хлеб 1149 рублей с полтиною, да им же поденного корму 1778 рублей 30 алтын 4 де(ньги). Обоего по окладом и поденного корму и за хлеб 2928 рублей 14 алтын. Да в том же числе двум человеком переводчиком 75 четьи ржи, овса тоже, а дают им за тот хлеб денгами по средней цене, по чему в котором году хлеб купят меж Рожества Христова и Крещения.

Подьячие

65 рублей, хлеба 65 чети ржи, овса тоже, праздничных на 7 праздников 41 рубль, – Максим Алексеев.

35 рублей, хлеба 65 чети ржи, овса тоже, праздничных тоже, что и Максиму, – Дмитрей Симоновской.

65 рублей, хлеба 65 чети ржи, овса тоже, праздничных против Максима же, – Кузма Нефимонов.

42 рубли, хлеба 42 чети ржи, овса тоже, праздничных против Козмы, – Михайло Тарасов.

40 рублей, хлеба 40 чети ржи, овса тоже, праздничных тоже, что и Михайлу, – Никита Алексеев.

По 30 рублей, хлеба по 30 чети ржи, овса по тому же, праздничных по 3 рубли с полтиною человеку на праздник, – Алексей Васильев (сбоку: сидит со 185-го году в цесарской земле); * Никифор Венюков (сбоку: со 179-го году).

26 рублей, хлеба 21 чети ржи, овса то же, праздничных против Алексея, – Степан Часовников (сбоку: со 190-го году).

По 24 рубли, хлеба по 24 чети ржи, овса потому же, праздничных против Степана, – Кондрат Никитин (сбоку: со 185-го году); Михайло Ларионов (сбоку: со 189-го году).

23 рубли, хлеба 23 чети ржи, овса тоже, праздничных по 3 рубли с полтиною на праздник – Василей Клобуков (сбоку: со 184-го году).

По 20 рублей, хлеба по 20 чети ржи, овса потому же, праздничных по 3 же рубли с полтиною на праздник человеку, – Никита Максимов (сбоку: со 182-го году), Василий Айтемиров (сбоку: со 193-го году).

До 19 рублей, хлеба по 19 чети ржи, овса потому же, праздничных по 3 рубли с полтиною человеку на праздник, – * Сава Сандырев (сбоку: с 180-го году), Иван Ратков (сбоку: со 182-го году), Михайло Волков (сбоку: со 183-го году).

19 же рублей, хлеба 19 чети ржи, овса тоже, праздничных по 2 рубли по 10 алтын на праздник, – Леонтей Паюсов (сбоку; со 182-го году).

По 18 рублей, хлеба по 18 чети ржи, овса потому же, праздничных по 2 рубли на праздник человеку, – Иван Фаворов (сбоку: со 182-го году), * Василий Торопов (сбоку: со 191-го году).

15 рублей, хлеба 12 чети ржи, овса тоже, праздничных по 2 рубли с полтиною на праздник, Михайло Родостамов (сбоку: со 191-го году).

12 рублей, хлеба 12 чети ржи, овса тоже, праздничных по пол 2 руб. на праздник, – * Григорей Лужецкой (сбоку: со 135-го году).

По 10 рублей, хлеба по 10 чети ржи, овса по тому же, праздничных по 2 рубли на праздник человеку, – Иван Логинов (сбоку: со 185-го году), * Федор Юрьев (сбоку: со 193-го году), Лев Волков (сбоку: со 197-го году), Семен Иванов.

10 же рублей, хлеба 10 чети ржи, овса тоже, праздничных по пол 2 рубли на праздник, – Афонасей Протопопов (сбоку: со 191-го году).

9 рублей, хлеба 9 чети ржи, овса тоже, праздничных по 2 рубли на праздник, – Никифор Иванов (сбоку: со 192-го году).

8 рублей, хлеба 8 чети ржи, овса тоже, праздничных до по 2 рубли на праздник, – Иван Меншой (сбоку: со 191-го году).

7 рублей, хлеба 7 чети ржи, овса тоже, праздничных по полтине на праздник, – * Михайло Кудрявцов.

7 же рублей, хлеба 7 чети ржи, овса тоже, праздничных по пол 2 рубли на праздник, – * Василий Зажарской (сбоку: до 192-го году).

7 же рублей, а хлеба и праздничных не учинено, * Иван Волков (сбоку: со 196-го).

6 рублей, хлеба 6 чети ржи, овса тоже, праздничных по рублю на праздник, – Варфоломей Полков (сбоку: со 193-го году).

До пяти рублей, хлеба по 5 чети ржи, овса тоже, праздничных по рублю на праздник человеку, – Иван Протопопов (сбоку: со 19-го), Афонасей Васильев (сбоку: со 195-го), * Василий Петров (сбоку: со 196-го).

5 же рублей, хлеба 5 чети ряжи, овса тоже, праздничных по пост тине на праздник, – Григорей Слободин (сбоку: со 195-го).

По 4 рубли, хлеба по 4 чети ржи, овса по тому , праздничных по рублю на праздник, –* Никита Захарской (сбоку: со 197-го); * Петр Пиминов, праздничных ему по полтине на праздник (сбоку: со 195-го).

По 3 рубли, хлеба по 3 чети ржи, овса потому же, праздничных по полтине на праздник человеку, –* Прохор Фаворов (сбоку: со 190-го), * Иван Федотов (сбоку: со 198-го).

3 жее рубли, хлеба 3 чети ржи, овса тоже, праздничных по рублю на праздник, – * Алексей Максимов (сбоку: со 197-го).

Всего подъячим по окладу 700 рублей, праздничных 691 рубль 3 алтына 2 де(ньги). Обоего 1897 рублей, 3 алтына, 2 де(ньги). Да хлеба 706 чети ржи, овса тоже; и за хлеб дают денгами, в котором году меж Крещения (-Рождества Христова) и Богоявленьева дни рож и овес купят по средней цене.

Да неверстаные

Алексей Алексеев (сбоку: со 197-го), * Тихон Петров (сбоку: со 197-го), * Иван Никифоров (сбоку: со 197-го), * Федор Черницын, отставлен (сбоку: со 197-го), * Иван Петров (сбоку: со 197-го), Семен Порецкой (сбоку: со 197-го), Володимир Борзой (сбоку: со 196-го), Дмитрий Порецкой (сбоку: со 197-го), * Алексей Лобков (сбоку: со 197-го), Иван Симоновской, * Андрей Никитин (сбоку: со 197-го), Федот Шадровитой (сбоку: со 197-го), Иван Симонов (сбоку: со 197-го). * Василей Репьев (сбоку: со 197-го), * Михайло Кулмаметев (сбоку: со 197-го).

Золотописцы

8 рублей, хлеба 40 чети ржи, овса тоже, поденного корму по 4 алтына на день, праздничных на 6 праздников по 4 рубли на праздник, – Карп Золоторев.

20 рублей, хлеба 15 юфей ржи и овса, поденного по 4 алтына над ень, – * Федор Юрьев.

По 20 же рублей, хлеба по 15 юфтей ржи и овса, поденного по 3 алтына по 2 де(ньги) на день человеку, – Федор Лопов, Матвей Андреев.

20 рублей, поденного корму по 8 алтына по 2 де(ньги) на день, – Иван Лопов.

Всего золотописцом по окладу 130 рублей, поденного корму 195 рублей с полтиною. Да им же хлеба 70 чети ржи, овса тоже, а дают за хлеб денгами же против подъячих. Да в том числе одному золотописцу праздничных 24 рубли. Обоего золотописцом по окладом и кормовых и праздничных денег 349 рублей с полтиною.

Толмачи

36 рублей, 26 алтын, 4 де(ньги), поденного корму по 3 алтына по 2

де(ньги) на день – татарского Полуехт Кучюмов.

35 рублей, поденного корму по 3 алтына по 2 де(ньги) на день, – татарского и нагайского Тарас Иванов.

29 рублей, поденного корму по 3 алтына по 2 де(ньги) на день, – татарского и хивинского Петр Хивинец.

26 рублей, поденного по 3 алтына по 2 де(ньги) на день – татарского и персидского Аврам Павлов.

25 рублей, поденного по 3 алтына по 2 де(ньги) на день, – татарского Василей Козлов.

17 рублей, поденного по 2 алтына на день, – турецкого и татарского Кирило Панфилов.

По 15 рублей человеку, поденного корму по 2 алтына на день, – турецкого, татарского, италийского Андрей Щербинин; поденного по 3 алтына по 2 де(ньги) на день татарского, турецкого и волоцкого Леонтей Посников.

14 рублей, поденного по 10 де(ньги) на день, – татарского * Кузма Издемирев.

14 же рублей, поденного по 3 алтына, по 2 де(ньги) на день, – турецкого и татарского * Иван Никитин.

По 13 рублей человеку, поденного по 8 алтына по 2 де(ньги), – цесарского и галанского Андрей Гемс; поденного по 10 де(нег) на день – греческого Юрья Суханов.

12 Рублев, поденного по 2 алтына по 2 де(ньги) на день, – французского, турецкого, италийского Иван Сидоров.

По 10 рублей человеку, поденного по 10 де(нег) на день, – турецкого, италийского, греческого Данило Леншин; корму по 2 алтына на день – калмыцкого Семен Иванов; корму по 10 де(нег) на день – турецкого, италийского * Афонасей Постригичев.

9 рублей, корму по 10 де(нег) на день, – греческого, италийского, турецкого Дмитрий Петров.

Всего толмачом по окладу 303 рубли 26 алтын 4 де(ньги), кормовых денег 426 рублёв 33 алтына. Обоим по окладом и кормовых денег 780 рублей 26 алтын 2 де(ньги).

Приставом 9-ти человеком по 10 рублей человеку.

Сторожа 4-м человеком по окладу по 7 рублей человеку да праздничных на 7 праздников по полтине человеку.

Всего государственного Посольского приказу переводчиком, и и подьячим, и золотописцом, и толмачом, и приставом и сторожам по окладом и поденного корму и праздничных и за хлеб 5549 рублей 27 алтын,

хлеба 851 чети ржи, овса тоже, соли 145 пуд.

А в прошлых годах в государственном Посолском приказе было переводчиков, и подьячих, и золотонцов, и толмачен:

Во 173-м году при думном дьяке Алмазе Иванове да при дьяке Ефиме Юрьеве – переводчиков: греческого 2 человека, свейского и цесарского и немецкого 3 человека, полского и латинского 3 человека, галанского 1 человек, арапского 1 человек, турецкого и татарского 6 человек; всего 16 человек. А по окладу было: 1-му Василью Баушу 100 рублей, 2-му 85 рублей, 4-м человеком по 45 рублей, а достальным по 35, и по 30, и по 20 и по 15 рублей. Всего по окладом 890 рублей, им же поденного корму 1275 рублей. Обоего по окладом и корму 2165 рублей. – Подьячих: старых человек, средних и молодых 11 человек. А оклады им были: старым – 1-му 8 рублей, 2-му 45 рублей, 3-му 43 рубли, 4-му 36 рублей. 5-му 35 рублей; а достальным по окладом 191 рублей. Всего было настоящего приказного окладу 400 рублей. Да им же давано праздничных сверх окладов на 8 праздников по указным статьям: старым на Господские праздники по 7 рублей, на государские ангелы по 6 и по 5 рублей; средние статья по 4, и по 3 рубли с полтинною, 1 по 3 рубли; молодым по 2, и по 1 рублю, и по полтине. Всего праздничных 454 рубли 26 алтын 4 де(ньги). Обоего по окладу и праздничных 854 рубли 26 алтын 4 де(ньги). – Золотописец Григорей Благушин да ученик ево Федор Лопов; а по окладом, и поденного корму, и праздничных и за хлеб им – обоим 89 рублей. – Толмачей розных языков 41 человек. А оклады им были с придачами за службы: 1-й статье по 30 и по 25 рублей, 2-й по 20 м по 15 рублей, меньшей по 10 и по 8 рублей; да им же даван поденной корм по 5, и по 4, и по 3 алтына по 2 де(ньги), и по 2 алтына, и по 10 денег и по 8 денег человеку. Итого по окладом 492 рубли, корму 480 рублей; обоего им по окладу и поденного корму было 972 рубли. – Всего в 173-м году переводчиком, и подьячим, и золотописцом и толмачом всяких дачь 4080 рублей 26 алтын 4 де(ньги).

Во 178-м году при боярине Афонасье Лаврентьевиче Ордине Нащокине с товарищи; переводчиков розных языков 19 человек, по окладу им давано 900 рублей, поденного корму 1583 рублей в 6 алтын 4 де(ньги); обоего по окладом и поденного корму 2489 рублей 6 алтын де(ньги). Подьячих: старых 5 человек, средние статьи и молодых 17 человек. А оклады им были: 1-му 60 рублей, 2-му и 3-му по 50 рублей, 4-му и 5-му по 35 рублей человеку; а достальным розверстан был настоящей оклад, да сверх настоящего окладу в переходе давано по 19 рублей. Им же праздничных по указным статьям на 7 праздников 390 рублей. Обоего

праздничных и по окладу 809 рублей. Золотописцов 3 человека. Оклады им: 1-му 35 рублей, двум по 15 рублей человеку, итого 65 рублей, да праздничного и за хлеб и поденного корму 87 рублей; всего им по окладом и праздничных и доденного корму 152 рубли. Толмачей розных языков 35 человек, по окладом им 553 рубли, поденного корму 267 рублей; всего по окладу и корму 820 рублей. – Всего во 178 году переводчиком, и подьячим, и золотописцом и толмачом по укладом и праздничных и поденного корму 4270 рублей 6 алтын 4 де(ньги). И перед 173-м годом прибыло: переводчиков 3 человека, денег их в окладе и в корму 324 рубли 6 алтын 4 де(ньги); подьячих прибыло 6 человек, а денег убыло праздничных 45 рублей, для того что в том году благоверного государя царевича не стало; золотописцов прибыл один человек, а денег 63 рубли; толмачей убыло 6 человек, а денег 152 рубли. Всего всем чинам прибыло 190 рублей 6 алтын 4 де(ньги).

Во 180-м году при боярине Артемене Сергеевиче Матвееве с товарищи: переводчиков розных языков 22 человека, по окладом им за хлеб 969 рублей 26 алтын, поденного корму 1579 рублей 25 алтын 4 де(ньги); обоего по окладу корму 2549 рублей с полтиною. И перед 173-м годом прибыло переводчиков 6 человек, денег по окладу и корму 884 рубли с полтиною. – Подьячих: старых 5 человек, средней статьи и молодых 21 человек. И в том же во 180-м году по указу в. г. ц. И в. к. Алексея Михайловича., в. в. и м. и б. Р. с., при сиденье боярина Артемона Сергеевича Матвеева прибавлено государственного Посолского приказу подьячим для их скудости и за их работу к настоящему окладу к 400 рублям 149 рублей, и учинен оклад и с прежним 549 рублей, хлеба 549 чети, ржи, овса тоже, соли 107 пуд. И ис того числа учинено старым 4-м человеком: 1-му 65 рублей, 2-му 60 рублей, двум по 50 рублей человеку; а достальной весь оклад роздан был средней статьи и молодым подьячим, которых было 21 человек. Да им же праздничных на 8 праздников по указу 552 рубли. Всего по окладу и праздничных 1101 рубль, да за хлеб и за соль по настоящей цене 230 рублей 13 алтын 2 де(ньги). Обоего 1831 рубль 13 алтын 2 де(ньги). И перед 173-м годом прибыло подьячих 10 человек, а денег в даче 476 рублей 20 алтын. – А золотописцы были те же и с тем же жалованьем, что во 178-м году. Толмачей розных языков 30 человек, а жалованья давано им толко по окладом, итого 331 рубль; а поденной корму у тех толмачей отнять и со 180-го году по 198 году толмачом поденного корму не давано. И против прошлого 173-го году убыло 11 человек, а денег из окладу и кормовых 641 рубль. – Всего во 180-м году переводчиком, и подьячим, и золотописцом и толмачом всяких дачь 4363 рубли 30 алтын. И

перед 173-годом прибыло в даче всем чином денег 283 рубли 3 алтына 2 де(ньги).

А со 185-го по 191–1 год при сиденье думного дьяка Лариона Иванова переводчиков, и старых и середне статьи и молодых подьячих, и золотописцов и толмачей было тоже число; а жалованье по окладом и праздничные денги и за хлеб давано тоже, как учинено в прошлом во 180-м году. А со 191-го году по нынешней по 198-й год в государственном Посолском приказе всяких чинов переводчиков: еллино-греческого и латинского 1 человек, греческого же 2 человека, цесарского, французского, аглинского, галанского, латинского и полского и свейского 10 человек, турского, и татарского и арапского 8 человек, калмыцкого и мунгалского 1 человек, всего 22 человека; великих государей жалованья в даче им по окладом и за хлеб 1262 рубли, да поденного корму 1668 рублей 14 алтын, обоего 2025 рублей 14 алтын. И против 173-го году в лишке переводчиков 6 человек, а денег кормовых и по окладу и за хлеб в даче 763 рубли 14 алтын. – Подьячих: старых 5 человек, средние статьи и молодых с оклады 34 человека, неверстных 14 человек; всего старых и молодых 53 человека, А великих государей жалованья подьячим по окладу нынешнему, как даетца, 706 рублей, да за хлеб и за соль 294 рубли; и в том числе настоящего, как учинено во 180-м году и за хлеб и за соль, 779 рублей, а сверх того указного настоящего окладу в приказ вместо окладу же в даче в переходе 157 рублей, да за хлеб и за переходную соль 64 рубли. Праздничных старыми средней статьи и молодым 691 рубль. Всего подьячим по окладом и за хлеб и праздничного 1691 рубль. И против 173-го году прибыло подьячих 37 человек, а денег в даче 838 рублеве 5 алтын 4 де(ньги); а против 180-го году подьячих 27 человек, денег в даче 350 рублей 20 алтын. – Золотописцов 5 человек, и в том числе Карп Золотарев, а по окладу и корму и праздничных ему на год 138 рублей 20 алтын; Федор Юрьев, а в даче по окладу и корму ему на год 68 рублей 26 алтын 4 де(ньги); Федору Попову, Матвею Андрееву, Ивану Лопову по окладом и за хлеб и поденного корму по 64 рубли с полтиною человеку. А всем вопче по окладом и за хлеб 400 рублей 30 алтын. И против 173-го году прибыло золотописцов 3 человека, денег в даче прибыло же 311 рубашев 30 алтын. – Толмачей розных языков 17 человек, а по окладом и поденного корму им 730 рублей. И против 173-го году толмачей убыло 24 человека, а денег 242 рубли; а против 180-го году убыло толмачей 13 человек, а денег прибыло 399 рублей, для того что тогда им корму не давано.

Всего ныне переводчиком, и подьячим, и золотописцом и толмачом по окладом и праздничных и за хлеб и поденного корму 5750 рублей 10

алтын 4 де(ньги). И перед 173-м годом прибыло в даче 1869 рублей 17 алтын 2 де(ньги), а перед 180-м годом в даче же прибыло всем чинами 1386 рублей 14 алтын. А на 7 лет против 178-го году всяких чинов людей передачи 11586 рублей 16 алтын 4 де(ньги), а против 180-го году 9802 рубли.

И в нынешнем во 198-м году по указу великих г. ц. и в. к. Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, в. в. и м. и б. Р. с., и до розбору думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова с товарищи доведетца в государственном Посолском приказе быть: переводчиком на Москве и в порубежных городех 15 человеком, по окладом им 950 рублей, поденного корму 1500 рублей 6 алтын 4 де(ньги), да хлеба 135 чети ржи, овса тоже, а денгами за хлеб 54 рубли; всего по окладу и корму и за хлеб 2504 рубли 6 алтын 4 де(ньги). Их 197-го году убыло переводчиков, в человек, а денег по окладу и кормовых 478 рублей 7 алтын 2 де(ньги). – Подьячим быть: старым 5 человеком, средним и молодым 17 человеком верстаным, всего 22 ч(еловеком); по окладом им 508 рублей, им же праздничных 458 рублей 26 алтын 4 де(ньги), да за хлеб 202 рубли 13 алтын 2 де(ньги). Всего по окладом и праздничного и за хлеб 1169 рублей 6 алтын 4 де(ньги). И убыло подьячих верстаных и неверстаных 26 человек, а денег по окладу и праздничных и за хлеб 480 рублей 20 алтын; подьячим же из вышеписанных убылых ведено быть у переписки 10 человеком, а жалованья им по окладу и праздничного и за хлеб 286 рублей. – Золотописцом быть 8-м человеком, а жалованья им по окладом и поденного корму и за хлеб 181 рубль 16 алтын 4 де(ньги). А убыло золотописцов 2 человека, а денег 195 рублей с полтиною. – Толмачом быть велено 13 человеком; а жалованья им по окладом 256 рублей 26 алтын 4 де(ньги), поденного корму 375 рублей 11 алтын 4 де(ньги), обоего толмачом по окладу и поденного корму 632 рубли 5 алтын. И убыло толмачей 4 человека, а денег по окладу и кормовых 99 рублей. – Всего переводчиком, и подьячим, и золотописцом и толмачом быть велено 53-м человеком, а жалованья им по окладом и праздничных и за хлеб и поденного корму 4486 рублей 23 алтына 2 де(ньги). И по нынешнему вышеписанному розбору убыло всех чинов 38 человек. А жалованья по окладу и праздничных денег и поденного корму против прошлого 197-го году в недодаче будет 1264 рубли 10 алтын 4 де(ньги); а против 173-го году в переходе 405 рублей 30 алтын, а против 178-го году 216 рублей 23 алтына 2 де(ньги), а против 180-го году 123 рубли 23 алтына 2 де(ньги). – Справил Козма Нефимонов.

198-го октября в 31 день. Великие г. ц. и в. к. Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, в. в. и м. и б. Р. с., слушав докладные выписки, что в прошлых

годех каких чинов в государственном Посолском приказе у их государственных дел было, указали по имянному своему великих государей указу и бояре приговорили: в государственном Посольском приказе у своих государственных дел быти впредь с сего времени всяких чинов людем по розбору: переводчиком на Москве и с теми, которые живут в порубежных городех, 15 человеком, подьячим старым и средние статьи и молодым с оклады 25 человеком, золотописцом 3 человеком, толмачем 15 человеком. А имянно переводчиком розных языков: Николаю Спофари, Леонтью Гросу, Семену Лаврецкому, Ивану Тяшкогорскому, Степану Чижинскому, Юрью Гивнеру, Кучюкою Сакаеву, Андрею Крефту, Дмитрею Сеитову, Сулейману Тонкачеву, Кадралею Сакаеву, Павлу Кулвинскому, Федору Костянтинову, Петру Татаринovu, Илье Гитнеру; подьячим: старым – Максиму Алексееву, Дмитрею Симоновскому, Козме Нефимонову, Михайлу Тарасову, Никите Алексееву; да средние статьи: Никифору Венюкову, Степану Часовникову, Кондрату Никитину, Михайлу Родионову, Василью Клобукову, Никите Максимову, Василью Айтемиреву, Ивану Ратькову, Михайлу Волкову, Леонтью Парсову, Ивану Фаворову, Михайлу Родостамову, Ивану Логинову; да молодым: Афонке Протопопову, Никите Иванову, Ивашке Меншому, Варфоломейку Полкову, Афонке Васильеву, Ивашке Гарасимову, Сенке Иванову; да неверстаным для учения приказного и признавания дел: Сенке да Митке Порецким, Алешке Алексееву, Ивашке Симоновскому, Андрюшке Никитину; – золотописцом: Матвею Андрееву, Федору да Ивану Лоповым; толмачом: Полуехту Кучюмову, Тарасу Иванову, Петру Хивинцу, Авраму Павлову, Василью Козлову, Кирилу Памфилову, Андрею Щербинину, Леонтью Посникову, Андрею Геиньсу, Юрью Суханову, Ивану Сидорову, Ивану Никитину, Афонасью Постригичеву, Данилу Леншину, Семену Иванову. А своего великих государей жалованья впредь давать им по окладом их и поденного корму и праздничного и за хлеб, как им оклады и всякая дача учинена, и давана по нынешней 198-й год. А государственного Посольского приказу подьяческому денежному и хлебному окладу праздничным и соли быти тому, как учинено по имянному же указу отца их великих государей блаженные памяти в. г. ц. и в. к. Алексея Михаловича, в. в. и м. и б. Р. с., в прошлом во 180-м году по докладной выписке, за пометою думного дьяка Григорья Богданова; а за хлеб указных статей их давать им денгами по настоящей торговой средней цене по справке с приказом Болшие Казны, как в котором году учнут хлеб покупать меж Рожества и Крещения. А сверх того валового подьяческого настоящего приказного окладу подьячим придачь никому не давать; а кому за какую

службу или за приказную работу придача к окладу учинена будет, а убылого окладу не будет, и тем тех придачь ожидать из убылого окладу. А переводчиком и золотописцом и толмачом по окладом и за хлеб и поденной корм вышеписанному числу давать по их же окладом. А сверх того числа в те чины иных вновь не принимать, а принимать тогда, когда будут убылые тех чинов места.

По склейкам подписи:

Думный диак Василей Семенов (5 раз).

Думный диак Емельян Украинцов (5 раз).

Думный диак Протасей Никифоров (4 раза).

Думный диак Гаврило Деревнин (4 раза.).

Дела о Посольском приказе (из Приказных дел старых лет): 7198/1689 окт. 31. Два имянные списка Посольскаго приказу переводчикам, подьячим, золотописцам и толмачам с оклады и с поденным кормом.

Сказки переводчиков Посольского приказа о количестве поместий и вотчин за ними. 1696 г.

Вследствие присланной 17 ноября 1696 г. из Розряда в Посольский приказ запроса о жалованье переводчикам и о количестве поместий и вотчин за ними, переводчиками Посольского приказа поданы были следующие сказки:

1. Переводчик Николай Спафарий сказал: в прошлых де годах, как были на Москве святейшие вселенские патриархи, просил их блаженныя памяти великий г. ц. и в. к. Алексей Михайлович, в. в. и м. и б. Р. с., чтоб они прислали к нему, великому государю, человека православныя греческия веры и ученого, а наипаче искуснаго розным языком. И они святешие патриархи, по прошению ево великаго государя, прислали ево Николая з грамотою к нему великому государю; и великий государь тогда ево Николая указал принять милостиво, и к руке пожалован, и написан он по московскому списку во дворяня. А ево великаго государя жалованья, по прошению святейших патриархов и для породы и учения ево, учинен новичной оклад денежной годового 100 рублей, поместного 500 четвертей, да поденного корму по полтине на день; и тот поденной корм берет он, Николай, с того году и поныне по полтине на день, а никакой прибавки за многие ево службы к корму ево не учинено. А к годовому денежному окладу во 182-м году при нем же блаженныя памяти великом государе учинена прибавка 20 рублей денег, да 50 кюфтей хлеба, да 10 пуд соли за сложение ево многих книг на словенском языке и за иные многие посолские и приказные дела. Да он же Николай по указу великаго государя был посылан в Китайское государство посланником, и ездил три года, и привез ему великому государю предивный камень мал; и за ту ево службу и за иные многие же посолские и приказные работы по розным временам учинена ему прибавка к годовому же ево окладу. И всего ему Николаю денежного годового окладу и с прибавками ныне есть 157 рублей. А без службы и работы или за какие посылки им переводчикам к годовому окладу и к поденному корму никакие прибавки не чинится. А в прошлых же годах по имянному великаго государя указу дано им Николаю с товарищи трем человеком по месту в Вологоцком и Ярославском уездах до 20 дворов крестьянских без вычету из их годового и кормового жалованья для того, что они у ево государева дела старее, ученнее, и искуснее и радетелнее иных; а и с того числа переводчика Леонтья Гроса не стало, а после ево остались два сына, и с того поместья отца их служат

ему великому государю. Да и для того даны им те поместья, что они переводчики никуда на воеводство не отпускаются, и из чину в чин, как дворяня или подьячие, не переменяются, а обязаны всегда ево Великого государя в Посолском приказе нужными делами день и ночь безвыходно. И то вышепомянутое поместье дано им переводчиком, и по смерти их впредь для владательства женам их и детям. А окроме того есть у него ж Николая купленная сыновьям своим вотчина в Переставле Залеском 11 дворов, да в Темникове один двор бобыльской; и за то поместье поспевают у него Николая ему великому государю два сына в службу. А иных ни крестьянских, ни бобыльских дворов, ни лавочных мест, ни иных каких вотчин за ним Николаем нет, и дворового места и на дворовое строение ничего ему Николаю ево великого государя жалованья против ево братьи не дано ж; а покупал и строился после двух пожарных разореней, одолжась великими долгами сам. А служит он Николай с приезде своего первый меж переводчиками. А в прошлом 203-м году был он Николай на ево великого государя службе под Азовым с ево братьи переводчики четвермя человеки. Да и в прошлом 204-м году так же были ево братья четыре человека переводчики на службе в Азове ж. И никакая служба, ни посолство без них переводчиков не живет. А всего их на Москве и на службах поместных и безпоместных 15 человек; а напередь сего было в Посолском приказе переводчиков болши 30 человек. Николай Спафарий руку приложил.

2. Переводчик Семен Лаврецьки сказал: в прошлом во 169-м году по указу блаженные памяти в. г. ц. и в. к. Алексея Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., велено ему Семену быть в Посольском приказе у переводе польских и латинских писем в переводчиках; а великого государя жалованья новичного корму поденного учинено ему по 8 алтына по 2 денги на день, годового окладу по 20 рублей на год. И в том же году в приезд цесарских послов к Москве объявилась в цесарской, на немецком языке к великому государю писанной, грамоте великого государя в титле прописка в «пресветлейшом и вельможном». И на улику им послам сыскали бывший переводчик Василий Боуш и он Семен писанные к прежним великим государем российским на латинском языке две двух цесарей Максимилиана и Фердинанда грамоты с полным титлом «пресветлейшему и вельможнейшему, и по тому обличению они послы з бояры в ответех учали великого государя титло полное; а по их же к цесарю доношению учал и цесарь к великому государю писать грамоты на латинском языке с полным великого государя именованием и титлом, и доньне пишет. И за то тех грамот обречение и сыск пожаловал великий государь Василья

Боуша и его Сеньку, по имянному своему государеву указу, велел Василью свое великого государя жалованье сверх корму и окладу учинить хлеб окладно по 100 четвертен ржи и овса, а ему Семену по 60 четвертей на год; и за тот хлеб ему Семену велено давать денгами по 20 по 4 рубли по 20 по 5 алтын на год. И во 170-м году он же Семен послан с великими и полномочными послы на съезды посольские да с великими ж и полномочными послы в Полу; и после того он же з Гаским митрополитом писал и переводил три года книги ответные на богохульные статьи раскольника бывшего попа Никитки Пустосвята, и за те вышеписанные дальние розные посылки и за тригодовое сверх приказной работы сидение чинены ему в розных годах розные х корму и окладу прибавки. А в приезд к Москве польских великих и полномочных с подтверждением первого перемирья и для договору недоговоренных статей послов был он же в пересылке и у справки подтвержденной грамоты; и за те пересылки к польским послам и за верную работу прибавлено по 3 алтына по 2 денги на день да к окладу 15 рублей. Он же послан с столником с Иваном Акинфовым к польскому королю Яну Казимеру в Польшу, и сызново после здачи королевства того же короля Яна Казимера в некоролевствования великого государя з грамотою додержательною перемирье к арцыбискупу Гнезнинскому и к паном-раде коронным и литовским послан в гонцах. Во 180-м году с великими и полномочными же послы к польскому королю Михайлу для справки подтвержденной грамоты ездил он же. А во 181-м году послан к бывшему гетману к Ивану Самойлову, а от гетмана в Киев к боярину князю Юрию Петровичю Трубецкому да к архимандриту Гизелю, для тайного тогда дела в пересылках к Дорошенку о приклонении его Дорошенкове под высокодержавную его великого государя руку; и за те службы прибавлено корму по гривне на день к окладу старому 15 рублей. Во 182-м году послан в Польшу же к резиденту к столнику к Василью Тяпкину в смерть короля Михайла, по писму к великому государю гетмана великого литовского Михайла Паца и иных сенаторей велено Василью Тяпкину и ему Семену говорить арцыбискупу и паном-раде в избрании великого государя на королевство польское, быть бы ему великому государю королем польским и царем московским. И как по сильной набивке на корону учинился королем польским гетман коронной Ян Собеский, и ему Семену со всем того дела поведением велено быть к Москве. И за ту службу по именному великого государя указу пожалован он Семен по московскому списку. После того со многими государевыми великикими и полномочными послы для справок докончальных грамот у польских королей и у цесаря бывал же, а в приездах польских великих

послов к Москве безотступно работывал радетельно и все з до кончальных перемирных польских грамот и с нынешнего вечного мира с поляки постановления переводы за его Семеновою рукою. И за те многие службы били челом великому государю Николай Спафарий, покойной Леонтей Грос и он Сенка: работают они переводчики многие лета, и хотя б который милости государской и дослужиться могл, и из того чина перемены не бывает; а в Иноземском приказе на меньших чинов досуживаются до вышних и до полковничества. Да и розрядные кормовые дворяне послужа временно переменяются чинами из жития по степенем и до столничества, и отпускаются на воеводства, и там налаживают себе и женам и детям всякое довольство кроме чести воеводской; да и подьяческой чин быв в молодых переменяются в средние, а из середних в старые подьячие, а из старых за свои приказные работы получают государскую милость, чин дячества, радуются и веселятся в государской милости с женами и детьми. А они переводчики перемены чина не сподобляются; а как случитца кому умереть, женам и детям их корму не дают. И по тому их челобитью великий государь указал их изпоместить. И по помете на докладной выписке думного дьяка Василья Григорьевича Семенова велено им троим дать по 20 дворов человеку без вычету, чтоб женам и детям по миру не скитаться и было бы с чем детем великого государя служба служить; как ныне покойного отца своего Леонтия Гроса долею дети его владеют, а у него Семена сын его служить великому государю тет с 15 и в крымском походе и на посольствах и в прошлом 204-м году на службе великого государя под Азовом был без корму против своей братии. И ныне ему Семену за те все вышеписанные многих лет службы, и частые посылки, и за переводы книжные и за приказную работу государева жалованья поденного корму по 15 алтын на день, годового окладу с розными придачами 100 рублей, за хлеб деньгами по 20 по 4 руб. и по 20 по 5 алтын на год даются во вся годы. Да у него же государева жалованья в Ярославле и на Вологде 20 дворов крестьянских и бобыльских со всякими угоды без вычету, и те все от недороду хлебного розбрелись врознь. Да у него же на Черни выменной земли 150 четвертей, ныне построен боярской двор, а в нем живет деловой человек Емелька с женою и з детьми, да для скудости хлебной и недороду переехали ныне ярославские крестьяне три человека, а тегло и всякие государевы подати платят в Ярославль. Да у него же в Коломенском уезде выменной же земли 20 четвертей с осминою, построен двор помещиков, и перевезены из Ярославля же для скудости хлебной 2 человека кресьян, а государево тягло и подати платят в Ярославль; да во дворе живет для береженья хоромного строения и для

лесу человек мой дворовой. То моя скаска. А скаску писал я Семен Лаврецки своею рукою.

3. Переводчик Иван Тяжкогорской сказал: по указу блаженные памяти в. г. ц. и в. к. Алексия Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., во 179-м году взят я в государственной Посолской приказ в переводчики и пожалован по московскому списку, а великого государя годового жалованья денежной оклад мне учинен 85 рублей да поденного корму по 10 алтын на день. И во 195-м году был я на службе великих государей в первом крымском походе, и за тое службу прибавлено мне к годовому денежному жалованью 8 рублей, к поденному по 6 денег на день. А крестьянских и бобыльских дворов за мною никаких нет. А есть купленные пустоши в Волоцком уезде, и на тех пустошах построен у меня двор и живут там мои дворовые люди. Да менял я московских стрелцов с полуполковником с Ываном Небальцыным полюбовно поместными землями: я Иван Ташкогорской ему променил в Волоцком уезде в Колпском стану в пустоши Плешкове от осмины, а он Иван Небалцын против того променил мне в Резанском уезде в Каменском стану деревне Чювики, Давыдовскую тоже, з деревнями и с пустоши. И те деревни и пустоши за мною не справлены и не отказаны. То моя и скаска. К сей скаске государственного Посолского приказу перевотчик Иван Тяжкогорский руку приложил.

4. 205-го ноября в 4 день государственного Посолского приказу переводчик Сулейман мурза Сагеев сын Тонкачеев сказал: служу я великому государю в Посолском приказе татарского языка в переводчиках со 183-го году, и учнено было мне великого государя жалованья новичной поденной корм по 3 алтына по 2 деньги на день, годового денежного жалованья 20 рублей. И был я на службах великого государя в прошлых во 184-м году в полку боярина и воевод князя Григорья Григорьевича Рамодановскаго под Чигириным, как Дорошенко великому государю приклонился; а в 186-м году был я в полку у него же боярина князя Григорья Григорьевича под Чигирным же, как Чигирин турские люди выняли во 187-м году был я под Киевым в полку боярина и воеводы князя Михайла Алегуковича Черкасского; а в 188-м году как полк ево боярина князя Михайла Алегуковича велено и с под Киева распустить, и з дороги из Севска послан был я с посланником с столником с Ываном Сухотиным для переводу же татарского писма да с Васильем Тяпкиным в Крым. И за тое крымскую службу учинено мне великого государя жалованья к поденному моему корму к 3 алтынам к 2 денгам по 6 денег на день, а к годовому денежному окладу 5 рублей за приказную работу по 3 рубли на год. А во 189-м году был я в Цареграде з дьяком с Прокофьем

Возницыным; и за тое цареградцкую службу придачи учинено мне к поденному корму по 6 же денег на день, к годовому складу по 12 рублей на год. А во 195-м п во 197-м годех был я в обеих крымских походах, и за первую службу крымского походу учинено мне придачи к поденному корму по 6 же денег на день, к годовому окладу 8 рублей; а за крымской другой поход да за два азовские походы к поденному моему корму и к годовому денежному окладу придачи мне ничево не учинено. А в тех во всех вышеписанных походах бы я с приезде и до отпуску. Всего поденного корму с придачами идет мне ныне по 6 алтын по 2 денги на день, годового денежного жалованья по 40 по 8 рублей на год. А великого же государя жалованья поместья за мною старинное выслуженое деда и отца моего в Касимовском и в Кадомском и в Свяжском уездех после смерти отца моего по розделу з братьями моим и мой жеребей досталось по отказным книгам 195-го году крестьянских 13 дворов; да в тех же отказных книгах за мною написано и отказано беглых крестьян 2 двора; а четвертные пашни за мною отказано в тех же городех 187 четвертей с третником и с пол-пол-четвериком в поле, а в двух по тому же. То моя и скаска. К сей скаске Сулейман мурза Тонкочеев руку приложил.

5. Переводчик калмыцкого и мунгалского и тангутцкого письма Павел Иванов сын Кульвинский сказал: служил я Павел по указу великих государей отцу ево государеву блаженные памяти в. г. ц. и в. к. Алексею Михайловичю, в. в. и м. и б. Р. с., и брату ево государеву блаженные же памяти в. г. ц. и в. к. Феодору Алексеевичю, в. в. и м. и б. Р. с., и ему, великому государю, в Сибирских городех – в Томском, и в Тобольску по городу во дворянех с своею братьею шляхтою лет з 20 и бодши; а их великого государя жалования оклад мне годовой был учинен денежной и хлебной и соленой против моей братьи иноземцов. И по их великих государей указу и по грамотам в прошлые в розные годы из Сибири и с Томска посылан был я Павел на их государьские службы в дальние и безкорыстные посылки дважды посланником для их государьских дел к черным калмыкам Бонгохты хана к брату ево к Сенге тайше Контайчину да к Чокору Убаши тайши с товарищи; и на тех их государьских службах и в дальних и безкорыстных посылках в тех иноверных землях жил я за их государьским делом и за отпуском многое время, болши трех лет, и живучия всякую нужду и бедность терпел и скверность всякую принимал, и в тех посылках дальних и безкорыстных мне учинилось оброну 150 рублей. Да я же Павел посылан был на их же государьскую дальнюю службу посланником в Киргискую землю (для) их государьских надобных дел к киргиским князцам к Еренаку Ишееву с товарищи для

шертоприводства и ясаку; и Божию милостию и их государьских щастием киргиских князцов и улусных их людей к шерти привел, и ясак на великих государей весь сполная с них взял, и аманатов они в Томской город дали, и тут ясак в Томском городе в казну великого государя и аманатов на аманатцкой двор отдал. И в той дальней их великого государя службе и в безкорыстной посылке жил я недель с 30 и болши, а оброну мне в той безкорыстной и дальней посылке учинилося 50 рублей. Да по их же государьскому указу послан был я из Тобольска на их государьскую службу вниз по Иртышу реке до Самаровского яму и вниз по великой реке Обе в Кодцкие городки в ясашные волости для переписки вновь ясашных захребетных людей, которые были в ызбылях и всякими звериными промыслы на себя промышляли, а в казну великого государя ясаку с себя не платили, и я Павел в тех в Кодцких городках и в ясашных волостях вновь приискал недорослей и захребетников ясашных людей 423 человека, летами по 40, и по 35-ти, и по 30-ти, и по 25, и по 20 по 18 лет, и ясаку с них в первый платеж в казну великого государя на 185-й год взял; а что ясаку с тех захребетных ясашных людей в первой збор взято, и то писано в ясашных приемных книгах. Да я же Павел в тех же ясашных волостях сверх тех захребетных ясашных людей вновь приискал недорослей 660 человек летам по 14, и по 15, и по 16 и по 17 лет; а хто имяны и какими летами, и то все писано подлинно порознь по волостям и по городкам в переписных книгах. А те переписные и приемные книги за рукою моею поданы в Тобольску в приказной полате боярину и воеводе Петру Васильевич Болшому-Шереметеву. А во 187-м году по именному государьскому указу взят я ис Сибирского приказу в Посольской приказ для переводов Калмытцких и Мунгальских писем в переводчики; а великого государя жалования годовой оклад новичной учин мне 20 рублей, да корму по гривне на день. И во 189-м году по их великого государя указу провожал я с Москвы до Тобольска черных калмык Бошохты хана и тайшей Арептара тайши с товарищи посланцов их калмытцких Баенбека с товарищи, и в Тобольску великого государя посланное жалование и грамоты и посланцов калытцких в приказной полате боярину и воеводе Алексею Семеновичю Шепну с товарищи отдал все в целости. А из Тобольска по их великого государя указу и по грамоте и по московской подорожной велено мне, взяв женишку свою и детишек, из Сибири ехать к Москве; и от Тобольска до Москвы по городам и по ямам ямщики мне по той московской подорожной по указу без прогонов подвод нигде не давали, а в подорожной написано, велено мне подводы давать без прогонов, и они ямщики подвод мне без прогонов не давали, учинились

государьскому указу ослушны. И я подводы нанимал собою, и прогоны давал свои, занимаючи у сторонних людей деньги в кабалу. И в том проезде из Сибири до Москвы училось мне в подводах в прогонах и в наймах убытков 80 рублей, и тех прогонных денег на Москве ис Посольского и из Ямского приказов мне не выдано и по се время. А во 190-м году в смутное время за Встретенскими вороты в Земляном городе купленной мой дворишко пушкари отняли и разорили без остатку, и с того времени и по се число з женишкою своею и з детишками волочюсь меж двор по чюжим углам, а за из оброку живу хоромишки своими на церковной земли, а великого государя жалования опального двора и на дворовое хоромное строение денег из казны мне против моей братьи переводчиков не дано. А со 192-го году в Розряде пожалован я по указу великого государя по московскому списку во дворяне против своей братьи кормовщиков по корму. И во 193-м и во 191-м годах по указу государьскому и по наряду был я на его великого государя службе в полку околничего и воеводы Ивана Юрьевича Леонтьева с товарищи в Цареве-Борисове и на Изюме с своею братьею кормовщика. И по указу великого государя околничей Иван Юрьевич Леонтьев посылал меня на ево государьскую службу с небольшими ратными людьми от Рая городка до соляного Тору, и от Тору до Черной долины, и от Черной долины до Черкасского городка, а от Черского городка, до Теплинского лесу, и Теплинской лесу, и от Теплинского лесу до Каменки речки вновь построенной вал и ров и крепости всякие и насыпи и в городех всякое городовое строение измерять и описать. И против наказа я Павел то все измерял и описал и на Черной долине мало чють от азовских татар в полоне не взят был; и те описные книги и доезд за рукою я Павел подал в шатре околничему и воеводе Ивану Юрьевичю Леонтьеву с товарищи. А во 197 году за те мои многие вышписанные службишки и за кровь и за раны и за великое мое разорение з приказу Казанского дворца по их государеву именному указу пожалован я, отпущен был покормитца на воеводство Астраханского розряду на Красной Яр, даны мне наказ и грамота подорожная до Сибирска. И по их же государьскому Именному указу ис Посольского приказу по памяти взят я из Иноземского приказу в Посольский приказ, а в Посольском приказе велено мне Павлу быть по прежнему в переводчиках; и от того задержания в воеводства в подъеме и в харчах разбрался я без остатку. А великого государя жалования поместейца в прошлых годах мне дано против моей братьи кормовщиков в Вологодцком уезде палтора дворишка, да в Суздальском уезде в Верхнем Ландехе крестьянских и бобыльских 5 дворишков, да в том же Суздальском

уезде дано мне полтретья дворишка крестьянских после вора изменника Ивашка Малеева; только мне дача учинено, а я тем помещицом не владею многие годы, потому что в споре, а владеет тем всем помещицом моим и дачею столнике Василей Михайлов сын Карташев, и с тех крестьянишок моих он Василей мочью своею берет всякие подати, и в том владенье у меня на него Василья Карташова в Поместном приказе челобитье, а указу никакова о том не учинено. Да, в то же Суздальском уезде променил мне поместья своего Дмитрий Никифоров сын княж Девлечеров 2 дворишка крестьянские, да в том же уезде заложил мне и просрочит двор крестьянской Сава Дмитриев сын Грек. А с тех моих вышеписанных крестьян и бобылей в казну великого государя поворотные рублевые и полтинные и полуполтинные денги берут по указу по всякой год и подводы с проводниками, и всякие подати и стрелецкой хлеб, и всякие ямские и полоняничные денги. И то великого государя жалование поместные крестьянишки и бобыли от хлебного недороду и от великих тяжелых податей и поборов разорились без остатку, а иные и розбрелись в мир кормятца Христовым именем. А в Посольском приказе во 197-м году великого государя жалование оклад мне учинен 40 рублей годового, а поденной корм тот же, что был мне в-Ыноземском приказе, по две гривны на день. А кроме того великого государя жалования в дачи помещица и вотчин купленных в-ыных городех нет. А в Посольском приказе, и Казанского дворца, и в Сибирском и в-Ыных приказах указу великого государя работа и перевожу всякие калмыцкие и мунгальские ево государьские дела лет с 15, и на многих государьских службах против ево государьских неприятелей бывал и бился с нами, не щедя головы свое, и на тех боях я ранен тяжелыми ранами в голову, и в руку и в ногу. А что не на тех ево великого государя службах и в дальних и безкорыстных посылках учинилося оброну и убытков, и тех убытков и оброну из его великого государя казны против моей брать мне не выдано ничего. А со 197-го году и по нынешней 205-й год прибавки денежного и хлебного и соленого жалования против моей братьи переводчиков вновь не ничего не учинено. То моя и скаска. К сей скаске Павел Кульвинский руку приложил.

6. Государьственного Посольского приказу переводчик Кодралей Сакаев сказал: служил я Кодралей братьем его великого государя блаженные памяти в. г. ц. и в. к. Феодору Алексеевич, Иоанну Алексеевичю, в. в. и м. и б. Р. с., и ныне ему, великому государю, служу и работаю в Посольском приказе в переводчиках со всяким прилежанием. И в прошлом во 187-м году, как посылан был в Персиду к шахову величеству дядя мой родной Кучюка Сакаев с послы и с посланником Степаном

Чирковым да з дьяком с Ываном Казариным, и в то число на дороге волею Божию соколника Игнатъя Болшого не стало, а на ево место в соколниках велено быть мне Кодралею; и я того сокола доvez до шахова величества в целости, и как приехал и с Персиду во 190-м году пожалован я Кодралей в государственной Посольской приказ в переводчики и учинено мне его великого государя жалованья новичной оклад 15 рублей да поденного корму по 2 алтына на день. А как я Кодралтей был послан в Крым с послы и с посланники с Ываном Политовым сыном Протопоповым, и за ту крымскую службу учинено мне придачи к годовому окладу 5 рублей, да за приказную работу к окладу же 3 рубли, да к поденному корму 10 денег на день; и всего годовому окладу 23 рубли да поденного корму 3 алтына 4 денги на день. А после тех служб работаю я в государственном Посольском приказе в переводчиках. А крестьян после смерти дяди моего дано мне Кодралею один двор да помесной земли полторы четверти; а окроме того у меня Кодралея нет нигде ни единой четверти. То мая и скаска. К сей скаске Кадралей Сакаев руку приложил.

7. Государственного Посольского приказу переводчик Резепка Абдул сын Байцын сказал: дед мой Биляль Безиргенов... Байцын служил и работал у многих их великих государей государственных дел в государственном в Посольском приказе в перевотчиках деду ево государеву блаженные памяти в. г. ц. и в. к. Михайлу Федоровичю всеа России и отцу ево великого государя блаженные памяти в. г. ц. и в. к. Алексею Михайловичю, в. в. и м. и б. Р. с., и был посылан на их великого государя службу в Крым трижды с посланники с Прокофьем Воейковым, да з Дорофеем Остафьевым, да з Григорьем Нероновым; и в Крыму будучи у государева дела, всякую нужду и голод терпел, и в чеи и в железах сидел, и живот свой мучил, и ему, великому государю, радел со всяким тыщанием, и крымского хана Селем Гереея к шерти привел и шертную грамоту с их великого государя польным именованием взял. Да он же, дед мой, быт на их великого государя службе в Цареграде с послаником с Яков... Дашьковым да с Матфеем Сомовым, да он же дед мой послан был на их великих государей с службу в Персиду с посланником з думным дворянином и намесником Звенигородцким со князем Савельем Ивановичем Козловским да з Дьяком Иваном Зиновьевым; и будучи на тех их великих государей многих службах, служили и радели верою и правдою. А отец мой Абдул служил и работал в государственном Посольском приказе в перевотчиках со 162-го году отцу его великого государя блаженные памяти в. г. ц. и в. к. Алексею Михайловичю, в. в. и м. и б. Р. с., и брату его великого государя блаженные памяти в. г. ц. и в. к.

Феодору Алексеевичю, в. в. и м. и б. Р. с., многие годы, и был многожды на их великих государей службах и в розных посылках. И в прошлом же во 162-м году послан был отец мой Абдул великого государя перед Смоленским походом в Крым к царю их калге и к нурадину великого государя з грамотами. Да во 164-м году он же отец мой Абдул был великого государя в походе под Вилнею у посольских дел. Да отец же мой Абдул послан был на их великого государя службу с послы и с посланники и сам собою был в Крыму пятью. Да он же отец мой Абдул послан был с Москвы на их великих государей службу для призывания калмыков к боярину ко князю Григорью Сунчальевичю Черкасскому да к боярину же ко князю Григорью Григорьевичю Рамодановскому с товарищи. Да он же отец мой послан был на их великих государей службу в Калмыки в Бельгород з дьяком Иваном Гороховым. Да он же отец мой послан был во 175-году на их великого государя службу в Царьгород с послы и с посланники с Офонасьем Нестеровым с товарищи. Також посланы были и в иных во многих розных посылках и в службах. И будучи в тех службах работали и служили вам, великим государем, верою и правдою безо всякого пороку, и за те свои многие службы и приказные непрестанные работы и частые посылки пожалованы были вашим великих государей жалованьем годовыми денежными оклады и поденными месячными кормами. И в прошлом во 178-м году пожаловал отец его великого государя блаженные памяти в. г. ц. и в. к. Алексей Михайлович, в. в. и м. и б. Р. с., по имянному своему великого государя указу никому ни в пример и не в образеци отца моего Абдула своим великого государя жалованьем за многую ево верную службу и за приказную многую работу и зачастую ево посылку за поденной ево корм на год по 15 рублей выморочным мурзинским помесейцом в Касимовском уезде в деревне Левкове 75 четверте с осминою со всеми угоды, да крестьянских и бобыльских пустыми и з беглыми по разделу досталос 17 дворов; да отцу же моему дано в Саранском уезде на степной стороне из дикого поля 200 четвертей со всеми угоды. И после смерти отца моего те вышеписанные поместья справлены за мною Резепком. Да за мною Резепом променные земли пустые в Темниковском и в Касимовском уездех в розных урочицах 30 четвертей с осминою со всеми угоды. А я Резепко пожалован во 195-м году в государственной Посольской приказ в переводчики и работаю в государственном в Посольском приказе в переводчиках непрестанно со всякими прилежанием верою и правдою, и от вас великих государей многие листы золотом писал к шахову величеству, да и всякие переводы переводил с своими братьями; и за те мои многие работишки учинено мне

ево великого государя жалованье с придачами годовой оклад 25 рублей да поденного корму по 5 алтын на день. То моя и скаска. К сей скаске Резеп Байцын руку приложил.

Подьячие Посольского и подчиненных ему приказов в 1699 году

Лета 7208-го октября в 28-й день. По указу в. г. ц. и в. к. Петра Алексеевича, в. в. и м. и б. Р. с., думному дьяку Емельяну Игнатьевичю Украинцову с товарищи. Великий г. ц. и в. к. Петр Алексеевич, в. в. и м. и б. Р. с., указал: прислать в Розряд к боярину к Тихону Никитичю Стрешневу с товарищи Посолского, и Великия, и Малыя, и Новгородцкого, и княжества Смоленского, и Володимерского, и Галицкого и Устюжского приказов список подьячим старым и средней статьи и молодым с помесными и з денежными оклады и неверстаных, так же и приставом и сторожам з денежными же оклады. И по указу в. г. ц. и в. к. Петра Алексеевича, в. в. и м. б. Р. с., думному дьяку Емельяну Игнатьевичю Украинцову с товарищи учинить о том по указу великого государя. Дьяк Федор Замятнин. Справил Федка Астафьев. – Помета: выписать тотчас.

Государственного Посолского приказу.

Подьячим денежные оклады: старым: по 65 рублей – Максим Алексеев, Михайло Волков; 55 рублей – Иван Губин; по 50 рублей – Михайло Ларионов, Анисим Щукин, Лаврентей Протопопов; 30 рублей – Александр Симонов. Средние статьи и молодым: 31 рублев. – Степан Часовников; 25 рублей – Семен Иванов; 23 рубли – Яков Возницын; по 21 рублю – Никифор Иванов, Аверкей Леонтьев; по 20 рублей: Иван Ратков, Лев Волков, Федор Ключарев; 18 рублей Иван Фаворов; по 15 рублей: Сергей Ляпунов, Василей Степанов; по 10 рублей: Никита Максимов, Илья Сивцов, Никита Нефимонов, Дмитрий Сертаков, Лука Мозолевской, Михайло Аврамов, Петр Пасынков, Андрей Еремеев; 8 рублей – Кирило Ковыршин; 7 рублей – Борис Карцов, 6 рублей – Варфоломей Полков; по 5 рублей – Иван Аврамов, Иван Небогатой. Неверстаные: Петр Гневьшев, Федор Протопопов.

Приставы: по 6 рублей – Степан Буйнов, Тимофей Непряхин; по 5 рублей: Иван Башмаков, Андрей Башмаков; по 4 рубли: Павел Григорьев, Михайло Володимеров, Неверстаные: Илья Колпев, Илья Щоголев, Дмитрий Талицкой, Гаврило Свежинской, Герасим Москалев.

Сторожи: оклады по 7 рублей – Антипко Степанов, Степко Ермолаев, Серешко Федоров, Ивашко Анкиндинов.

Справила Иван Губин.

Список приказу Малыя России старым и средние статьи и молодым подьячим с оклады.

Старые: Петр Курбатов, оклад ему 50 рублей; по 30 рублей – Внифантей Парвеньев, Иван Петров. Средней статьи и молодые: 24 рубли – Алексей Меншиков, по 20 рублей: Федот Рогов, Григорей Юдин; по 19 рублей: Афонасей Инехов, Осип Гаврилов; 10 рублей – Илья Никифоров, 15 рублей – Иван Юрьев, по 14 рублей – Алексе Еремеев, Василей Мячковской; по 13 рублей: Кондрат Федоров, Андрей Никитин; по 12 рублей; Степан Фролов, Василей Богданов; по 10 рублей: Федор Борисов, Иван Инехов, Тимофей Хохлов; по 7 рублей: Андрет Павлов, Иван Чередеев, Матвей Ключарев; 6 рублей – Борис Баутин, 5 рублей – Иван Нестеров; да неверстаной Алексей Шокуров. Да Малороссийского двора подъячей Афонасей Боящев, оклад ему 10 рублей.

По 7 рублей сторожи: Ивашка Федоров, Тимошка Иванов, Сенка Анкидинов, Васка Дементьев.

Справил Ивашко Петров

Список приказу Великия Росии и подячим и что им великого государя денежные оклады:

30 рублеве – старой Борис Алексеев; молодые: 15 рублей – Василей Жадаев, 10 рублей – Михайло Второв, 7 рублей, – Фадей Богданов. – Справил Бориско Алексеев.

Новгородского приказу подъячие з денежными оклады:

Старые: 15 рублей – Иван Исаков, 14 рублей – Григорей Шибает, 10 рублей – Иван Столбицкой; неверстаной – Степан Волков. Молодые: 10 рублей – Алексей Иванов, 9 рублей с полтиною – Дементей Трескин, 7 рублей – Анисим Васильев, 4 рубли – Филимон Фомин, 3 рубли – Степан Брехов, по полтора рубли: Макар Орлов, Андрей Иевлев; неверстаные: Иван да Алексей Ивановы, Федор Трунев, Лука Кирилов, Григорей Греков.

Володимерского приказу подъячие з денежными же оклады:

37 рублей – Семен Никитин, молодые: 10 рублей – Григорей Конаев, 6 рублей – Ларион Добрынин, 4 рубли – Яков Лазарев.

Галицкого приказу подъячие з денежными же оклады:

30 рублей – Андрей Иванов, 10 рублей – Степан Ветлицкой.

Устюжского приказу подъячие з денежными же оклады:

Старые 33 рубли – Василей Табунцов, 22 рубли – Василей Протопопов, 17 рублей – Тимофей Осипов. Средние статьи и молодые: 12 рублей – Степан Турченинов, по 11 рублей – Василей Булатников, Иван Гордеев; 8 рублей – Данило Протопопов, 6 рублей – Петр Иванов, по 5 рублей: Иван Ветлицкой, Лука Межаев; 2 рубли – Михайло Истомино; неверстаные: Борис Меншов, Леонтей Попов.

Новгородского, Володимерского, Галицкого приказов сторожи: Сенка

Андреев, Оса Иванова, Ивашко Степанов, Самошка Григорьев; оклады им по 5 рублей человеку.

Справил Семен Никитин.

Список приказу княжества Смоленского старым и молодым подьячим с пометными и з денежными оклады:

Старые: Григорью Суровцов – помесного 300 четьи, денежного 26 рублей; Ивану Грамотину – 38 рублей (сбоку: с послом в Цареграде); Григорью Богданову – 26 рублей; Тимофею Шишляеву, помесного 300 четьи, денежного 21 рубль с полтиною. Молодые: Михайлу Беликову 13 рублей; Леонтию Березину 13 же рублей; Кузме Советову 10 рублей; Артемию Золотому, Андрею Слободину по 8 рублей; Дмитрею Ерьмолаеву, Василью Грамотину по 6 рублей; Егору Чистому, Григорью Слободину, Пимину Крапивину по 3 рубля; Ивану Богданову 2 рубли, Никите Звереву пол 2 рубли. Молодые неверстаные подьячие: Дмитрий Суровцов, Андрей Минин, Федор Дядкин, Дмитрий Шевелев, Максим Беликов, Василей Рыбинской, Семен Селезнев, Василей Бышковской.

Да в приказе княжества Смоленского с Устюжским приказом сторожи: Ивашка Афонасьев, Микишка Иванов, им по 5 рублей на год.

До склейкам: диак Василей Посников.

Помета: 208-го ноября в 23 день. По указу великого государя отписать в тот приказ то, что в сей выписке написано выше сего, справясь подлинно.

(Отослано в Розряд в тот же день).

**Стольники, стряпчие, дворяне Московские и др. люди –
«на Москве и в городех у дел и в посылках» – «по
наряду» из Посольского и подчиненных ему приказов.
1699 г.**

В нынешнем в 208-м году сентября в 6 день в указе великого государя в государственном Посольском приказе из Розряду за приписью дьяка Ивана Уланова написано: великий государь указал в Посольском, и в Великороссийском, и в Малороссийском, и в приказах княжества Смоленского, и в Новгородском, и в Володимерском, и в Галицком и в Устюжском выписав: стольники, и стряпчие, и дворяня московские, и жильцы, и городовые дворяня, и дети боярские и иных чинов ратные люди, кто имяны из вышеписанных приказов на Москве и в городех удел и в посылках, с которого году и месяца и числа хто у какова дела, и на их места каких чинов и ково имяны отпустить, и в которых годех и месяцах и числах прежних переменить велено, – да то ево выписку велено прислать в Розряд к боярину к Тихону Никитичю Стрешневу с товарищи за дьячьєю приписью. –И по тому его великого государя указу выписано:

По указу в. г. ц. и в. к. Петра Алексеевича, в. в. и м. и б. Р. с., по наряду из государственного посольского приказу: с послы с околничим с Андреем Артемоновичем Матвеевым в Галанской земле во дворянях стольники: Александр Дмитриев сын Лихорев, Алексей Иванов сын Дашков, Лука Степанов сын Чириков, Алексей Иванов сын Ильин, Сава Алексеев сын Лутохин, Афонасей Ильин сын Казимеров, Борис Иванов сын Неронов; из начальных людей Иван Степанов сын Неелов; з дьяком с Ываном Волковым во дворянях дети ево Борис да Петр Волковы. – В Царегороде с чрезвычайным посланником з думным дьяком с Емельяном Игнатьевичем Украинцовым: дьяк, Иван Чередеев; во дворянях: Гур Родионов сын, Емельян Гуров сын, Иван Савин сын, Алексей Васильев сын Украинцовы, Афонасей да Семен Андреевы дети Беклемишевы, Сергей Федоров сын Нелюбов, Иван Трескин, Василей Комов; да во дворянях же и для толмачества турецкого языка – Василей Александров сын Даудов. – В Польше на резиденции дьяк Любим Судейкин, а с ним во дворянях сын ево Иван, Филимон Кирилов сын Спесивцов.

У насмотру посольских и малоросийского дворов – стряпчей Михайло Васильев сын Текутьев. – У датцкого чрезвычайного посланника у Павла Гейнса в приставех стольник и полуполковник Дмитрий Обросимов сын

Лежнев.

Справил Иван Губин.

В городех, которые ведомы в приказе великие Росии воеводы и приказные люди: в Сумине – Григорей Степанов сын Бобрищев-Пушкин февраля с 1-го числа 207-го году, а на ево место велено отпустить столника князь Ивана Княж Григорьева сына Чертенского. В Судже столник Андрей Осипов сын Хитрой сентября с 1-го числа нынешняго 208-го году, а на ево место отпущен Максим Михайлов сын Реткин, а переменить велено по сроке. В Лебедине столник Семен Сергиеев сын Сверчков сентября с 1-го числа нынешнего 208-го году, а на ево место отпущен столник Андрей Дмитриев сын Кобяков и переменить велено по сроке. В Мирополье столник Микита Еремеев сын Пятой апреля с 1-го числа 207-го году, а на ево место отпущен Семен Микифоров сын Домнин и переменить велено по сроке. В Краснополье белогородец Иван Григорьев сын Жулин октября с 1-го числа 207-го году, а на ево место отпущен карповец Григорей Карпов сын Мянуйлов и переменить велено по сроке. В селе Иене з дворян Михайло Петров сын Дурной генваря с 1-го числа 206-го году, а на ево место отпущен Григорей Семенов сын Бабинин и переменить велено по сроке. В Межеречах каменец Лука Иванов сын Труфанов генваря с 1-го числа 207-го году, а на ево место велено отпустить Давыда Матвеева сына Полянского. В Белополье столнике Федор Федоров сын Хрущов ноября с 1-го числа нынешняго 208-го году. В Ахтырску из житья Василей Иванов сын Тоболин октября с 1-го числа нынешняго 208-го году. В Боровле Алексей Иванов сын Чюдинов генваря с 1-го числа 206-го году, а на ево место отпущен белогородец Григорей Матвеев сын Тонкой и цеременичь велено по сроке. В Богодухове из житья Аким Тиханов сын Гвоздев июня с 1-го числа 206-го году, а на ево место отпущен столник Семен Степанов сын Кафтырев и переменить велено по сроке. В Мурафо каровец Дементей Ермолаев сын Мануйлов октября с 1-го числа 208-го году. В Краснокуцку из житья Федор Петров сын Нелюбов февраля с 1-го числа 20-го году, а на ево место отпущен из житья же на Кирила Андрей сын Писарев и переменить велено по сроке. В Колонтаеве Новагородка Северского Андрей Алексеев сын Андрюкин сентября с 1-го числа 207-го году. В Рублевке Григорей Михайлов сын Ермолин июля с 1-го числа 207-го году. В Харкове столник Иван Меншой Иванов сын Коробьин мая с 1-го числа 207-го году. В Олшанке Богдан Петров сын Дурной мая с 1-го числа 206-го году, а на ево место отпущен Федор Силин сын Хрущов и переменить велено по сроке. В Золочеве Кузма Яковлев сын Кондырев ноября с 1-го числа нынешнего 208-го году. В Салтове столник

Федор Акимов сын Дурной июня с 1-го числа 207-го году, а на ево место отпущен столник Леонтей Михайлов сын Реткин и переменить велено по сроке. В Волчьих водах Филип Алексеев сын Малютин февраля с 1-го числа 207-го году. В Будыклее Мирон Чиркин июля с 1-го числа 207-го году, а на ево место отпущен курченин Меркул Васильев сын Позняков и переменить велено по сроке. В Змееве столник Василей Володимеров сын Шилов ноября с 1-го числа 207-го году, а на ево место отпущен Володимер Евтропьев сын Чернышев и переменить велено по сроке. В Валках из дворян казанец Семен Микитин сын Твардынской февраля с 1-го числа 207-го году, а на ево место отпущен из дворян Степан Евтропьев сын Чернышев и переменить велено по сроке. В Мояцку Михаила Евтропьев сын Полубояринов февраля с 1-го числа 207-го году, а на ево место отпущен Петр Васильев сын Коноплин и переменить велено по сроке. В Новой Перекопи Иван Фомин сын Хрущев генваря с 1-го числа 207-го году, а на ево место отпущен Александр Евтропьев сын Чернышев и переменить велено по сроке.

Справил Бориско Алексеев.

На службе великого государя в Малоросийских городех: в Киеве – боярин и воевода князь Петр Иванович Хованской октября со 8-го числа 25-го году, да с ним в товарищах столник Венедикт Борисов сын Змеев марта с 18-го числа 207-го году, дьяк Иван Нежежин августа с 22-го числа 207-го же году. Да по памятям из Розряду, из Ыноземского приказов прошлого же 205-го году посланы были в Киев с ним же боярином и воеводою из житья: Иван Макаров сын Полянской, рейтарского строю прапорщики: Ефтиеей да Нинула Никитины дети Брылкины, Петр Меншой Тиханов сын Сухарев; и в сметном Киевском списке прошлого 207-го году написано, что вышепомянутые жилец и прапорщик из Киева отпущены; да по тому же сметному списку написан в Киеве столник Яков Иванов сын Ушаков, а ис приказу Малья Росии великого государя грамоты о бытии ево там в Киеве к боярину и воеводам не послано. – В Переяславле околничей и воевода Михаила Васильевич Сабакин августа с 30-го числа 204-го году. В Нежине околничей и воевода Никита Иванович Акинфов августа с 30-го числа 204-го же году, а с ним столник сын ево Камбар Акинфов, да из житья Иван Степанов сын Сеченой. В Чернигове околничей и воевода князь Иван Степанович Хотетовской ноября с 1-го числа прошлого 207-го году. На Самаре в Новом Богородицком околничей и воевода Петр Иванович Потемкин октября с 3-го числа 206-го году, дьяк Иван Салтанов июня с 16-го числа 207-го году; на Самаре же в Сергиевском городке из дворян Никита Корнилов сын Ширков марта с 22

числа 207-го году. В Орле городке из дворян же Иван Климов сын Судейкин генваря з 20-го числа 206-го году.

Справил Ивашко Петров.

В приказе княжества Смоленского выписано: в Смоленску боярин и воевода Петр Самойлович Салтыков марта з 19-го числа 205-го году, да с ним в товарищах столник и воевода Федор Иванов сын Протасьев июня с 1-го числа сего же году, да дьяк Алексей Авдеев нынешняго 208-го году ноября з 12 числа; завоевотчики столник Иван Васильев сын Прончищев, Дмитрий Бабин; у салдат генерал порутчик Андрей Андреев сын Цей, полковники: Иван Буш, Юрья Абрам, Матвей Фливерк, Филипп Синибиер; у пушкарей головою Венедикт Поливкин, а на ево место велено быть Данилу Копылову и переменнить безсрочно. В Смоленских пригородах: в Дорогобуже воеводою Михайло Григорьев сын Срезнев марта з 25-го числа 206-го году, а на ево место велено быть маеору Дмитрею Артемьеву сыну Гвоздеву, а переменнить ему по сроке и велено Михайлу Срезневу быть третей год; у салдат и у пушкарей и у ямщиков в капитанех Трофим Никитин сын Украинцов, отпущен из Дорогобужа, а велено ведать все воеводе. На Белой столник и воевода Артемей Иванов сын Челищев з 207-го году февраля с 1-го числа, а на ево место велено быть столнику Макарию Иванову сыну Челищеву и переменнить по сроке, в Рословле столник и воевода князь Алексей княж Юрьев сын Мещерской з 207-го году сентября з 25-го числа, а на ево место ведено быть столнику Ивану Иванову сыну Троханиотову, а переменнить ево велено по сроке.

Справил Тимошка Шишляев.

В городех, которые ведомы в Новгородцком приказе, бояря и воеводы и приказные люди: в великом Новгороде околничей и воевода Петр Матвеевич Опраксин, а на ево место велено быть боярину князю Ивану Юрьевич Трубецкому и переменнить велено в нынешнем 208-м году по первому зимнему пути; дьяки: Андрей Озеров августа с 1-го числа 207-го году, Иван Иванов марта з 20-го числа 207-го же году. У стрелцов головы: у Московского приказу полковник иноземец Захарей Михайлов сын Вестов з 208-го году октября с 31-го числа, велено ему быть впредь 3 года, а на ево место велено быть подполковнику Денису Рыдеру и переменнить велено в нынешнем в 208-м году генваря в 1-й день; у Новгородцкого приказу подполковник иноземец Христофор Рыцарев сын Палмер и велено ему быть з 205-го году марта с 16-го числа впредь два года, а на ево место велено быть подполковнику Роману Вилимову сыну Брюсу и переменнить о сроке. Судьею Иван Юрьев сын Татищев апреля з 20-го числа 206-го году. Обьезжим головою новгородец Иван Данилов сын

Бачманов генваря з 25-го числа 207-го году. У ямщиков в прикащиках Василей Герасимов сын Лопатин октября с 3-го числа 207-го году. У немецких дворов головою Василей Борисов сын Дурново генваря з 20-го числа 207-го году. У губных дел в Обонежской пятине в нагорней цоловине столник Петр Степанов сын Молвянинов февраля с 15-го числа 205-го году. На Волховском и на Сяском устьях и на Лавуе и на Гороховце и у Ладожских казаков и стрелцов Сергей Иванов сын Чоглоков сентября з 20-го числа нынешяго 208-го году в Воцкой пятине на Онежицкой и на Перечицкой и на Никольской заставах головою Андрей Савинов сын Одадунов генваря з 27-го числа 205-го году, а на ево место велено быть Матвеем Стахееву сыну Черкасову и переменить велено по сроке. На Костуйской заставе Гаврила Лукин сын Костомаров генваря з 25-го числа 207-го году. У Новгородских казаков головою новгородец Данила Бачманов генваря з 20-го числа 207-го году. В Тесовском остроге воеводою Стахей Евстигнеев сын Черкасов генваря з 24-го числа 207-го году.

Во Пскове: кравчей и воевода Кирила Алексеевич Нарышкин, а на ево место велено быть околичему Ивану Ивановичю Головину и переменить велено в нынешнем 208-м году по первому зимнему пути; дьяки: Лукьян Вальков марта с 30-го числа 207-го году, Алексей Сахаров августа с 15-го числа 205-го году. У стрельцов полковники: у первого полку полковник Данила Никифоров сын Загоскин да с ним подполковник сын ево Дмитрий Загоскин апреля с 1-го числа 205-го году, а на ево место велено быть, полковником Василь Васильеву сыну Козадавлеву да с ним подполковнику Ерофею Лодыженскому и переменить по сроке; у втораго полку полковник иноземец Юрья Вестов июня с 1-го числа 205-го; у того же полку подполковник Гаврила Унковской октября з 26-го числа нынешнего 208-го году. Судьею Федосей Филипов сын Рощинской августа с 15-го числа 205-го году. Объезжим головою Яков Панфилов сын Котенев генваря с 13-го числа 207-го году. У немецких дворов Головою Иван Алексеев сын Вельяминов генваря с 31-го числа 205-го году. У Псковских и Загорских ямщиков в прикащиках капитан псковых стрельцов Михайла Кляпиков ноября з 27-го числа 207-го году. – Во Псковских пригородах: на Красном – воеводою Иван Иванов сын Дуров марта з 22-го числа 207-го году, а ныне сидит сын ево Тимофей; а на ево место велено быть новгородцу Терентью Богданову сыну Унковскому и переменить велено по сроке. На Опочке у стрельцов головою новгородец Евтифей Апрелев марта со 18-го числа 207-го году, а на ево место велено быть Ивану Михееву сыну Базлову и переменить как срок два года минет. Во Гдове у стрельцов головою Конон Диков апреля с 1-го числа 207-го году.

В Старой Русе столник и воевода Яков Иванов сын Челищев декабря с 31-го числа 206-го году, а на ево место велено быть столнику Дмитрею Федорову сыну Стрелкову и переменить, как срок два года минет.

В Нижнем Новгороде: столник и воевода Иван Федоров сын Нелидов да с ним в товарищах сын ево столник же Михайла генваря с 14-го числа 207-го году; с приписью подьячей Алексей Чернеев июня з 9-го числа 207-го году; у стрелцов головою задворно конюх Иван Селиверстов ноября с 10-го числа 207-го году, а на ево место велено быть Михайлу Дунилову и переменить по сроке.

На Двине: боярин и воевода князь Михайла Иванович Тыков февраля з 20-го числа 206-го году, дьяк Еремев Полянской февраля з 20-го числа 206-го же году. У стрелцов головы: у Архангелского города подполковник Андрей Гордон февраля з 20-го числа 205-го году, а на ево место велено быть стряпчему Григорью Васильеву сыну Меркурову и переменить по сроке. На Колмогорах жилец Тимофей Сергеев сын Сверчков и ныне с полком на Москве. У Гайдуцкого приказу Василей Иванов сын Рагозин февраля с 30-го числа 207-го году и ныне он с полком на Москве. Осадным головою Аврам Кирьяков сын Бахтеяров февраля з 20-го числа 206-го году.

На Олонце столник и воевода Василей Никитин сын Зотов февраля з 26-го числа 204-го году, а на ево место велено быть столнику князю Семену княж Федорову сыну Борятинскому и переменить февраля в 26-й день нынешняго 208-го году; у стрелцов головою Иван Михайлов сын Перфильев з 207-го году, а которого числа о том не писано, а на ево место велено быть Петру Михееву сыну Базлову и переменить по сроке.

На Вятке столник и воевода Петр Васильев сын Бутурлин марта с 3-го числа 206-го году, а на ево место велено быть столнику Ивану Андрееву сыну Щепотеву и переменить по сроке. У Соли Камской столник Василей Яковлев сын Новосилцов октября с 11 го числа 207-го году; подьячей с приписью Степан Золотарев марта с 7-го числа 205-го году, а на ево место велено быть подьячому же Григорью Бирилеву и переменить марта же 7-го числа нынешняго 208-го году. На Кунгуре столник и воевода Иван Михайлов сын Коробьин февраля з 25-го числа 207-го году, а на ево место велено быть столнику Ульяну Якимову сыну Синявину и переменить по сроке. На Вологде столник и воевода князь Никита княж Федоров сын Мещерской сентября с 1-го числа 207-го году, а на ево место велено быть столнику князю Василью княж Иванову сыну Лвову и переменить по сроке; дьяк Иван Федоров генваря с 17-го числа 205-го году, а на ево место велено быть дьяку Прохору Чередееву и переменить генваря в 17-м числе нынешняго 208-го году: у стрелцов головою Никифор Иванов сын

Хлуденев декабря со 2-го числа 207-го году, а на ево место велено быть Савину Артемьеву сыну Олексееву. В Арзамасе воевода Иван Карпов сын Козлов июня з 9-го числа 206-го году, а на ево место велено быть столнику Федору Афонасьеву сыну Колзакову и переменить по сроке; подьячей с приписью Никита Ерофеев декабря з 21-го числа 205-го году, а на ево место велено быть Василью Волоцкому и переменить по сроке. В Каргополе столник и воевода Андреян Титов сын Раевской марта з 9-го числа 207-го году, а на ево место велено быть столнику Ивану Яковлеву сыну Новосилцову и переменить по сроке. В Кайгородке воевода иноземец маеор Михайла Иванов сын қоласовской июля з 20-го числа 205-го году, а на ево место велено быть Андрею Новокщенову и переменить по сроке. В Кевроле и на Мезени столник и воевода Гаврила Иванов сын Батюшков июля с 5-го числа 207-го году. В Қольском остроге воевода Григорей Никитин сын Қозлов августа с 15-го числа 207-го году, а на ево место велено быть Никите Савину сыну Ивашкину и переменить по сроке; у стрелцов головою рейтарского строю прапорщик Сава Лукин сын Трескин июня с 1-го числа 207-го году, а на ево место велено быть Федору Сергееву сыну Сверчкову и переменить велено по сроке. В Еренском воевода Данила Иванов сын Шанской февраля з 9-го числа 207-го году, а на ево место велено быть Матвею Коверину и переменить по сроке. В Пустоозерском остроге столник Иона Яковлев сын Новосилцов июля со 8-го числа 206-го году, а на ево место велено быть Григорью Никитину сыну Левашову и переменить по сроке. Да в Галицких пригородех воеводы же: у Соли Галицкой воевода Афонасей Миронов сын Соболев августа с 15-го числа 206-го году, а на ево место велено быть Григорью Михайлову сыну Писареву и переменить по сроке. На Чохломе столник и воевода Иван Иванов сын Жохов марта с 17-го числа 207-го году, а на ево место велено быть Федору Борисову сыну Моркову и переменить по сроке. На Унже в Судае столник и воевода Григорей Иванов сын Корташев марта з 24-го числа 205-го году, а на ево место велено быть Федору Воинову сыну Белелюбскому и переменить велено, как три года минет. В Парфеньеве да в Кологриве воевода Данила Воинов сын Черевин июня а 27-го числа 20-го году, а на ево место велено быть Якову Васильеву сыну Темиряеву и переменить по сроке.

Справил Андрюшка Иванов.

Устюжского приказу в городех воеводы отпусками ведомы: на Устюге великом столник Иван Васильев сын Кикин генваря с 30-го числа 205-го году, а на ево место велено быть воеводою столнику же Афонасью Михалову сыну Дмитриеву-Мамонову, переменить велено, как ему Ивану

три года минет генваря же 30-го числа нынешняго 208-го году. На Тотьме столник и воевода Дмитрий Борисов сын Зубов переменял боярина и воеводу Федора Аврамовича Лопухина в нынешнем в 208-м году октября в 6-й день. На Чаранде столник и воевода Дмитрий Тиханов сын Зыков с 206-го году декабря с 8-го числа, два года ему будет в нынешнем в 208-м году декабря в 8-м числе, а на ево место велено быть столнику Богдану Андрееву сыну Кулневу, а переменить по сроке. У Соли Вычегодцкой столник Иван Иванов сын Булгаков февраля с 10-го числа 207-го году, два года ему будет в 209-м году февраля же в 10-й день, а на ево место никто не бьет челом. На Устюжне Железополской столник Василей Иванов сын Батюшков генваря с 13-го числа 206-го году, два года ему будет генваря же 13 число нынешняго 208-го году, ему же Василью велено быть третьей год, а на ево место велено быть воеводою Юрью Писареву, а переменить по сроке, как ему три года минет.

Справил Тимошко Осипов.

По склейкам всех справок, начиная с Посольского приказа: диак Василев Посников (*три раза*).

Помета: 208-го ноября в 27. По указу великого государя отписать в тот приказ то, что в сей выписке написано выше сего, справясь подлинно.

(Отослано в тот же день).

(Дела о Посольском приказе (из Приказных дел старых лет): 208–1699 октяб. 28. Две памяти из Розряду в Посольской приказ и на оные ответы с приложением двух выписок: 1) о подьячих и других служилых людях Посольского и других приказов, с их денежными окладами; 2) о находящихся в службе в разных местах дворянах).

Отзывы Старых подьячих Посольского приказа о молодых и средней статьи подьячих. 1692 г.

200 г. помета дьяка Посольского приказа: подписать всем старым подьячим своими руками: в указном числе средние статьи и молодые подьячие Посольского приказу все ль писать умеют, и приналежно ль в приказе сидят, и в ком чаят проку и в ком не чаят.

В повьгье подьячего Максима Алексева подьячие средние статьи: Михайло Волков, молодые: Никифор Иванов да Алексей Алексеев писать гаразди, и впредь они в приказным делам прочны.

В повьгье у Козмы Нефимонова средние и молодые подьячие: Никифор Венюков, Михайло Родионов, Иван Ратков, Михайло Родостамов, Лаврин Протопопов, Володимер Борзой, Иван Меншой – писать умеют и впредь прочны. У меня же в повьгье Иван Волков; и хотя письмо нарочито и годитца, и в тетрати столпы пишет, толко лениво; а за страхом прок бы и в нем был, понеже разум есть.

У Никиты Алексева средние и молодые подьячие: Иван Фаворов, Иван Торопов писать умеют и впредь прочны; у меня же в повьгье Семен Иванов хотя и в приказ ходит и дневанье свое хранит, толко писать мало умеет.

Подьячих было указное число старых, средних и молодых (согласно штату 198 г.), неверстанных 10 человек (по штату 5).

Площадные подьячие у Посольского приказа

Великим государем ц. и в. к. Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, в. в. и м. и б. Р. с., бьют челом холопи ваши вашего государственного Посольского приказу площадные подьячие розных полков стрельцы староста Сенка Игнатъев с товарищи. По вашему великих государей указу кормимся мы, холопи ваши, у Посольского приказу на площади писмишком своим многие годы; а для ваших великих государей служб на время площадных своих мест никому мы, холопи ваши, и свойственником своим против свое братья иных больших и мелких площадей не поступывалися, и на их места, которые бывають посланы на ваши великих государей службу наша братья площадные подьячие, челобитчиков никого не принимывали, и такова образца, что для вашей государской службы площадным кому б место свое на время здать или на их место челобитчиков принимать на всех площадях нет и не бывало. А ныне, государи, стольника и полковника Дмитриева полку Романовича Жукова стрелец Иев Токарев, идучи на вашу государскую службу в Киеве, поступился на время для своей бездельной корысти, а не вовсе, площадного своего места у Посольского приказу стольника же и полковника Иванова полку Григорьевича Озерова стрельцу племяннику своему Тимофею Кондратьеву и чтоб, государи, ему Иеву, пришед с вашей государской службы и с Киева, писать на той площади у Посольского приказу по прежнему. А у нас, государи, холопей ваших во многих писмах бывает спор и буде было ему, Иеву, того своего места поступитца для службы вовсе, а не на время. Да и прежде, государи, сего он, Иев, писал у приказу Большаго Дворца и от того приказу с площади за воровство ему отказано. Милосердые в. г. ц. и в. к. Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, в. в. и м. и б. Р. с.! Пожалуйте нас, холопей своих, не велите, государи, своего великих государей указу нарушить и нами, холопи вашими, мимо всех площадей одною площадью образца учинить, и тому ево Иевлеву от нас утаенному челобитью и поступке ево верить, и на площади у своего государственного Посольского приказу для прокормления на время на ево месте, не велите, государи, племяннику ево Тимофею быть для того, государи, что ни на которых площадях у нашей братья площадных подьячих такова образца, что поступатца для ваших государских служб своих мест на время для своей бездельной корысти свойственником своим нет и не бывало, и на одном месте быт двум человеком потому, государи, что против вашего великих государей указу и за указным числом сверх 10

человек у вашего государственного Посольского приказу площадных лишних 4 человека и ему, Иеву, у своего государственного Посольского приказу впредь на площади не велите, государи, быть, потому что он, Иев, оболгав Вас, великих государей, бил челом к Посольскому приказу на площадь ложно, будто он для прокормления на площадь не пожалован был нигде. А ныне мы, холопи ваши, уведали то, что он был на площади пожалован у приказу Большаго Дворца и за воровство ему, Иеву, от той площади отказано. И велите, государи, у своего государственного Посольского приказу на площади против своего великих государей указу быть нам, холопом вашим, площадным прежнему указному числу 10 человеком, и о том со всем на сей нашей заручной челобитной свой великих государей милостивой указ учинить впредь для спору, чтоб, государи, сверх указново числа у вашего государственного Посольского приказу площадных не было, а нам бы, холопом вашим, за службишка наши было чем прокормитца. Великие государи, смилуйтесь!

Семион Игнатъев руку приложил. Ивашко Трофимов руку приложил. Афонка Захаров руку приложил. Афонка Иванов руку приложил. Алешка Посник руку приложил. Ивашко Семенов руку приложил. Ивашко Клюкин руку приложил.

Помета: 199-то генваря в 18 день. По указу великих государей думно дьяк Емельян Игнатъевич Украинцов приказал у стрельца у Тимошки Кондырева взять к сему челобитью с поступного писма Иевка Такарева список за рукою; а с приказом Большие казны за какую вину он Иевка отставлен с площади, так же и с Стрелецким приказом, как площадным подъячим своими местами поступатца велено ль и вовсе-ль для служб или на время справица памяти, и выписать наперед сего в государственном Посольском приказе площадным подъячим у того приказу по указу ль великих государей указному числу быть велено или по их поступкам, как они меж собою кому поступятца.

Се аз стольника и полковника Иванова полку Григорьевича Озерова пятисотной Иван Федоров, да яз пристав Иван Спиридонов сын Токарев, да яз пятидесятник Микита Марков, да яз десятиники Петр Григорьев сын Деделовцов, да яз Иван Иванов сын Болотов, да яз сотенной Максим Стефанов, да яз Иван Симонов – все мы порутчики поручилися есми государственного Посольского приказу приставу Костентину Алексееву того же полку по пятидесятнике по Кандратье Симонове в том, что по указу великих государей велено писать за нашею порукою у государственного Посольского приказу на площади челобитные и приставные памяти, и с суда и к суду поручные записи. И будучи ему,

Кандратью, за нашею порукою у государственного Посольского приказу на площади заемных кабал и иных крепостей не писать, такожде и заочно рук не прикладывать. А буде он, Кандратей, будучи у государственного Посолского приказу на площади, учнет заемные кабалы и иные крепости писать, такожде и заочно руки прикладывать, и на нас на порутчиках великих г. ц. и в. к. Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, в. в. и м, и б. Р. с., пеня; а пени что великие государи укажут. У сей записи послух Данила Семенов. А поручную запись писал государственного Посольского приказу площадной подьячей Ивашко Иванов лета 7200-го году маия в 25 день.

(На обороте подписи Кондр. Симонова, Ив. Седорова, Ив. Токарева, Ник. Маркова, Ив. Болотова, Макс. Степанова, Ив. Симонова, Петра Дедиловцова и послуха Данилки).

Помета; высмотря записать в книгу и взять в столп.

720-го году ноября в 27 день. Роспись государственного Посольского приказу Площадным подьячим:

Во 179-м году: Семен Игнатъев, Афонасей Захаров.

Во 194-м году: Иван Иванов.

Во 193-м году: Тимофей Кандратьев, Данило Семенов.

Да в службе великих государей: Иван Трофимов, Григорей Токарев, Иван Семенов, Алексей Андреянов, Лука Токарев, Иван Ключкин, Яков Федоров, Павел Анкидинов, Афанасей Иванов.

«Повытья» Посольского приказа в 1675 году

(Ср. стр. 51–53)

В Посолском приказе подьячие ведают дела:

Борис Михайлов; свейское, галанцов и амбурцов, грузинское, горских черкас, калмыков Аюкая тайшу с улусы.

Максим Бурцов: французское, дацкое, турецкое (сбоку: +), бухарское (сбоку + и приписано: индейское, китайское), юргенское, крымское, мугальское, сибирских калмыков (сбоку: +), донское.

Семен Протопопов: гишпанское, папу, италианское, московских всех иноземцов, мастеровых людей, мещанскую слободу (сбоку: +), виленскую и рижскую почты и чрез них присланные вестовые писма.

Иван Волков: цесарское, аглинское, полское, персицкое, (зачеркнуто: индейское, китайское), Тулские Коширские заводы железные, список подьячим.

Андрей Иванов: брандебурское, курляньское, переводчиков и толмачей.

А приезды греческие ведать розписано 4-м ч. подьячим в году по 3 месяца. А судные дела по челобитчику.

А ныне едут к великому государю волоского и мултянского воевод (сбоку: +) посланцы; а в росписи кому те приезды ведать не написано. И ныне их кому принять и посолство их ведать, о том великий государь как укажет?

Помета: 183-го июля во 18 день. По указу великого государя боярин Артемон Сергеевич Матвеев, слушав сей росписи, приказал: Посольского приказу подьячему Василью Тимофееву за ево службу, что он посылан из средней статьи к полскому королю многижды, быть в Посолском приказе в старых подьячих в пятом месте; а ведать ему дела: турецкие, бухарские, сибирских калмыков, Мещанскую слободу да приезды волоских и мултянских посланцов. А приезды греческие ведать ему против своей ж братьи вряд потому ж 3 месяца. И записать сесь великого государя указ в Посолском приказе в записную книгу.

(дела о Посольском приказе (из Приказных дел старых лет: 7182–1673 г. декабря 23. № 440. Дело по челобитьям Посольского приказа подьячих и... о даче им государева жалованья за их службу).

IV. Дополнения

К стр. 36–41. О делах бывших в ведении Посольского приказа.

«В прошлых годах в Посолском приказе ведомы были города всякими доходы: Вязма, Касимов, Романов, Елатма; да в то же время Новгородской приказ со всеми городами ведом был в Посолском приказе. (В другом документе: «в прошлых годах ведомы были в Посолском приказе города всякими денежными доходы по 184-й год: Новгороцкий приказ, Володимерская да Галицкая чети, Романов, Касимов, Елатма, Вязма» – «По 185 г. ведомы были в Посольском приказе Новгородской приказ, Володимерская, Галицкая чети; в 185 г. велено ведать их особо, «Новгородскому приказу быть особо» велено 8 марта 1677 г.).

Да в Посолском же приказе ведомы были всякими делами розных государств иноземцы гости и торговые многие люди всяких чинов с людьми, потому что аглинские гости и торговые люди имели в Московском государстве беспошлинные торговли; и галанцы, и амбурцы и иных земель торговые люди приезжали к Москве с товары невозбранно, и бывали в приезде иноземцы из розных государств многие, также и греком путь был в приезде в Московское государство свободной; и которые греки к Москве приезжали, и им давано государево жалованье корм и питье до отпуску и иное многое жалованье, а с товаров их пошлин не имывано, и приезжали греки с товары и без товаров многие, а приездами и всякими делами ведомы были в Посолском же приказе.

А ныне (187 г. октябрь) в Посолском приказе города ни какими доходы не ведомы, и Новгородской приказ ведом особо Посолского приказу, а иноземцы аглинские гости и торговые люди все из Московского государства высланы, и греком к Москве ездить не велено, и галанцом и амбурцом с товары в Москве ездить заказано и никаких ныне доходов и дел челобитчиковых в Посолском приказе нет».

К 48–49 стр. Составные части воска для печатей были следующие: 1/2 пуда воска, 3 фунта сурику, 3 фунта киновари и 10 фунтов смолы.

К стр. 54. О жаловании переводчикам Посольского приказа.

«В прошлых годах»... при царе Михаиле Феодоровиче и при Алексее Михайловиче... «давано их великих государей жалованье поденные кормы и годовые оклады Посолского приказу розных языков переводчиком по 175-й год из приказу Болшого Приходу»; с 175 по 182 г. – из доходов Новгородского приказу, «что де в Болшом Приходе за болшими расходами в поденном корму и в годовом жалованье великого государя посолским

делам чинитца мотчанье», в 182 г. с 1 сентября по 1 сентября 183 г. велено выдавать из приказа Новые аптеки, часть жалованья по 25 марта выдана, но не всем, остальным – из Новгородского приказа.

К стр. 58–65. О здании Посольского приказа.

В 1718 г. велено было «всякому перед своим домом мостить каменные мосты из дикого камня», перед Посольской канцелярией в Кремле «мост строить до Ивана великого из дикого камня» Посольской канцелярии. В 1719 г. мостовая была сделана и по этому случаю «гезель-архитектором» Мих. Земцовым и подан был чертеж замощенной площади в Кремле между колокольней Ивана Великого и зданием Посольской канцелярии (приказа), помещенный ниже на стр. 170.

Чертеж этот важен в том отношении, что показывает в точных цифрах расстояние Посольской канцелярии от колокольни Ивана Великого и Архангельского собора и след. дает возможность точно указать в Московск. Кремле то место, на котором прежде находились здания Посольского приказа и канцелярии. (Дело из Приказных дел новых лет: «1719 г. мая 12. Дело по указу из Коллегии о каменном мостовом строении пред Посольским приказом». Ныне среди дел о Посольском приказе).

В виду малого размера снимка, повторяю обозначения на подлинном расстоянии: вверху – от угла по стене канцелярии 14 саж., от угла у Архангельского собора к реке 5 саж., между этой стеной и собором 1 1/2 сажени; от ступенек крыльца до канцелярии 2 саж., от угла крыльца до нее же 6 саж, крыльцо в ширину 3 саж.; от канцелярии до колокольни Ивана Великого 26 2/3 сажени, ширины мостовой 13 саж., от конца мостовой до угла колокольни 1 саж. и с другой стороны 8 саж.

Примечания

¹ - Извлечение из этого написанного по поручению Министерства Иностранных Дел очерка истории Посольского приказа напечатано было в юбилейном издании Министерства: «Очерк истории Министерства Иностранных Дел. 1809–1912». Спб. 1902 г., стр. 1–34.

² - В киевский период существования Руси, когда вся территория Русского государства состояла из мелких удельных княжеств, мы встречаем с почти постоянной борьбой русских князей между собой за уделы, за владение, за пользование тою или другою частью Руси на основании права рождения, старейшинства, ряда, раздела, чем вызвано было появление различных соглашений о разделе Руси, союзов одних князей против других и мирных договоров или докончаний. Подобными же известиями о борьбе за власть и велико-княжеское достоинство, за вопрос о господстве и подчинении, наполнена история Русского государства и в последующее время, когда центр политической жизни его передвинулся с юга на север: князь московский, тверской или рязанский, сделавшись собственником в своем княжении, стремится подчинить всех своей власти – бояр, самых удельных князей. Князья младшие удельные, защищаясь от влияния великого князя право рода, сами ищут на основании рода такой же власти и начинаются распри между удельными и великими князьями. С другой стороны, из за велико-княжеской власти возникают между собой подобные тем, которые были в киевской Руси из за уделов. Получившие право великого князя стремились расширить власть свою на всех русских и на всю Русь. Возникает борьба. Между самими великими князьями и великими княжествами – тверским, рязанским, московским, которая должна была кончиться подчинением всех под одну руку и завершилась торжеством Москвы. Ее князья, с 1323 г. ставшие великими, к концу XV в. около Москвы сосредоточили большинство русских княжеств. Внешние сношения удельных князей, судя по их договорным грамотам, находились в зависимости от великого князя, а великие князья московские стремились к тому, чтобы внешние отношения и великих князей, оставшихся самостоятельными, независимыми от них, подчинить себе (договор 20 июля 1447 г. между великими князьями – московским Василием II Васильевичем, и рязанским Иваном Федоровичем).

³ - Сборник Импер. Русского Историч. Общества; т. XXXV, стр. 881.

⁴ - И впоследствии в первой половине XVI века (до 1567 г.) сношения эти происходили чрез новгородских наместников, и только по договору

1567 г. постановлено переписываться королю с самим государем, направляя посольства свои в Москву.

⁵ - В 1573 г. император Максимилиан предлагает царю Ивану IV разделить Польско-Литовское государство, присоединив Литву к Московскому государству, а Польшу к Австрии.

⁶ - При переговорах 1578 г. цесарь общался по завоеванию у турок Греческой империи присоединить ее к Москве.

⁷ - Крымский статейный список № 8, л. 294.

⁸ - Турецкий статейный список № 1, л. 10 об.

⁹ - Там же, л. 293.

¹⁰ - Там же, л. 336.

¹¹ - Нагайский статейный список № 2, л. 2.

¹² - Австрийский статейный список № 1.

¹³ - Турецкий статейный список № 1, лл. 95–108.

¹⁴ - Литовская метрика, книга № 2, лл. 150–156.

¹⁵ - Посольские записи говорят только о двух исключениях из этого правила, в 1501 и 1504 гг., когда литовским послу и гонцу «отвечал сам великий князь».

¹⁶ - Австрийский статейный список № 2.

¹⁷ - Должно быть отмечено также, что в XVI–XVII вв. внешние сношения происходят не между главами только государств, но и между московскими боярами и митрополитом с одной стороны и литовскими панями радными с другой. Сведения об этих сношениях бояр начинаются с конца 1502 г., когда литовская рада прислала к боярам человека своего с верующей грамотой. Они происходили затем в 1503, 1506, 1520, 1521, 1533, 1536, 1562, 1568, 1565, 1566, 1570, 1579, 1578, 1580, 1583, 1586, 1589, 1590, 1593, 1595 (а также 1618, 1620, 1622) с литовскими боярам и виленским бискупом. К митрополиту московскому те же паны и бискуп обращались в конце 1552 г., в 1555, 1562, 1565 и 1586 гг. Предметом сношений были вопросы о присылке послов для мирных переговоров, о выдаче «опасной» грамоты для них, о размене пленных, о пограничных делах и т. п. Обыкновенно литовская рада присылала грамоту, на которую московские бояре и отвечали; но бывали случаи, когда сношения начинали последние. Так в 1589 г. царь приговорил с боярами «в Литву послати от бояр с грамотою к панам радам легкого гончика припомянуги о соединенье да и вестей проведати». Московские бояре принимали гонцов и послов или на дворе вел. князя или старейший боярин у себя на дворе; но в том и другом

случае при сем присутствовали бояре и дьяки, по назначению вел. князя, царя, которые потом и доносили о сделанных им предложениях и отдавали привезенные им грамоты. – Сношения с митрополитом с 1565 г. стали получать неодобрение царя Ивана IV. Так, прибывшему в августе 1565 г. литовскому гонцу сказано было, что «у митрополита быть ему непригоже», а он должен быть у боярина кн. И. Д. Бельского. Подобный же ответ получил и литовский посол Гарабурда, прибывший в апреле 1586 г. с грамотой от панов радных к митроп. Дионисию и боярам. Царь приговорил, что ему «у митрополита и у всем бояр быти не пригоже, а взяти у него грамоты боярам, которые в ответ». Посланники принимались митрополитом в его палате, в которой кроме духовных властей обыкновенно сидели и бояре 2–3 и государев дьяк, по назначению царя. Грамоту, привезенную гонцом, принимал митрополичий дьяк, но потом она пересылалась к царю. Царем же делались распоряжения и о том – как митрополит должен был принять гонца. Литовского посланника 1562 года велено было так принять: по его входе в палату, «митрополиту против его поклона не вставати и не отвечивати ничего. Да призвати метрополиту к себе владык да дву архимандритов и бояр да дьяка Андрея Васильва, и грамота литовского посланника перед митрополитом прочести себе тайно». На грамоту митрополит отвечал также посылкой грамоты (1555 г. Польский статейный список № 7, лл. 40–107) – В царствование Феодора Ивановнча его шурин Борис Годунов имеет также отдельные сношения с иностранными государями, которые кроме грамот царю присылают грамоты и ему лично, на которые Годунов шлет отдельные ответы. Эти сношения начались кажется в октябре 1587 г. посылкой Годуновым грамот к панам радам литовским с отправленными тогда в Литву посланниками. Паны рада ответили грамотой и с того времени Годунов продолжает с ними обсылаться. Кроме Литвы он сносится с Крымом (с августа 1588 г.), цесаревым братом Максимилианом (июнь 1590 г.) и турецким султаном (февраль 1592 г.). Приезжающие в Москву послы и гонцы являются к нему и он устраивает торжественные приемы их, подобные царским. Так в мае 1589 г. он принимать цесарева посла Н. Варкача, в марте 1593 г. – посланца литовского канцлера Льва Сапеги, в августе 1593 и 1594 гг. Крымских гонцов, при чем вторые из них имели от крымского хана «тайной приказ» к Годунову. Последний вообще имел большое влияние на дела московской политики и посольские дьяки напр. речи крымских гонцев «сказывали конюшему боярину Б. Ф. Годунову».

¹⁸ - Дьяки, участвовавшие до 1549 г. в переговорах с иноземными послами и ведавшие письменную часть, переписку, возбуждавшуюся

этими приездами, нигде ни разу не носят какого-либо определительного прилагательного, которое показывало бы, к какому правительственному учреждению Московской Руси XVI в. они принадлежали: они называются только «государевыми» дьяками. Но среди них не встречается ни одного «дворцового» и «разрядного» дьяка.

¹⁹ - Однажды при переговорах не было Юрия Малого (в 1518 г.); посольская запись считает нужным отметить причину отсутствия: «Юрь тогда не домогал».

²⁰ - Собранные мною записи о составе боярских комиссий см. ниже, в Приложениях.

²¹ - С. М. Середонин. Сочинение Дж. Флетчера, как историч. источник, Спб. 1891, стр. 261. См. также т. н. «Указную книгу ведомства казначеев», в издании Археографич. комиссии, или в Христоматии Владимирского-Буданова; казначеев несомненно касаются §§ ее 3, 4, 7, 12, 13, 15, 16 и 20.

²² - В 1562 г. июня 29, во время отсутствия царя из Москвы приставу, ехавшему с датскими послами, велено было пред Москвою «обослатися на Москву к казначею Н. Фуникову, а приехав в Москву, явиться казначею Н. Фуникову.

²³ - Во время отсутствия великого князя или царя из Москвы для решения текущих дел, требовавших решения государя, назначалась последним особая комиссия из членов Боярской Думы, в состав коей входили и казначеи. Этим отчасти объясняется то обстоятельство, что и по учреждении Посольского приказа иноземные посты во время отсутствия из Москвы царя являются с грамотами не в приказ, а на Казенный двор, где бояре и казначеи, коим поручена Москва, и принимают от них грамоты и спрашивают о цели их приезда.

²⁴ - Судя потому, что первый дьяк Посольского приказа (с 1549 г.) И. М. Висковатый пишет, будучи подъячим, перемирную грамоту еще в 1542 году (Сборник Император. Русско-исторического общества, т. 59, стр. 166), можно думать, что у дьяков было несколько помощников – подъячих, ведавших каждый свое специальное дело; быть может – было несколько столов или повытчий и в том числе один по внешним сношениям.

²⁵ - М. К. Любавский, Литовскорусский сейм, стр. 384–394. Кроме канцелярии при раде находился еще «скарб», бывший хранилищем разных ценностей и служивший архивом для канцелярии; в нем сохранялись подлинники договоров, с иностранными государствами и другие подлинные акты. Ibidem стр. 394–395. Казенный подъячий упоминается в

1467 г., дьяк ок. 1450 г., двор в 1493 г. По мнению Гурлянда, заведывание Ямской гоньбой первоначально входило в круг ведомства казначеев (ямские дьяки упом. с 1490 г., изба. с 1555 г.). М. А. Дьяконов предполагает, что «Чети» и, вероятно, Большой Приход возникли из ведомства казначеев. Раннейшие упоминания о правительственных учреждениях и лицах древней Руси относятся к след. годам: 1496 г. – Конюшенных дьяках, 1501 г. – о Дворцовых дьяках, 1500 г. – о Земских дьяках, ок. 1510 г. о Холопьем приказе, 1585 г. о Разрядных дьяках, 1539 г. о Разбойном приказе, 1550 г. Полавочной и Челобитной избах, 1555 г. – о Поместном приказе.

²⁶ - Так 6 октября 1567 г. царь «приговорить со князем Володимером Ондреевичем и с своими бояры позадержати литовского посланника Юрия Быковского». В том 1567 г. бояре, по предложению царя, обсуждают вопросы дать или не дать крымским гонцам царское жалованье на приезде? 12 мая 1570 г. приговорил царь с боярами поступиться польскому королю 14 городами. 27 мая того же года царь говорил: всем боярам и из опричнины говорить о рубежах с Польшей. 10 декабря 1577 г. – отпустить крымских гонцов. 1 ноября 1590 г. по поводу жалоб литовских послов на недостаток корма «государь, поговоря со всеми бояры, приговорил послать на Посольский двор» дворянина Ржевского и дьяка Свиязева. 1615 г. царь Михаил «приговорил с бояры послать польскому воеводе Г. Вольнцову к Варгавскому державцу грамоту». В октябре 1614 г. царь Михаил указал и бояре приговорили «встретить посланника Датского Бегичеву и послать ему лошадь». 11 августа 1615 г. царь Михаил «приговорил с бояры послать к аглинскому Якубу королю в гонцах с грамотою о свейском деле из Розряду подьячего Ив. Грязева». 28 июля 1617 г. «у обедни говорил государь с бояры» по поводу челобитья английского посла о 2-х иноземцах. В июне 1617 г. посылая бояр в Ответную палату, царь велел «говорить с английским послом о делех по своему государеву указу и по боярскому приговору». В июле того же года бояре посылали к тому же послу дьяка «по всем статьям и по выписке государев указ и свой боярский приговор объявить». Другие боярские приговоры см. от 29 ноября 1567 г., 1570 г. июня 20, 1574 г. января 27, 1576 г. апреля 26, 1577 г. февраля 2, июня. 1578 г. мая 15, сентября 18. 1579 г. июля 28, августа 15, сентября 27, ноября 16. 1580 г. марта 6, августа 25, октября 15. 1581 г. мая 5, июля 18, октября. 1583 г. сентября 17, 1584 г. июля 21, 1588 г. февраля 27, 1589 г. августа 28. октября 29. 1590 г. июня 25, 1591 г. января 27, 1592 г. января 26, 1593 г. марта 22. октября 2. 1595 г. мая 19, 21, 1620 г. декабря 23. Приговоры касались главным образом приема и отпуска иностранных

послов, равно как и отправления русских. „Лета 7099-го генваря в 1 день царь и вел. князь Федор Иванович велел быти у себя государя на соборе богомольцу своему патриарху Йову, и архиепископом, и епископом, и архимандритом, игуменам, и всему Освященному собору, и всем боярам, и думным дворяном и дьяком. И приговорил государь с ними, чтобы Ругодива не писать в обеих перемирных грамотах ни в государеву сторону, ни в королеву; а приказати б об нем говорити Жигимонту королю с государевыми послы, которых пошлет государь то перемирие закреплять» (Польский стат. список № 20, лл. 466–467).

²⁷ - Так они напр. были назначены для переговоров: а) ст. литовскими послами в 1563, 1566, 1570, 1576, 1578, 1579, 1582, 1586, 1590, 1591, 1598, 1607, 1608 годах; б) с папским послом Антонием Поссевином в 1561–1582 годах; в) ст. цесарскими послами в 1576, 1593, 1595 и 1597 годах; г) с датскими послами в 1608 г.; д) с английскими послами в 1615, 1617 и 1621 годах; е) с голландским послом в 1617 г.; ж) шведскими послами в 1626 г., з) французским послом в 1629 г.; и) турецкими посланниками в 1585 и 1593 годах; й) крымскими послами в 1578 г. и к) персидскими послами в 1622 и 1692 годах и др.

²⁸ - В записях о царском приеме 1 ноября 1548 г. не говорится, кто принял грамоту; а записей после сего и до 7 апреля 1549 г. не имеется. В древнейшем Титулярнике (№ 1) говорится, что в июле 1548 г. (7056) у царя был посол крымского хана Дивей мурза; встречали его окольников Ф. Адашев «да дьяк Иван Михайлов». Вероятно, тут описка в годе: надо читать: 7057, когда царь (в июле) отпустил Дивея мурау, а с ним И. В. Полева в Крым. Статейного списка и документов, касающихся сего посольства, не сохранилось, и за 1549–1561 гг. в крымских статейных списках пробел.

²⁹ - Записи об этом встречаются: 1549 г. июля 20, октября 16. 1550 г. апреля 9, 1551 г. Мая 22, июля 23, августа 24, октября 18, 24, 28. 1552 г. мая 6, 23, 31; ноября 8. 1553 г. сентября 10, декабря 17, 28. 1554 г. февраля 10. 1555 г. января 23, февраля 20, мая 30, декабря 5, 11. 1556 г. июля 5, декабря 9. 1557 г. июля 14, ноября 7. 1558 г. февраля 20, июня 24, сентября 9, октября 9, ноября 23. 1559 г. января 14. июня 14, октября 3. 1560 г. мая 28, ноября 18. 1561 г. июня 23, декабря 2. 1562 г. января 15. Впрочем 28 сентября 1551 г. при приеме царем в Александровой слободе ногайских послов и 15 ноября 1562 г. в Москве крымского гонца грамоты у них взяты были дьяком Никитою Фуниковым (во втором случае, в 1562 г., Висковатого не было в Москве: он уехал в Англию послом. См. ниже стр.

28, примеч.).

³⁰ - 7 октября 1556 г. бывшему у царя литовскому посланнику после аудиенции велено было «итти в дьячью избу Ивана Михайлова дожидатися стола». Приставу посланников короля датского и магистра прусского 13 января 1559 г. царем велено было написать, «чтобы он с немцы приехал к Москве на площадь в избу к диаку Ивану Михайлову в четверг января 13 на другом часу дни, а на подворье бы с немцы не заезжал нигде». Посланник датский был в «избе у дьяка Ивана Михайлова и грамоты королевых послов дал дьяку Ивану Михайлову». Висковатый велел перевести грамоты и отнес их царю. На другой день царь велел посланнику «быти (на отпуске) в избе у дьяка Ивана Михайлова» и он действительно тогда был «в избе». Прибывший 4 сентября 1559 г. ногайский посол на другой день был в дьячьей избе у дьяка у Ивана у Михаитова и грамоту Исмаилеву (привезен ную послом) взял у него дьяк Иван Михайлов. 7 декабря 1559 г. царем велено было литовскому посланнику «быть в городе в Иванове избе Михайлова», причем «тутож в избе» должны были находиться окольный Адашев и казначей Ф. И. Сукин. 25 января 1560 г. литовский посланник был у окольного Адашева, который «сидел в избе у дьяка Ивана Михайлова». 11 августа того же 1560 г. «в городе в дьячьей избе у дьяка» И. М. Висковатого был другой литовский посланник.

³¹ - Хранится среди Польских дел Моск. Гл. Архива Мин. Иностр. Дел. На время составления указывает последняя ее запись, относящаяся к 1565 г. (о смерти митроп. Макария и поставлении на его место Афанасия). Полный текст ее напечатан мною в Чтениях Импер. Общества истории и древностей Российских за 1902 г., кн. IV, стр. 9–12 (Смеси).

³² - При назначении 22 января 1549 г. в боярскую комиссию для ведения переговоров с литовскими послами царь Иван IV велел Висковатого «сказати дьяком» и действительно в записях, относящихся к этому посольству, он именуется дьяком (Сборник Императ. Русского Исторического Общества, т: 59, стр. 289, 270, 298; 22 января, 8 февраля). При приемах других послов он именуется: 2 и 17 января – подъячим (ногайских послов); 1 апреля (турецких), 17 июня, 20 июля, 16 октября 1549 г. (ногайских) – дьяком. В Разрядной книге под 23 января 1549 г. он называется уже дьяком. Чтения Императ. Общества Истории и Древностей Российских, 1902 г., кн. I, стр. 138.

³³ - Об осуждении Висковатого см. в Истории Русской церкви Е. Е. Голубинского, т. II, первая половина, М. 1900 г., стр. 841 и след.

Назначение его в Данию состоялось 18 августа 1562 г.; 2 ноября 1563 г. возвратился в Москву. О казни см. в Истории государства Российского Н. М. Карамзина, т. IX, прим. 293. У Висковатого были вотчины в Переславском уезде, а одно поместье в Коломенском. Н. П. Лихачев, Разрядные дьяки, стр. 192, 193, 260. Нет основания предполагать, что Висковатый и по назначении печатником остался начальником Посольского приказа, а Васильев был вторым Посольским Дьяком. В аналогичных случаях (существования двух дьяков в приказе) оба они и поименовываются в приказных бумагах; но этого нет по отношению к Висковатому после 1562 г.

³⁴ - Васильев – отчество; фамилия – неизвестна, но вероятно Игнатьев. В 1549–1550 и 1555 – 1556 гг. он был Разрядным дьяком, в 1550 г. сопровождал ц. Ивана IV в казанском походе, в 1554 г. принимает участие в разряде свадьбы царя Симеона Казанского, в 1552–1555 гг. он упоминается при приемах послов, читает царскую грамоту к народу, когда Иван IV удалился в Александровскую слободу, возил к уехавшему из столицы царю дела и грамоты из архива, а в 1566 г. участвовал в земском соборе. См. Н. П. Лихачева Разрядные дьяки, стр. 237–238; Библиотека и Архив Московских государей н XVI в., стр. 102–109.

³⁵ - Обоим братьям вместе, царь отдает иногда свои приказания (1574 г. января 31, декабря 8. 1576 г. февраля 22. 1579 г. августа 15). Оба брата вместе иногда спрашивают послов (1574 г. мая 10). Оба посылаются с ответом к ним (1575 г. января 2. 1576 г. января 26, 27; ноября 1. 1578 г. января 15, сентября 18. 1584 г. июня 27. 1585 г. декабря в. 1586 г. апреля 12, 28. 1589 г. апреля 7. 1590 г. мая 22, октября 15, 25, 28; ноября 1, 3, 15; декабря 6, 30. 1591 г. января 2, 17. 1593 г. февраля 17, 20, 21, 25; октября 14, 23, ноября 25. Оба брата были из земщины, см. список членов думы в заседании 27 мая 1570 г. – Сборник Имп. Рус. Историч. общества, т. 71, стр. 666; также 1572 г. – у Н. П. Лихачева Разрядные дьяки, стр. 192. Андрей Щелкалов умер иноком (монашеское имя Феодосий) не ранее 1597 г. Акты Федотова-Чеховского т. I, № 96. См. Н. П. Лихачев, Разрядные дьяки (по указателю) и Библиотека и архив Московских государей, стр. 110–217. В бытность Щелкаловых начальниками Посольского приказа встречаемся с нововведением при переговорах с иноземными послами: кроме Посольского Дьяка в комиссии Боярской думы назначаются и другие дьяки. Так в 1582 г. для переговоров с польскими послами кроме бояр назначены были дьяки: А. Я. Щелкалов, А. Ф. Демьянов, Ив. Стрешнев, Ив. Андреев (Трифанов) и подъячие Сав. Фролов и Зах. Свизев;

Дьяк Ив. Андреев вместе с Андреем Щелковым были у справки перемирных грамот. В 1589 г. к цесарским послам с ответом бояре и дьяки А. и В. Щелкаловы и Елиз. Вылузгин. В 1590 г. к персидским послам дьяки Щелкаловы и Др. Петелин. В 1591 г. при написании записей договорных и перемирной грамоты с польскими послами дьяки Щелкаловы, Вылузгин и Лодыгин. В 1593 г. к персидским послам дьяки А. Щелкалов и Вылузгин, а в другой раз еще и Василий Щелкалов. – Когда в записях упоминаются оба дьяка Щелкаловы, то к их именам ни разу не присоединяется определительного слова «думный» или «посольский»; этого слова не встречается и при имени Андрея Щелкалова, когда говорится о нем одном. Василий Щелкалов в 7101 г. и 14 октября 7102 г. посланный в ответ к цесарским послам называется «посольским дьяком»; с марта 1596 г. начинает именоваться «печатникам и посольским дьяком». – В августе 7102 г. говоря крымским послам о смерти царевны Федосьи, он выражается: «а мне она была государыня, а по родству племянница». Василий Щелкалов 8 мая 1605 г. присутствует на свадьбе Лжедмитрия. Умер в 1611 г. Цесарский посол в 1597 г. называл его канцлером. Вероятно, его сын Иван Васильев упом. в 7126 г. в Тюмени.

³⁶ - Изготовление договорных записей лежало также на обязанности дьяков. 1 сентября 1520 г. вел. князь послал к литовским послам на подворье двух дьяков своих М. Путятину и Тр. Ильина, «а велел им грамоту свою прочесть, какове грамоте вел. князя опасной быть у них на королевы послы». В 1523 г. вел. князь приказал писать «списки каковым перемирным грамотам быти» и по их изготовлении посылает тех же дьяков к послам прочесть им. 4 ноября 1526 г. литовский посол приехал на двор писать грамоты; вел. князь велел «у грамот сидети диаком своим Меншому Путятину да Труфану» 2 июля 1582 г. литовский посол приехал в Ответную полату к дьякам А. Щелкалову и Ив. Андрееву для написания перемирных грамот.

³⁷ - См. их перечень в «Приложениях».

³⁸ - Именно были следующие лица: а) «При царе Федоре Ивановиче, как был в Посольском приказе диак Василей Щелкалов, и государева жалования Посольского приказу подьячим были поместные и денежные оклады: по 500 чети, денег. по 50 рублей: Офонасей Власьев, Ондрей Иванов; по 400 чети, по 40 рублей; Третьяк Аврамов, Дмитрий Иванов; по 250 чети, по 25 рублей: Собина Юрьев, Захарей Языков, Дружина Кузмин, Сава Романчуков, Иван Зиновьев; по 200 чети, по 18 рублей: Петр Данилов, Марко Поздеев. Ондрей Вареев, Семой Заборовской, Федор

Григорьев; поместным окладом не верстаны: по 12 рублей: Тихон Жиневлев, Иван Федоров; 10 рублей: Михайло Жиневлев. И всего 17 человек, а поместный оклад им был 4050 чети, денег 429 рублей. – А при царе Борисе, как был в Посольском приказе диак Афонасей Власьев, и в то время подьячие были: 500 чети, 50 рублей: Ондрей Иванов; по 400 чети, по 40 рублей: Петр Палицын, Нечай Федоров, Микифор Спиридонов; по 250 чети, по 25 рублей: Собина Юрьев, Сава Романчуков, Захарей Языков, Дружина Кузмин, Иван Зиновьев, Семен Мартемьянов; да молодых 6 человек, а в том числе поместной оклад 3-х человеком по 200 чети человеку. И всего 10 человек, а поместной оклад им был 3800 чети, денег 412 рублей. – А после Офонася Власьева был в Посольском приказе диак Иван Грамотин, и при нем были подьячие те же. А к подьячему Петру Палицыну велена быть в дьяцех, и на ево место был в подьячих Василей Телепнев, а оклад ему был поместной 500 чети, денег 50 рублей. – А при царе Василье Ивановиче был в Посольском приказе диак Василей Телепнев и Оondreю Иванову из подьячих велено быть в дьяцех, а на ево место быть в подьячих Петр Третьяков, поместной оклад ему был 500 чети, денег 50 рублей. – А при царе Михаиле Феодоровиче были в Посольском приказе диаки Петр Третьяков да Сава Романчуков, а подьячие при них были по 125-й год: по 400 чети, денег по 40 рублей: Максим Матюшкин, Иван Зиновьев, Олексей Шахов; по 350 чети, денег 33 рубли: Онтон Подолской; по 30 рублей: Иван Федоров Каша, Яков Лукин, Третьяк Микитин; по 200 чети, денег по 18 рублей: Федор Реткин, Олексей Микитин, Ондрей Семенов; по 17 рублей: Григорец Львов, Орефа Башмаков, поместными оклады не верстаны: по 15 рублей: Юрьи Резанцов, Степан Данилов, Григорей Михайлов; 11 рублей: Кирилко Дмитриев. И всего подьячих было 16 человек, а поместного окладу им было 3400 четни, денег 387 рублей. – А как были в Посольском приказе диаки Иван Грамотин да Сава Романчуков, и при них были подьячии: по 450 чети, по 45 рублей: Максим Матюшкин, Олексей Шахов; по 350 чети, 35 рублей: Михайло Неверов, 33 рубля: Третьяк Никитин, 30 рублей: Федор Реткин; 300 чети, 30-ж рублей: Григорей Львов; по 250 чети, 22 рубли: Юрьи Резанцов, 20 рублей – Максим Самсонов; по 200 чети, 18 рублей: Микита Иванов, по 16 рублей: Влас Оникеев, Филип Никитин, 14 рублей – Богдан Горяинов. И всего подьячих было 11 человек, а оклад им был 3550 чети, денег 324 рубли. – А как Сава Романчуков умер, а на ево место по государеву указу велено быть в дьяцех Максиму Матюшкину, и при нем подьячему Олексею Шахову учинен был поместной оклад 500 чети, денег 50 рублей».

³⁹ - Документы, которые поступали в Посольский приказ, были на языках: а) немецком; так 8 августа 1594 г. цесарский гонец прислал «роспись немецким письмом, как у цесаря с турским деялось»; послы в декабре 1594 г., январе и марте 1595 г. и августе 1597 г. подают «речем своим письмо» и грамоты на сем языке; б) латинском: грамоты в августе и декабре 1594 г.; в) польском – в декабре 1594 г., январе и феврале 1595 г.

⁴⁰ - См. Приказные дела 1651 г. ноября 14.

⁴¹ - В своем сочинении о государстве русском он пишет: «вся Россия разделена на четыре части, называемые русскими четвертями или тетрархиями. Каждая четверть заключает в себе несколько областей и приписана к какому-нибудь приказу, от которого и получает свое название. Первая четверть носит название Посольской четверти или области (юрисдикции) Посольского приказа и в настоящее время ею заведует главный секретарь (думный дьяк) и начальник Посольского приказа. Андрей Щелкалов». Вопросы о происхождении Четей и их первоначальной истории еще не вполне выяснены. См. о сем статьи в Журнале М. Н. Пр. С. Ф. Платонова «Как возникати Чети?» (1892 г. № 5, стр. 158–171), М. А. Дьяконова «Московские реформы половины XVI в.» (1894 г., № 4, стр. 189–198). Ср. А. С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения» и пр. стр. 452–475 и П. Н. Милюкова. «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства», Спб., 1892 г., стр. 138–146. Древнейшее упоминание о Четвертной избе относится к 1561–1562 г., о четвертном приказе к 1569 г. В 1576 г. все четвертные дьяки находились в зависимости от Андрея Щелкалова.

⁴² - Новгородская (в 122 и 123 годах называется Нижегородская) четверть ведала города: Новгород великий, Псков с пригородами: Остров, Опочка и др., Старую Руссу, Вологду, Нижний-Новгород, Джину и Архангельский город, Кевролу и Мезень, Пермь великую и Чердынь, Соль Камскую, Кайгородок, Вятку с пригородами, Вымь-Еренской городок, Каргополь и Турчасово, Арзамас, Кольской и Пустоозерской остроги. Записи от том встречаются в расходных книгах Новгородской четверти за 128, 129, 134, 152, 185, 188, 194–205 года, а о Нижнем-Новгороде и за 127; все они за исключением Новгорода, Пскова с пригородами и старой Руссы еще и в 128 г.; кроме того упоминаются: волость Варзуга в 128, 129 и 184 гг., Гороховец в 123, 128, 129, 131, 132, 134 и 152 гг. (у А. С. Лаппо-Данилевского еще в 1645 и 1647 гг.). Очерской острожек в 134 г., Олонец и Кунгур, в 185 г. В сентябре 1692 г. и в 1701 г. города. Новгородского приказа так перечисляются: Новгород великий с Обонежской пятиной (в

1701 г. прибавлено: Волховское и Сяское устья), Гороховцем, Лавуей и Тесовским острогом, Псков с пригородами: Красным, Опочкой и Гдовом, Нижний-Новгород, Старая Русса, Архангельск, Холмогоры, Олонец, Каргополь, Яренск, Кевроль, Мезень, Кольский острог, Пустоозерский острог, Вятка, Кунгур, Пермь, Чердын, Соль Камская, Вологда, Кайтородок, Арзамас. – У А. С. Лаппо-Данилевского (Организация прямого обложения в Московском государстве стр. 543–544) этот перечень городов увеличен включением значительного числа пригородов, См. также «роспись городов, какие в каком приказе были ведомы», хранящуюся среди документов приказа Тайных дел и напечатанную И. Я. Гурляндом (Ярославль, 1901 г.). Около 178 года. Новгородская четверть переименована была в приказ (в 176 г. четверть, в 178 г. приказ), в 179 г. во главе его стольник Ив. Сав. Большой Хитрово. 22 мая 1680 г. велено в приказе Большой Казны ведать таможни, кабаки и кружечные дворы и всякие денежные доходы, которые были ведомы в Новгородском приказе, Владимирской, Новой. и Галицкой четях кроме судебных пошлин. Приказы Новгородский, Большой Приход, Владимирскую и Галицкую чети судом и всякими расправами и воеводскими отпуски ведать боярину И. М. Милославскому и снести Новгородский приказ и Большой Приход, Владимирскую и Галицкую чети в одно место, чтобы челобитчикам по тем разным приказам лишней волокиты не было. Милосавскому тогда же велено ведать приказ Большой Казны.

⁴³ - Из приходорасходных книг Галицкой чети за 175, 178, 182, 191, 192, 194, 195, 197, 199–207 гг. видно, что эта четь ведала следующие города; Белев, Галич, Карачев, Кашин, Коширу, Коломну, Мещевск, Мценск, Новосил, Парфеньев, Ростов, Соль Галицкую, Суздаль, Унжу, Чернь (в 175–182 гг.), Чухлому, Шую, Юрьев Польский. В первой половине XVII в. (см. у А. С. Лаппо-Данилевского Организация и пр., стр. 546) еще: Белоозеро (1614, 1615, 1622–1655 гг.), Кологрив, Кременск (1622–1655 гг.); в «росписи» есть еще: Белоозеро, Кременск, нет гг. Мценска и Парфеньева. В 1701 г. в Галицком приказе были: Соль Галицкая, Чухлама, Унжа в Судае.

⁴⁴ - Из приходорасходных книг Устюжской чети видно, что она в 188–207 годах ведала города: Устюг Великий, Соль Вычегодскую, Тотьму. Чаронду, Устьянские волости, Вязьму, Можайск, Рузу, Звенигород, Клин, Погорелое Городище, Ржеву Володимерову, Старицу, Бежецкой верх, Устюжну Железопольскую, Пошехонье, Гремячей, Веневу. Епифань и Кляземской городок. В списке А. С. Ляппо-Данилевского (там же стр. 545–

546) находятся еще города: Вага, Великие Луки, Верея и Дмитров, а отсутствуют: Епифань и Чаронда. В «росписи» нет Ваги, Вереи и Клязьмы, но есть: Епифань, Осташков, Торонец, Чаронда. В 1701 г. в «Устюжском приказе были только: Устюг Великий, Тотьма, Чаронда, Соль Вычегодская и Устюжна. Железнопольская. – 15 февраля 1680 г. состоялся указ о ведании городов сей чети в Посольском приказе, причем велено было «всякие приказные дела и книги и казну принять из. Устюжского прибавя в Посольский приказе». С 194 г. Устюжская четь переименована в Устюжский приказ.

⁴⁵ - По приходорасходным книгам Владимирской чети 176, 198–203, 205–207 годов в ней в это время были: Волхов, Боровск, Верея, Владимир, Волоколамск, Воротыньск, Данков 176 г.), Зарайск, Калуга, Крапивна, Лихвин (в 198–205 гг.), Лух, Михайлов, Орел, Перевитеск (176 г.), Переяславль Рязанский, Печерники (178 г.), Пронск (178 г.), Путивль, Ржева Пустая и Заволочье (в 178–197 гг.), Ряжск, Сапожок, Таруса, Тверь, Торжок, Тула. А. С. Лаппо-Данилевский указывает (стр. 545) еще в этот чети: Карачев (1645 г.); в «росписи» нет: Боровска, Карачева, Лихвина, Перевитеска, Путивля и Тарусы и есть другие города: Мценск, Романов и Шуя.

⁴⁶ - В 1701 г. Малороссийский приказ ведал: Киев, Переяславль, Чернигов, Нежин, новый Богородицкой, Орел.

⁴⁷ - С присоединением сего приказа к Посольскому, в последнем образовался особый «Смоленский стол», который ведал города: Смоленск, Дорогобуж, Велиж и Невель. 18 мая 1670 г. велено было города, которые ведомы были в Посольском приказе: Смоленск, Дорогобуж, Белая Рославль, Велиж, Себеж и Красное, ведать в Новгородском приказе. См. Полное собрание законов т. I, № 471. А в следующем году они перешли в Устюжскую четь.

⁴⁸ - Города Великороссийского приказа (см. у Лаппа-Данилевского стр. 549): Ахтырск, Боровск, Белополье, Змеев, Краснополье, Лебедин, Миропорье, Мояцк, Суджа, Сумин, Харьков, Царево-Борисов. По ведомости 1701 г. воеводы и приказные люди городов, ведомых в приказе Великой России были: в Сумине, Судже, Лебедине, Мирополье, Краснополье, селе Пене, Межиречах, Белополье, Ахтырску, Боровле, Сеином, Богодухове, Мурафе, Городном, Красном Куте, Колонтаеве Новагородка Северского, Рублеве, Харькове, Олышанке, Золочеве, Салтове, Волчьих водах, Булыклее, Лимане, Змееве, Соколове, Мерефе, Валках, Царево-Борисове, Мояцком, Новой Перекопи, Андреевых лозах.

Новагородка Северского.

⁴⁹ - Печатный приказ заведывал привешением государственной печати к известного рода грамотам и памятям и сборам за это особых печатных пошлин. На обязанности Полоняничного приказа лежал сбор с населения особых и «полоняничных» денег, предназначенных на выкуп русских людей из плена (главным образом татарского, затем турецкого, бухарского и др.). Полоняничные деньги в начале XVII в. поступали в Большой Приход, в 162–176 годах в Посольский приказ. В марте 1667 г. упоминается уже особый приказ Полоняничных дел, во главе коего стояли: 1) думный дворянин Богдан Ив. Ордин-Нащокин с 13 марта по 2 июля 1667 г., 2) боярин Аф. Лавр. Ордин-Нащокин с 4 июля по 23 ноября 1667 г., 3) думный дворянин Ив. Афан. Прончищев с 25 ноября 1667 г. по 16 октября 1668 г. Посольский приказ писал между прочим: «Полоняничный приказ ныне в Посольском приказе не ведом». В 1670 г. или даже ранее он снова приписан был к Посольскому, а в 1678 г. (28 июля) к Земскому. См. у А. С. Лаппо-Данилевского, стр. 477–478.

⁵⁰ - «Купецкой двор» в Китае городе, за Рыбным рядом, что ведалн в Посольском приказе, 4 августа 1638 г. отдан к Гостиному двору в прибавку для того, что смежно сошло; вместо Купецкого двора взят в Посольский приказ тогда же старый Денежный двор с полатами, что на Варварском крестце против Гостинного двора (по правую сторону Денежного двора каменный храм великомуч. Варвары, по левую – Аглинской Двор, позади дворы поповские Мироносицкого да Варварского).

⁵¹ - Начальник Посольского приказа А. С. Матвеев в 1676 г. ведал еще Аптекарский приказ.

⁵² - Русская историческая Библиотека изд. Археографич. Комиссиею, т. IX, стр. 429.

⁵³ - Биографию А. Л. Ордина-Нащокина, составленную В. С. Иконниковым, см. в Русской Старине 1883 г. № № 10 и 11. В 1656 г. воевода в Друе, в 1657 г. в царевичеве Дмитриве городе и Друе. Царь Алексей Михайлович в 1658 г. писал о нем, что он «знает немецкое дело и немецкие нравы». Он, будучи «оберегателем посольских дел» ездил в то же время и на съезды посольские: в Курляндию (выехал из Москвы 26 мая 1668 г., возвратился 7 января 1669 г.) и в Мигновичи-Андрусово (выехал 13 марта 1669 г., возвратился 19 марта 1670 г.). За время с 26 мая 1668 г. по 19 марта 1670 г. он был в Москве только 3 дня. См. статью В. О. Эйнгорна «Отставка А. Л. Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу» в Журн. Мин.. Народного Просвещения за 1897 г., № 11, стр. 92 –

176.

⁵⁴ - Официальные, встреченные мной, записи указывают следующих печатников: 1) у вел. князя Дмитрия Донского – его духовник священник Дмитрий Митяй, впоследствии нареченный митрополитом, 2) Юрий Дм. Траханиотов в 1506 г., 3) Микула Ив. Ангиллов в 1509 и 7018 гг., 4) Ив. Ив. Третьяков в 1523 г., 5) Никита Фуников-Курцев в 1549–1553 гг., 6) Ив. Мих. Висковатый в 1561–1570 гг., 7) Борис Сукин в 1570 г., 8) Р. В. Олферьев в 1571, 1572 и 1586 гг., 9) Петр Ив. Шетнев в 1577г., 10) В. Я. Щелкалов в 1596–1601 гг., 11) Богдан Иванов Судаков в 7113 г., 12) И. Т. Грамотин в 1610–1611 гг., 13) Еф. Телепнев в 1612 г. – В ркп. библиотеки Московского Главного Архива М. И. Д., содержащей перечни бояр, окольничих и др. государственных мужей древней Руси, указываются след. печатники: 1) Вас. Ив. Сатин 7003 г. (год пожалования?), 2) Мануил Ив. Ангелов 7009 г., 3) Андрей Ив. Кертмазов (Перназов) 7018 г., 4) Ив. Дм. Бобров 7018 г., 5) Як. Ив. Мансуров 7021 г., 6) Фед. Вас. Кучинский 7021 г., 7) Юр. Дм. Траханиотов 7043 г., 8) Ник. Фед. Курцов 7047 г., 9) Бор. Ив. Сукин 7050 г., 10) Ром. Вас. Олферьев 7061 г., 11) Ив. Мих. Висковатый 7074 г., 12) Истома (Вас. Осип.) Безобразов 7092 г., 13) Вас. Як. Щелкалов 7101 г. и 14) Игн. Мих. Татищев 7106 г. Но сведения этой рукописи не вполне достоверны, как видно из сравнения с официальными данными, сейчас приведенными.

⁵⁵ - «Вырезано царь на коне победил змия, около подпись царская, титла самая малая по «и иных»; то есть самая истинная Московскаго княжения печать. Она же вырезана и на самой большой печати, которою печатаетца, в окрестные государства в среди самага орла».

⁵⁶ - См. А. Лакиера Русскую Геральдику. Спб, 1855 г. – 3 февраля 1561 года царь Иван IV «печать старую меньшую, что была при отце его, переменял, а учинил печать новую складную: орел двое главной, а среди его человек на коне, а на другой стороне орел же двоеглавной, а среди его инерог». А. Лебедев, Московская Летопись. – Для «великаго посольства» в 1697 году сделаны две печати государственные: одна большая против прежней в иностранные государства, другая величиною против малороссийской, но без предстоящих лиц, стола и булавы. – На цвете воска для печати обращалось также особенное внимание. В 1570 году наши бояре не согласились, чтобы печати польских послов, бывших в Москве, были из красного воска; послы должны были уступить и привесить печати из зеленого воска.

⁵⁷ - Подававшиеся в приказ явки клались в особую «явочную

коробью».

⁵⁸ - При царе Алексее Михайловиче посольским дьякам годового денежного жалованья «не давано для того, что в тех годах к Посольскому приказу ведомы были Новгородскаго и княжества Смоленскаго приказов, Владимирской и Галицкой чети многие денежные и иные доходы со всеми таможенными и кабацкими сборами и было дьяком прокормление нескудное. А во 185 году те доходы все из Посольского приказа взяты в приказ Большие Казны». – В январе 1690 г. в Посольском приказе были дьяки: а) Вас. Бобинин с 181 года, ныне 17 лет. Поместья 12 дворов крестьянских, из них 2 двора в бегах. б) Вас. Посников с 188 года, 10 лет. Поместья 4 Двора, все в бегах; земли 85 чети. в) Борис Михайлов с 188 г., 10 лет. Поместья 16 дворов. г) Андрей Винуус с 197 г., в Аптекарском приказе с 186 г. Вотчина – дворов 7+15+4 (+19?).

⁵⁹ - При царе Михаиле Федоровиче их было 10 человек в 1613–1617 гг., 18 в 1619 г., от 11 до 15 в 1620-х годах и 13 в 1632 г. При царе Алексее Михайловиче: 18, 16, 14, 11 в первой половине XVII вка; во второй половине при думом дьяке Алмазе Иванове (в 1665 г.) – 16, из коих 5 «старых», (пять «старых подьячих» и в 1654 г.), при А. Л. Ордине-Нащокине в 1670 г. – 22, из коих опять «5 старых», при А. С. Матвеев в 1675 г. и при Ларионе Иванове (1677–1683 гг.) – 26, из коих опять 5 «старых», в 1683–1690 гг. – 53, из коих опять 5 «старых», и 14 – «не верстанных» (без жалованья). Григорий Котошихин по указу великого государя взят в 17 году пред праздником Рождества Христова в Посольский приказ из подьячих приказа Большого Дворца. При выдаче жалованья, кормовых и праздничных денег подьячим Посольского приказа упом. в 167 году марта 20 (был на свейском посольском съезде) и в апреле; в 168 г. декабря 29; в 169 г. сентября 8, декабря 27 и августа 2; в 170 г. сентября 13, декабря 16 и 28, февраля 12. марта 22, апреля 8, июня 20; в 171 г. в апреле и июне; в 172 г. декабря 25, февраля 14; после этого числа при выдаче жалованья апреля 20, июня 12 нет его росписок и встречаются отметки: «и Гришка своровал, отъехал в государевы службы на полков в Польшу», «изменил», «сбежал».

⁶⁰ - при переложении стоимости денег XVII в. на наши, следует рубль начала XVII в. приравнять приблизительно 12 рублям нашим, рубль царствования Михаила – 14 нашим и конца XVII в. – 17 рублям нашим (мнение В. О. Ключевского, 1884 г.).

⁶¹ - Так в 1640 г. им всем был учинен оклад – 400 р.; в 1661 году: они все получили годового жалованья 360 руб. и праздничных денег 327 р. в

1663 г. 548 руб. и 650 р., в 1685 г. 400 и 451 р., в 1672 г. 549 и 592 р., в 1689 г. 706 р. и 691 р.

⁶² - Из одной записи, недостаточно полной, видно, что в 1646 году дела распределялись между подьячими так: 1) Кизыльбаши, Дания, Голландия; 2) Бухары, Юргенч, Индия, Крым; 3) Молдавия, Швеция, Греческие власти, Киевский митрополит; 4) Литва, Султан. Намек на существование повытий в 1647 году дают следующие заглавия: «книга записная 155 г. литовскаго, турскаго и аглинскаго дела и иных государств; книга записная... кизыльбашских и немецких дел и иных; книга записная... крымского дела и иных приказных дел». В октябре 1672 г. упоминаются книги греческого повытья; в 1673 г. греческое и крымское повытья; с 1 декабря 1673 года греческое повытье приказано ведать подьячему Козьме Нефимонову. Но греческие и крымские дела и в 1677 и в 1639 гг. в повытьи у одного подьячего, а не двух; след. в приведенных записях повытье употребляется не в смысле департамента, ведавшего несколько дел, а в смысле одного только стола, заведывавшего известным только одним делом (персидским или турецким и т. п.).

⁶³ - В 1702 году дела между повытьями так распределены: 1-е повытье, подьячий Максим Алексеев, ведает: папу, цесарское, французское, аглинское, португальское, флоренское, Венеция, курфистры, Италия, призды и отпуски дохтуров и аптекарей. В 1702 году вместо Алексеева назначен Лавр. Протопопов. – 2-е повытье, Иван Губань: греческое, датцкое, брандебургское, курляньское, список переводчикам, подьячим, золотописцам, толмачам, приставам и сторожам. – 3-е повытье, Мих. Волков: польское, свейское, гаданское, турское, крымское, мултяньское, волоское. – 4-е повытье, Мих. Ларионов: персицкое, армянское, донское, рижская почта, вольные города, москоские торговые иноземцы. В 1701 г. Ларионовъ послан был в Турцию, повытье ведал Лавр. Протопопов. – 5-е повытье, Ал. Симонов, ведал: меретинское, грузинское, китайское, хивинское, бухарское, юргенское. В 1701 году Симонов отставлен, повытье ведает в 1702 г. Лавр. Протопопов. Кроме того у особого подьячего Анисима Щукина в повытье – Строгонов с вотчинами. – В 1710 году первое повытье ведало дела с папой Римским и с цесарем, с Англией, Испанией, Венецией, Флоренцией и всей Италией, Францией и Венгрией; оно же ведало дела о приездах и отъездах послов, а также иностранных докторов и аптекарей. Второе повытье заведывало делами с Данией, Бранденбургом (Пруссией), Грецией, Палестиной и всеми духовными особами (восточными, малороссийскими и пр.); сверх того, и

нем велись списки приказных служителей с их окладами и приходо-расходные книги приказа. В третьем повытье сосредоточены были сношения Гамбургом, с Имеретинским царем, с донскими казаками и дела турецкие, крымские, волошские, калмыцкие. Четвертое повытье заведывало важнейшими в то время делами – шведскими, польскими и голландскими. Наконец, пятое повытье ведало дела персидские, бухарские, хивинские (юргенские), китайские, армянские и именитых людей Строгоновых. В стороне от указанных делений, стояло заведывание полотняным заводом, порученное подьячему. См. исторический очерк Министерства Иностранных Дел, Спб. 1902 г., стр. 88–99.

⁶⁴ - В апреле 1677 года старые подьячие ведали: 1) Максим Бурцов: аглинское, датское, свейское, галанцы и амбурцы, вольные города; 2) Иван Волков: папа, цесарское, польское, персицкое, армянское, индейское, подьяческий список; 3) Прок. Возницын: гишпанское, французское, турское, крымское, греческое, грузинское, китайское, юргенское, бухарское, сибирские калмыки, московские торговые иноземцы; 4) Дм. Симоновский: горские черкесы, калмыцкие тайши (сбоку против обоих: «отослдан в Казанской Дворец»), донские казаки и вся тамошняя служба, волоское, мултянское (сбоку против обоих: «у Прокофья Возницына»), Мещанская слобода, почта...

⁶⁵ - «А средней статьи и молодым подьячим с ними сидеть (в 1677 г.) у тех дел с Максимом: Козьма Нефимонов, Аф. Шишенин, К. Кокорев и М. Беянинов. С Иваном: М. Тарасов, В. Клобуков, К. Никитин, М. Волков. С Прокофьем: И. Силин, Л. Паюсов, И. Ратьков, М. Шестаков. С Дмитрием: М. Максимов, Ив. Нехорошей, Г. Степанов, А. Васильев».

⁶⁶ - Так в 1617 г. их было ок. 6, в 1622 г. – 11, в 1627 г. – 15, 1630 г. – 19, 1631 г. – 20, 1639 г. – 14, 1649 г. – 17, 1650 г. – 22, 1651 г. – 16, 1659 г. – 15, 1680 г. – 13, 1665 г. – 16, 1670 г. – 19, 1672 г. – 22, 1673 г. – 25, 1683 г. – 22, 1688 г. – 17, 1689 г. – 22.

⁶⁷ - Деньгами им выдавалось от 150 руб. (редкие случаи), 70 и до 12 р.; поместья за ними было от 350 до 300 четей. В 1665 году расходовалось на жалованье всем им 890 руб. и на поденный корм 1275 р., всего 2165 р. (на наши деньги около 37000 руб.); в 1670 г. на жалованье – 900 р. и на корм 1589 р., всего 2489 р.; в 1672–1683 гг. на жалованье – 889 р. и на корм – 1579 р., всего 2549 р.; в 1683–1689 гг. на жалованье – 1262 руб. на корм – 1666 р., всего 2928 р.

⁶⁸ - В 1622 г. их было 21, в 1627–1630 гг. – 48, 1681 г. – 49, 1639 г. – 47, 1650 г. – 51, 1665 г. – 41, 1670 г. – 35, 1672 – 1683 гг. – 30, 1683–1689 гг. –

17.

⁶⁹ - 9 декабря 1677 г. бояре в Золотой палате приговорили: начальнику Посольского приказа думному дьяку Лар. Иванову пересмотреть разных языков толмачей и устаревших отставить, дав им до смерти для прокормления с окладу и кормовых их денег до 5 алтын со всякого рубля. 11 декабря Л. Иванов разбирал толмачей, 19 оставил в Посольском приказе, 4 отставил за старость; по службам (вне Москвы) было 7.

⁷⁰ - Жалованья они получали гораздо меньше, чем переводчики: от 36 р. до 8 р. в год. На всех их расходовалось: в 1665 г. – 972 р., в 1670 г. – 820 р., в 1672–1683 гг. – 331 р., в 1683–1689 гг. – 730 р.

⁷¹ - Толмачи жили в Замоскворечьи, в отведенной для их домов местности, которая и донныне сохранила свое название – «Толмачи» (церковь св. Николая, в Толмачах).

⁷² - В январе 1673 г. Взят в Посольский приказ капитан Стеф. Кнаръ, «для чертежных дел». Занятия в Посольском приказе происходили и по вечерам и для того покупались свечи. В июне 1642 г. в Посольском приказе подьячие от 2–4 человек дежурили днем и ночью. 20 октября 1658 г. велено было в приказах сидеть по дни и ноци 12 часов; декабря 1669 г. с 1 часа ночи до 8 часов. В 1670 г. велено дьякам приезжать поранее, а выходить попозже.

⁷³ - В сентябре 1643 г. «приведен был к кресту» назначенный тогда начальником Посольского приказа думный дьяк Григорий Львов («а приводили ево во кресту оксальничий кн. С. В. Прозоровский да дьяк Григ. Ларионов в Столовой избе»). Думный дьяк присягал в том, что ему, «будучи у государева дела», государю и его детям «служити и прямити и добра хотети во всем вправду, и государские думы и боярсково приговору и государских тайных дел русским всяким людем и иноземцом не проносити и не сказывати, и мимо государской указ ничего не делати, и с иноземцы про Московское государство и про все великие государства Российского царствия ни на какое лихо не ссылатися и не думати, и лиха никакова Московскому Государству никак не хотети, ни которыми делы и ни которою хитростью, и судные и всякие дела делати и судити вправду, по недружбе никому ни в чем не мстити, а по дружбе никому мимо дела не дружити, и государскою казною ни с кем не ссужатися, и самому не корыстоваться отнюдь никакими обычаи, и посудол и поминков ни уково ничево не имати, и служити и правити мне государю своему и их государевым землям во всем вправду и до своего живота по сему крестному целованью». См. крестоприводные записи в IX томе Русской

Исторической Библиотеки, изд. Археография. Комиссиею (стр. 516–520), также древнюю Российскую Вивлиофику, т. VII, стр. 74–75.

⁷⁴ - Касимов ведом был Посольским приказом еще в 1626 г. – 5 мая 1670 г. царь указал городские дела и доходы Касимовские из Посольского приказа с сиденья А. Л. Ордина-Нащокина вынести и ведать в приказе Казанского дворца.

⁷⁵ - В 1634 году из общего прихода 2061 р. они составляли 1441 р.; в 1635 г. из 2603 р. – 2315 р. Вяземская таможня доставляла более 1000 р. (на 1644 г. должно было взять 1192 р.), кружечный сбор в селе Ерахтуре около 58 р. (эта сумма, положена на 1660 г.), а в Елатье около 500 р. (на тот же год 454 р.). Общий приход Посольского приказа до 60-х годов XVII в. составлял около 1500–2000 руб., за исключением некоторых лет, когда они были больше вследствие поступления случайных доходов (как напр. в 1649 году, когда у сыщиков отобрана была почесть и кормы с устюжан в количестве 1074 руб., и поступило полоняничных денег 768 руб., вследствие чего общий приход достиг 4201 р.)

⁷⁶ - В 1704 г. в числе доходов его значится: «в камедийной храмине с смотрящих людей собрано 406 р. 23 алт.»

⁷⁷ - В 1634 г. подьячим и сторожам 880 р., на корм турецкому послу 200 руб., послано под Смоленск 8400 руб., и на избные расходы 410 р., всего 4871 р.; в 1635 г. подьячим и сторожам 752 1/2 р., на избные расходы 54 р., доктору Сибилисту 122 руб., всего 928 р. В числе расходов встречаются записи на покупку «ладону браного, держать в приказе тот ладон для каженья в воскресные дни и в Господские и в Богородичны праздники и во время в приказе приходов посланничьих и гонецких»; на плату за молебны духовенству Кремлевских церквей, приходивших в приказе в храмовые их праздники; на покупку бумаги (заграничной) в Архангельске и др.

⁷⁸ - См. на плане Московского Кремля в начале XVII в., помещенном выше на стр. 27, здание около Благовещенского собора – Казенный двор, и в конце большого здания, построенного покоем, небольшую избу недалеко от Ивановской колокольни – Посольский приказ.

⁷⁹ - Название Посольская изба встречается в 1566, 1577, 1579, 1580, 1617 и др. годах; Посольская палата 4-го июля 1565 г., в январе и апреле 1566 и др.; Посольский приказ впервые, кажется, в октябре 1579 г.

⁸⁰ - В марте 1670 г. некоторые приказы в виду ветхости зданий в Кремле переведены были в Китай и Белый город. В новом здании, построенном в 1670-х годах Каменным приказом, в 1690-х годах охлопьями

затыкали ставни в палатах, где сидят начальные люди и подьячие.

⁸¹ - Об этом посольстве см. в «Исторических очерках и рассказах» С. Н. Шубинского, 3-е изд., Спб. 1893 г., стр. 1–10.

⁸² - В собрании Е. В. Барсова имеется план. Посольского приказа, относящийся к 1702–1704 гг.

⁸³ - Русские представители в Варшаве с этого времени следовали в следующем порядке: а) 1688–1689 гг. «Посланник» (бывший дьяк) П. Возницын, (послан 20 января 1688 г., принят королем 27 февраля, 5 мая 1689 г. имел отпускную аудиенцию и 14 мая выехал из Варшавы). б) 1689–1691 гг. «посланник» (бывший дьяк) Иван Волков (отправлен в марте 1692 г., 29 апреля приехать в Варшаву, 5 мая принят королем, а 6 января 1692 г. возвратился в Москву). в) 1691–1696 гг. «посланник» (бывший дьяк) Борис Михайлов (послан 2 августа 1691 года, 16 октября приехал в Варшаву, а 26 декабря принят королем. 16 апреля 1696 г. имел отпускную аудиенцию и 29 мая возвратился в Москву. 12 ноября 1694 г. назначен быть в Варшаву на резиденцию переводчик Николай Спафарий, но 27 марта 1695 г. назначение это было отменено). г) 1696–1699 гг. резидент Ал. Никитин (4 марта 1696 г. отправился в Варшаву, 27 мая приехал, а 1 июня принят королем. Отпущен королем 28 января 1700 г.) и д) 1699–1701 гг. резидент (бывший дьяк) Л. Судейкин (при нем двое дворян; выехав из Москвы 29 августа, 28 октября 1699 г. прибыл в Варшаву; принят королем в Саксонии 16 января 1700 г. Отзывная грамота от 18 февраля 1701 г. вручена королю 4 мая. Из Варшавы выехал 21 мая 1701 г.). – Почти все посланники жили по 3 года и затем были заменяемы другими; это напоминает обычай Московского правительства перемещать воевод в городах чрез три года.

⁸⁴ - Так посланному в 1522 г. в Литву В. Поликарпову велено в Смоленске дать королевской опасно грамоты, без которой ехать ему к королю на разрешалось.

⁸⁵ - В 1546 г. великий князь Иван IV положил опалу на крымских полове за то, что «крымский царь над великаго князя послы нечесть великую и грабежи учинил, подьячего Ляпуна соромотил, нос и уши зашивал, и обнажа по базару водил».

⁸⁶ - Писались на русском языке, но иногда к ним прилагались переводы на немецком или латинском языке. Грамоты посылались в ящиках.

⁸⁷ - Собрание трактатов и конвенций, изд. Министерством Иностр. Дел под ред. Ф. Ф. Мартенса, т. V, Спб. 1890 г., стр. 2–3; ср. т. I, Спб., 1874 г., стр. 1.

⁸⁸ - В 1584 г. английским купцам пожалован был особый двор в Москве, принадлежавший ранее купцу Юшкову, в приходе св. Максима Юродивого, что за торгом (на нынешней Варварке улице, в Китай-городе), размером 30 саж. вдоль и 20 ½ поперек; в 1649 г. Двор этот продан был И. А. Милославскому. В 1635 г. английские купцы купили двор уехавшего в Англию доктора Дия за Ильинскими воротами, в Белом каменном городе; размером вдоль 60 саж, поперек 32. См. Н. Н. Бантыш-Каменского Обзор внешних сношений России, т. I, стр. 94, 110.

⁸⁹ - У Д. Н. Рутца свой двор в Москве на Покровке, купленный им 29 мая 1628 г. у вдовы дьяка А. Б. Григорьевой, «идучи из города был на левой стороне в тупике»; в межах подле князя Ф. Елецкого двора, да Московского торгового немчина Болдвина Захарьева, а по другую сторону двор подьячего С. Сергеева (за 365 руб.). 8 июня 1631 г. кн. Елецкой продал свой дом Рутцу – «на Покровке, на Большой улице, идучи из города на левой стороне подле Черниговскаго протопопа Григорьева двора, а по другую сторону ево ж Давыдов двор» (за 565 рублей).

⁹⁰ - Для постройки шведского подворья еще в 1628 г. велено было отвести место в Москве, между Тверской и Никитской, в приходе св. Николая, что в Гнездниках.

⁹¹ - В январе 1675 г. велено было этот стан для послов устроить на Ходынке и въезд совершать по Тверской.

⁹² - В 1502 г. литовский посол Кунович стоял на дворе князя Федора Телепнева; в 1514 году турецкий посол кн. Камал на дворе Алексея Бобынина; в 1517 г. цесарский посоль Герберштейн на дворе князя Петра Ряполовского; в 1518 г. цесарские послы – на дворах князя Вас. Сем. Стародубского, на Колупаеве дворе Приклонского «да на третьем на крестьянском возле Колупаева дворе». В 1520 г. литовский гонец – на Воротынской княгини дворе за рекою; на ее же дворе за лугом (тот же домъ?) стояли литовские гонцы в следующем 1521 г. Литовские послы и гонцы – Алексеевского монастыря на Большой улице (1520 г.), на дворе князя Андрея Петр. Великого (1520 г.), в Сечинском сельце (1522 г.), за Неглимною, на Петровке на дворе Гавр. Тыртова (1551 г.), за Неглимною, на Никитской улице на дворе Истома Чертовского (1552 г.), на дворе Андрея Шеина, за Неглимною (1560 и 1565 гг.), на площади у Пушечного двора, в домах князя Фед. Шуйского, Михаила Головина и на Непеине дворе (1561 г.), за Неглимною у Петра Святого Высокого (Высокопетровский монастырь) на дворе Вас. Дурова (1762 года), за Неглимною на дворе Никифора Курбатова (1582 г.), на Тверской улице на

дворе кн. Ив. Татеева (1590 г.), на Никитской улице на дворе Афанасия Малыгина (1596 года). Датские послы и гонцы – за Яузою на дворе Андрея Карамышева (1569 г.), на Большом посаде, на крестьянском дворе (1562 года), в Ямской слободе, близко яму, на Всполье (1502 г.; послы скорбели, что им здесь стоять нужно, дворы тесны и хором в них мало, переведены были в Дорогомилово на двор архиеп. Ростовского), на Тверской улице на дворе Ив. Афанасьева (1592 г.). Цесаревы послы и гонцы – на Тверской улице на крестьянском дворе (1595 г.), на крестьянском дворе (где не сказано, 1597 г.), «в новом царе-городе у Пречистые Гребневские на дворе владыки Резанскаго» (1593 г.), «в новом царе-городе на владычнем дворе Резанскаго» (1594 г.). (Варкоч 29 декабря 1594 г. ехал на аудиенцию «с Никитской улицы полым местом на Неглименской мост и в Неглименские ворота площадью да в Фроловские ворота»). – Турецкое – на Копыловском дворе (1549 г., в Кремле на Крутицком подворье (1704 г. Подхожий стан учинен был у Донской Богородицы в слоужбе и для того в той слободе заняты были добрые дворы. Шел от Донской в Серпуховские ворота, и Кадашевым чрез Москву-реку на Каменный мост, в Стрелецкие ворота, Белым городом мимо двора боярина Льва Кирил. Нарышкина и Моисеевских богаделен, в Воскресенские ворота и Красною площадью в Спасские).

⁹³ - Не раз послы ставились в Дорогомилово на дворе архиеписк. Ростовского (литовские послы в 1513 г. «на владычнем дворе и в иных дворех», 1520 года «на владычнем дворе». 1536 и 1537 гг. «на владычнем дворе Ростовского», 1562 года «на архиепископском дворе Ростовскаго»)ю Здесь же вероятно стоял в 1503 г. литовский гонец; велено поставить «на Дорогомилово». Датский посол в 1562 году). В «городе на дворе архиеп. Ростовского» в 1587 году поставлен был цесарский посланник Гойгель. В Черторье ставились послы: «у Духа Святаго» (1523, 1526, 1529, 1543 гг, литовские), «у Духа Св. на крестьянском дворе» (1552 г. литовские), «у Духа Св. в Черторье на Бородкине дворе Кондырева» (1553 года, литовский), «за Духом Святым, на Черторье» (1531 г., литовский), «у Духа Святаго на Мосальских дворе» (1537 г. крымский гонец, «потому что на Крымском дворе в те поры стояли Ислам-Гиреевы царевичевы послы»; 1543 г. литовский гонец), «у Пятницы Святой в Черторье» (1530 г. литовский гонец), «в Черторье» (1535 г. крымские гонцы; в Москве были еще другие крымские послы, которые стояли на Крымском Дворе). В Китае-городе послы стояли: «в городе за Богоявлением» на дворе Дм. Самойлова (1551 г. турецкий купец), «в Новом городе у Богоявления за торгом» на том же дворе (1558 г. тот же купец), «на Ильинском крестце на

ангилейскаго немчина на Рафове дворе Иванова» (1570 г. турецкий купец). «в Китае-городе на крестьянском на Иванове дворе Сиркова» (1582 г. папский посол Антоний Посеевин), «в Китае-городе, на Варварском кресце, на Семенове дворе Романова» (1584 г., турецкий купец), на Ильинке на дворе Смирнова Араксалимова (1585 г. турецкий посланник. Встречен был за посадом, ехал в город в Покровские ворота, Покровскою улицею в Китай-город, в Ильинские ворота, мимо Осифовское подворье), «на Никольском кресце» на дворе князя Ив. Токмакова (1589 г. турецкий купец).

⁹⁴ - Но литовского гонца в том же 1560 г. поставили «на Литовском дворе у Всех святых на Кулишке».

⁹⁵ - В 1640 г. у гостя голландца фан-Рыгина за долговые деньги 3536 р. взят на государя двор его между Дмитровкой и Тверской; велено ведать для послов и посланников. – В 1691 г. Крымский двор «лежал впусе и нь дачю никому не отдан» («за Москвою рекою, у Земляного города, близ Калуских ворот порозжее место, что преж сего бывал Крымской двору»).

⁹⁶ - В марте 1559 г. сопровождавший датского посланника пристав доносил в Москву, что он у посланника «вынял грамоты». Грамоты доставлены были в Москву. Царь слушал их и велел отдать их гонцу и послать его датским послам. – В январе 1595 г. смоленские воеводы посылали к литовскому гонцу боярского сына и подячего, «веледи у него грамот просити, которые у него есть к датскому королю и в Свею к цесареву послу». Гонец грамот не дал. Тогда посланные «почали грамот искати. И гонец, вынув из ларца 2 грамоты и омочив в воду, изодрал, а сына боярского хотел сколоть торчем». – В сентябре 1535 г. великому князю донесли, что крымских гонцев и волошского человека «покололи князь Ивановы люди Барбашина» в его корчме. «И князь великий приговорил с боярами, что ему пригоже тех людей кн. Барбашина ко царю (крымскому хану) послати головою за то, что они покололи Будалы мурзу» (гонца).

⁹⁷ - В 1692 г. персидский посол привез на аудиенцию след. подарки: булавы, седла, золотые материи и шелковые, шелк сырец, также «дву зверей льва да львицу в санях порознь». «У Краснаго крыльца постояя мало, тех львов приняли потешные» и чрез дворец, отвезли на Потешный двор.

⁹⁸ - Если послы должны были дожидаться в Посольской избе или палате (приказе), то они слезали около Казанской избы (1589 г. и др.).

⁹⁹ - Для более ясного представления см. упоминаемые места на

рисунке Московского Кремля XVI в. из Книги избрания на царство Михаила Федоровича, выше стр. 59.

¹⁰⁰ - В 1582 г. «у государева места выше рынд» стояли В. Я. Бельский с правой стороны и А. Ф. Нагово с левой; а возле рынд стоял дьяк А. Щелкалов

¹⁰¹ - При приеме турецкого посла Фомы Катакузина после целования руки царской патриарх «ветел посла позвати к благословенью, и благословил его рукою, сидя», 1627 г. (Посол этот кроме того дважды 18 и 17 декабря 1627 г. был у патр. Филарета «на государеве святительском дворе»). В 1620 г. английский посол на царской аудиенция подал грамоту патриарху, принятую Грамотиным. «А у руки и у благословения у патриарха посол не был, потому что он не греческие веры».

¹⁰² - Затем далее они упоминаются при царских приемах в 1592, 1593, 1597 (местничество), 1614, 1615, 1617, 1620–1622, 1628 – 1629 гг. и далее; упом. и в 1692 г.

¹⁰³ - При приеме 22 июня 1581 г. литовского гонца Хр. Держки после того, как он справил царю Ивану IV поклон короля Стефана, царь, призвав к себе бояр кн. И. В. Мстиславского, Ник. Ром. Юрьева и дьяка А. Щелкалова, велел последнему спросить литовского гонца: почему он в речи говорил: «великому князю», а «царя» и «всёя Руси» не молвил? Ему не было дано скамейки, и из избы велено итти вон.

¹⁰⁴ - 19 февраля 1516 г. с Коробовым и 13 февраля 1514 г. с кн. Камалом султаном турецким присланы были грамоты «сербским письмом».

¹⁰⁵ - Также не были званы в руке, неизвестно только по какой причине литовские послы, посланники и гонец в 1525 и 1553 гг., вероятно следствие неприязненных действий.

¹⁰⁶ - См. Историю Н. М. Карамзина т. VIII, прим. 41, 44, т. X, прим. 111. Савва В. Московские цари и Византийские василевсы. Харьков, 1901 г., стр. 223, прим. 1-ое, 229–230. Котошихин говорит, что во XVII в. класть руку на голову было постоянным явлением.

¹⁰⁷ - Подробности по истории посольского церемониала см. в книге В. Саввы «Московские цари и византийские василевсы», Харьков, 1901 г., стр. 176–270. Мнение Н. И. Веселовского о татарском влиянии на московский посольский церемониал изложено в Протоколах Виленского археологического съезда. См. Труды Съезда т. II, стр. 113 (Протоколы). Самый реферат не напечатан.

¹⁰⁸ - Подробности см. в. «Очерке истории Министерства иностранных дел, 1802–1902 гг.» Петербург, 1902 г., стр. 35 и след.

¹⁰⁹ - Служба его и следующих лиц в коллегии Иностранных дел не отмечается здесь.

¹¹⁰ - В подлиннике против этого поставлен крест, который при печатании заменяется звездочкой.

Содержание

О посольском приказе Сергей Алексеевич Белокуров	1
Общий характер внешней политики Русского государства до вступления на Московский великокняжеский престол Ивана III (1462 г.)	2
Внешние сношения Московского государства с конца XV в. и до начала XVIII в.	5
Деятельность и значение Боярской думы в вопросах внешней политики Московского государства	11
Ближняя дума	14
О лицах, высылавшихся к послам «с ответом» и «на говорю»	15
Участие великокняжеских казначеев в делах, касающихся внешней политики	17
Государевы дьяки и Казенный двор	21
Реформа в делах по внешним сношениям: учреждение Посольского приказа	23
И. М. Висковатый и Андрей Васильев	27
Братья А. и В. Щелкаловы	29
Думные и недумные дьяки Посольского приказа	31
Печатники	33
Подьячие Посольского приказа в XVI в.	34
Бюджет Посольского приказа в XVI в.	35
Дела и лица, бывшие в ведении Посольского приказа	36
Дьяки Посольского приказа в XVII в.: И. Т. Грамотин, А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев, князь В. В. Голицын и др.	40
Государственные печати	45
Личный состав приказа в XVII в.: – дьяки, подьячие, повытья, толмачи, переводчики, золотописцы, сторожа и пристава	47

Бюджет приказа в XVII в.	52
Здания Казенного двора и Посольского приказа	54
Русские представители в иностранных государствах: русские «консула» XVII в. в Швеции, Голландии и Англии. Резиденты в Польше, Голландии, Турции и Австрии	56
Русские посольства в XVI– XVII вв.	58
Представители иностранных государств в Москве: Англии, Дании, Франции, Голландии, Швеции, Голштинии, Польши, Пруссии	64
Посольский церемониал и пребывание иностранных послов в Москве	67
Посольские дворы	69
Стража для охраны послов и посольских людей	73
Церемониал приема послов царем	75
Приложения	82
I. Состав комиссий боярской думы	83
II. Дьяки посольского приказа	90
Начальники Посольского приказа (Думные дьяки)	91
Товарищи начальников Посольского приказа (дьяки Сего приказа – не думные)	100
III. Переводчики, подьячие, золотописцы и толмачи Посольского приказа.	115
Штат Посольского приказа 1689 г.	116
Сказки переводчиков Посольского приказа о количестве поместий и вотчин за ними. 1696 г.	127
Подьячие Посольского и подчиненных ему приказов в 1699 году	139
Стольники, стряпчие, дворяне Московские и др. люди – «на Москве и в городех у дел и в посылках» – «по наряду» из Посольского и подчиненных ему приказов. 1699 г.	142
Отзывы Старых подьячих Посольского приказа о молодых и средней статьи подьячих. 1692 г.	150
Площадные подьячие у Посольского приказа	151
«Повытья» Посольского приказа в 1675 году	154
IV. Дьяки	155

